

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

ВЫПУСК 32

17 июля 1974 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
Нью-Йорк, 1974

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

ВЫПУСК 32

17 июля 1974 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Высылка СОЛЖЕНИЦЫНА — Процессы ХАУСТОВА, СУПЕРФИНА, НЕКИПЕЛОВА, ПИРОГОВА — Дело № 15 в Ленинграде — Пятидесятники намерены уехать из СССР — Советские немцы хотят уехать в ФРГ — Преследования крымских татар — События в Литве — Дело ПАЙЛОДЗЕ — В тюрьмах и лагерях — В психиатрических больницах — Неопубликованный Указ Президиума Верховного Совета СССР — Неофициальный международный научный семинар в Москве — О журнале «Вече» — В Московской писательской организации — Внесудебные преследования — По страницам советской прессы — Краткие сообщения — Новости самиздата — Письма и заявления — Исправления и дополнения.

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство «Хроника», имея на то ясно выраженные полномочия, будет, по мере поступления, переиздавать типографским способом выпускаемый в СССР в Самиздате журнал «Хроника текущих событий».

Ответственным редактором настоящего сборника является П. Литвинов, который полномочен представлять редакцию «Хроники текущих событий» в том, что касается защиты ее авторских прав.

Главный редактор издательства «Хроника»

Валерий Н. Чалидзе

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 32

July 17, 1974

Managing editor for this issue P. Litvinov

Copyright © 1974 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y. 10018

Printed by: Waldon Press, 216 W. 18 St., N.Y.C. 10011

ВЫСЫЛКА СОЛЖЕНИЦЫНА

13 февраля, после длительной и обильной газетной травли, из Советского Союза был выслан Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН.

Причиной тому послужила публикация в издательстве «ИМКА ПРЕСС» романа «Архипелаг ГУЛАг» (Хр. 30).

Обстоятельства, сопутствующие выпуску этой книги, а также события, развернувшиеся вслед за этим, подробно описаны в самиздатском сборнике «Жить не по лжи». Этот сборник получил достаточно широкое хождение, и поэтому «Хроника» ограничивается изложением основного хода событий.

* * *

В конце августа 1973 г. после 5 дней допроса в Ленинградском УКГБ 70-летья Е. Д. ВОРОНЯНСКАЯ выдала место, где хранился экземпляр романа А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «Архипелаг ГУЛАг».

Если верить справке КГБ по делу проф. ЭТКИНДА (см. наст. выпуск), ВОРОНЯНСКАЯ показала также, что 2 экземпляра рукописи «Архипелага» СОЛЖЕНИЦЫН передал ей через ЭТКИНДА.

Вскоре Е. Д. ВОРОНЯНСКАЯ покончила с собой.

* * *

Со стеснением в сердце я годами удерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед еще живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность все равно взяла эту книгу, мне ничего не остается, как немедленно публиковать ее.

Сентябрь 1973

А. Солженицын

* * *

В декабре 1973 г. роман вышел в Париже в издательстве «ИМКА-ПРЕСС».*

С начала января в советских газетах появились первые публикации, посвященные выпуску романа. Вначале это были выдержки из иностранной прессы и выступления ТАСС.

Угрозы Телеграфного Агентства обеспокоили многих. 5 января В. ВОЙНОВИЧ, А. ГАЛИЧ, В. МАКСИМОВ, А. САХАРОВ, И. ШАФАРЕВИЧ обратились с призывом защитить СОЛЖЕНИЦЫНА.

* В интервью, данном 25 июня 1974 г. американскому телевидению, А. И. СОЛЖЕНИЦЫН рассказал, в частности, о торге, затеянном властями. СОЛЖЕНИЦЫНУ обещали напечатать в СССР «Раковый корпус» в обмен на отказ от публикации «Архипелага» в течение 20 лет.

13 января в газете «Правда» была напечатана статья СОЛОВЬЕВА «Путь предательства». Она стала руководящим документом — статью перепечатали практически все центральные и местные газеты. В дальнейшем газеты печатали отклики на статью СОЛОВЬЕВА.

18 января 1974 г. СОЛЖЕНИЦЫН сделал заявление, в котором с присущей ему страстностью указывал на подтасовки фактов и натяжки, совершаемые советскими органами печати. Среди прочего СОЛЖЕНИЦЫН писал: «На **какие** страницы они будут указывать, из **какой** книги? Ведь «Лит. газета» попала на мародерстве, на раздевании трупа: она цитирует **захваченный экземпляр**, 4-ю и 5-ю часть «Архипелага», которые еще не напечатаны, — именно в Госбезопасности делал выписки подозрительный «литератор»!».

Тем временем в Самиздате появились первые отклики на роман и первые возмущения по поводу газетной травли.

Появилась статья Г. БЁЛЛЯ «Надо идти все дальше...», посвященная факту публикации романа.

Появилась обширная рецензия Роя МЕДВЕДЕВА...

С письмами протеста, индивидуально и коллективно, выступили Б. МИХАЙЛОВ; Е. БАРАБАНОВ; В. БОРИСОВ; Б. ШРАГИН; Л. ЧУКОВСКАЯ; В. ДОЛГИЙ; ГУСЯКОВА; В. ЗАЙЦЕВ; И. ОВЧИНИКОВ; В. ОСИПОВ; В. РЕПНИКОВ; В. РОДИОНОВ; М. АГУРСКИЙ.

* * *

8 февраля жене СОЛЖЕНИЦЫНА Наталье СВЕТЛОВОЙ пытались вручить повестку с вызовом ее мужа в Прокуратуру СССР; СВЕТЛОВА отказалась взять повестку.

11 февраля вызов был повторен.

* * *

ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА СССР, в ответ на ее повторный вызов

В обстановке непроходимого всеобщего беззакония, многолетне царящего в нашей стране (а лично ко мне — и 8-летней кампании клеветы и преследований), я отказываюсь признать законность Вашего вызова и не явлюсь на допрос ни в какое государственное учреждение.

Прежде, чем спрашивать закон с граждан, научитесь выполнять его сами. Освободите невинных из заключения. Накажите виновников массовых истреблений и ложных донощиков. Накажите администраторов и спецотряды, производившие геноцид (высылку народов). Лишите **сегодня** местных и отраслевых сатрапов их беспредельной власти над гражданами, помыкания судами и психиатрами. Удовлетворите **миллионы** законных, но подавленных жалоб.

11 февраля 1974 г.

А. Солженицын

* * *

12 февраля в 5 часов вечера в квартиру СОЛЖЕНИЦЫНА ворвались 8 человек во главе со старшим советником юстиции ЗВЕРЕВЫМ.

СОЛЖЕНИЦЫНУ было предъявлено постановление о приводе в Прокуратуру. Один из участников операции уверял его жену, что Александр Исаевич скоро вернется.

СОЛЖЕНИЦЫНА увели, но в квартире остались двое «гостей», которые заняли посты у двери и телефона и пробыли там около получаса.

От дома СОЛЖЕНИЦЫНА до Прокуратуры СССР не больше десяти минут ходьбы — уже тогда у семьи писателя появилось подозрение, что его повезли не в Прокуратуру.

* * *

Заявление А. Солженицына, написанное им заранее, на случай ареста

Я заранее объявляю неправомерным любой уголовный суд над русской литературой, над единой книгой ее, над любым русским автором. Если такой суд будет назначен надо мной — я не пойду на него своими ногами, меня доставят со скрученными руками в воронку. Такому суду я не отвечу ни на один его вопрос. Приговоренный к заключению, не подчинюсь приговору иначе, как в наручниках. В самом заключении, уже отдав свои лучшие восемь лет принудительной казенной работе и заработав там рак, — я не буду работать на угнетателей больше ни получаса.

Таким образом я оставляю за ними простую возможность открытых насильников: вкоротке убить меня за то, что я пишу правду о русской истории.

* * *

В 9 часов вечера стало известно, что Александр СОЛЖЕНИЦЫН арестован.

* * *

...Наступило пятое действие драмы.

Позор стране, которая допускает, чтобы оскорбили ее величие и ее славу.

Беда стране, у которой щипцами вырывают язык.

Несчастье народу, который обманывают.

Благословение и поддержка человеку, который сейчас, грубо разлученный с семьей и друзьями, оболганный перед своим народом, — вот сейчас, сию минуту! — ведет свой беззвучный поединок с незаконным насилием.

12 февраля 1974 г. 23 часа. Москва

Лидия Чуковская

* * *

Вечером 12 февраля в Лефортовской тюрьме СОЛЖЕНИЦЫНУ предъявляется обвинение в измене родине (ст. 64 УК РСФСР). Обвинение подписал старший советник юстиции ЗВЕРЕВ; при предъявлении обвинения присутствовали заместитель Генерального прокурора СССР МАЛЯРОВ.

* * *

На следующий день после ареста, 13 февраля, появилось «Московское обращение». Его авторы: А. САХАРОВ, Е. БОННЭР, В. МАКСИМОВ, М. АГУРСКИЙ, Б. ШРАГИН, П. ЛИТВИНОВ, Ю. ОРЛОВ, свящ. С. ЖЕЛУДКОВ, А. МАРЧЕНКО, Л. БОГОРАЗ требовали:

1. Опубликовать «Архипелаг ГУЛag» в СССР и сделать его доступным каждому соотечественнику;
2. Опубликовать архивные и иные материалы, которые дали бы полную картину деятельности ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ;
3. Создать международный общественный трибунал по расследованию совершенных преступлений;
4. Оградить СОЛЖЕНИЦЫНА от преследований и дать ему возможность работать на родине.

Авторы «Московского обращения» призвали к созданию в разных странах национальных комитетов по сбору подписей под обращением.

* * *

13 февраля в 13 часов в одиночной камере Лефортовской тюрьмы МАЛЯРОВ прочел СОЛЖЕНИЦЫНУ Указ, лишавший его гражданства СССР.

В тот же день он был насильно выслан из Советского Союза в ФРГ.

После высылки газетная кампания в советской прессе вспыхнула с новой силой и длилась еще неделю.

* * *

14 февраля с поддержкой «Московского обращения» выступила М. ЛАНДА. 17 февраля письмо о присоединении к «Московскому обращению» опубликовали Е. БАРАБАНОВ, Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, Т. ХОДОРОВИЧ. Указав на попытки советских газет представить западных комментаторов и некоторых известных людей Запада сторонниками высылки СОЛЖЕНИЦЫНА, авторы пишут: «...Неужели свободный мир смирится с очередной фальсификацией его мнения перед обманутым и запутанным народом?... в том, о чем рассказано в книге СОЛЖЕНИЦЫНА,... есть также и доля вины Запада... Не пора ли осознать со всей ответственностью, что, пользуясь разобщенностью наших миров, пользуясь нашей взаимной неосведомленностью, вас превращают в соучастников... Солидарность людей не может ограничиться словами. Она — действенна. В этом — наша надежда».

Позднее к «Московскому обращению» присоединились Е. С. АНДРОНОВА, Л. АПТЕКАРЬ, В. БАХМИН, Н. Я. ИОФЕ, О. ИОФЕ, И. КАПЛУН, А. ЛАВУТ, А. ЛЕВИТИН (КРАСНОВ), Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ, С. ХОДОРОВИЧ, Л. ТЫМЧУК.

По словам писателя Владимира МАКСИМОВА, в ФРГ и Зап. Берлине к «Московскому обращению» присоединилось 50 тыс. человек.

30 марта СССР покинула семья СОЛЖЕНИЦЫНА. Известно письмо его жены. Прощаясь этим письмом с друзьями, она уверенно говорит, что Александр Исаевич, она сама и дети — вернутся.

СУД НАД ВИКТОРОМ ХАУСТОВЫМ

4-6 марта в Орловском городском суде состоялся процесс по делу Виктора Александровича ХАУСТОВА. Судья — НОВИКОВ, прокурор — ПОНОМАРЕВ, защитник — НИМИРИНСКАЯ (адвокат из Ворошиловграда).

Основные обвинения, предъявленные ХАУСТОВУ: передача для «Хроники» информации об Орловской подпольной группе КУЗИНА и др. (Хр. 29); участие в размножении и передаче на Запад «Дневников» Эдуарда КУЗНЕЦОВА; подписание писем в защиту БУКОВСКОГО и ЯКИРА; хранение и распространение «антисоветской» литературы — выпусков «Хроники», сборника «Памяти А. И. КОСТЕРИНА», 2-х листовок в защиту П. Г. ГРИГОРЕНКО, журнала «Новый град», книги ШУБА «Политические деятели России 1895-1920 гг.»; устные «клеветнические» высказывания о советском строе и советской избирательной системе. В обвинении указано, что, освободившись в 1970 г. после трехлетнего заключения, ХАУСТОВ «остался на своих антисоветских позициях» и «поддерживал преступную связь с ЯКИРОМ, КРАСИНЫМ, БЕЛОГОРОДСКОЙ, БОННЭР, КУЗИНЫМ, СУПЕРФИНОМ».

ХАУСТОВ признал себя виновным, хотя в ходе судебного разбирательства оспаривал некоторые пункты обвинения. Он сказал, что после освобождения остался при своих прежних антисоветских убеждениях, однако антисоветскую деятельность считал бесполезной, бесцельной, не приносящей ничего, кроме вреда тем людям, которые ею занимаются. Он продолжал интересоваться философией, особенно религиозно-философскими работами, и, доставая интересующую его литературу, познакомился с КУЗИНЫМ. Получив от КУЗИНА его «Программу», ХАУСТОВ передал ее ТЕЛЬНИКОВУ, однако категорически возражал против аннотирования «Программы» в «Хронике» и против упоминания о созданной в Орле подпольной группе. Этому единичному эпизоду ХАУСТОВ не придавал значения антисоветской деятельности.

Выступивший на суде свидетелем КУЗИН показал, что ХАУСТОВ привозил ему в Орел от ТЕЛЬНИКОВА антисоветскую литературу: «Хроники», книгу ШУБА, сборник «Памяти КОСТЕРИНА» и др. Интересуясь политическими взглядами КУЗИНА, ХАУСТОВ получил от него программу для ознакомления. КУЗИН сказал, что ХАУСТОВ произвел на него впечатление человека, который втянут в эту деятельность против своей воли.

ХАУСТОВ показал, что рукопись «Дневников» КУЗНЕЦОВА он получил от БОННЭР в пакете с надписью «Только для Виктора». ХАУСТОВ обращался с просьбой о размножении рукописи к

ЯКИРУ, хотел размножить ее сам, но не смог. Тогда он обратился за помощью к СУПЕРФИНУ. СУПЕРФИН перепечатал рукопись в трех экземплярах и взял на себя ее передачу на Запад. Второй экземпляр машинописи ХАУСТОВ отдал БОННЭР, третий оставил себе, предполагая распространить в самиздате. Как он узнал на следствии из показаний СУПЕРФИНА, тот передал на Запад машинописный экземпляр и рукопись. Из тех же показаний ХАУСТОВ узнал, что БОННЭР передала свой экземпляр в Италию.

Вызванный на суд в качестве свидетеля СУПЕРФИН сделал заявление об отказе от своих показаний, данных на следствии, и отказался давать показания на суде (подробнее см. этот выпуск «Хроники»: «Дело Габриэля СУПЕРФИНА»). Судья заявил, что в таком случае будут зачитаны показания СУПЕРФИНА, данные им на предварительном следствии. Защитник ХАУСТОВА адвокат НИМИРИНСКАЯ внесла протест, считая такое решение незаконным: УПК предусматривает возможность зачитать показания в случае неявки свидетеля на суд или в случае резкого расхождения показаний, данных на следствии и в судебном заседании, но не в случае отказа от дачи показаний. Суд назначил перерыв, во время которого НИМИРИНСКАЯ, с разрешения судьи, беседовала с СУПЕРФИНОМ. После перерыва СУПЕРФИН согласился ответить на некоторые вопросы, не касающиеся третьих лиц. Он дал показания относительно перепечатки и передачи «Дневников», отметив незначительную роль ХАУСТОВА. После этих показаний ХАУСТОВ выступил снова, в свою очередь принимая на себя основную долю участия.

О письмах в защиту арестованных ХАУСТОВ показал, что он не считает их антисоветскими: его подпись под этими письмами вызвана личными дружескими мотивами. Он сказал, в частности, что его удивляли перемены в судьбе БУКОВСКОГО: то его признавали шизофреником, то здоровым. В ответ на это судья спросил, почему ХАУСТОВ не написал, чтобы не судили больного. ХАУСТОВ ответил, что не считал БУКОВСКОГО больным.

Кроме двух основных свидетелей, приведенных в зал суда под стражей, выступили также несколько человек с завода электровакуумных приборов, где работал ХАУСТОВ до ареста, и с избирательного участка. Они показали, что ХАУСТОВ отказался участвовать в выборах, не ходил на демонстрации, рассказывал о том, как отбывал наказание, однако антисоветских разговоров не вел и по собственной инициативе в разговорах на политические темы не участвовал.

На вопрос суда о том, раскаивается ли он, ХАУСТОВ сказал, что раскаяния у него нет, но есть сожаление; что он остается и, видимо, останется на антисоветских позициях. Тем не менее, сказал ХАУСТОВ, антисоветскую деятельность он продолжать не намерен.

Прокурор потребовал для ХАУСТОВА 5 лет лагерей и 3 года ссылки.

Адвокат в части пунктов (антисоветские высказывания, подписание писем) полностью отрицала вину ХАУСТОВА, в отношении остальных сделала ряд поправок. Адвокат обратила внимание суда на трагизм судьбы ХАУСТОВА, на его стремление к справедливости.

ности, выражающееся, в частности, в том, что он, оспаривая незначительные моменты обвинения, признает гораздо более тяжелые. Она просила применить к ХАУСТОВУ минимальное наказание.

В последнем слове ХАУСТОВ сказал, что обвинение и защита полностью и разносторонне охарактеризовали его деятельность и его личность. Он сказал, что ждет от суда не милости или снисхождения, но только справедливости.

Суд приговорил ХАУСТОВА к 4 годам лагерей и 2 годам ссылки.

Верховный Суд РСФСР в кассационном заседании 16 апреля признал приговор Орловского городского суда полностью законным и обоснованным.

27 мая Виктор ХАУСТОВ был отправлен из Орловской тюрьмы и 4 июля прибыл этапом в Пермские лагеря. Его адрес: Пермская обл., Чусовской район, пос. Кучино, учреждение ВС-389/36.

Дело Габриэля Суперфина

Габриэль СУПЕРФИН, 1943 г. рождения, автор ряда публикаций и подготовленных к печати работ по истории русской литературы и культуры, был арестован в Москве 3 июля 1973 г. (Хр. 30) и отправлен в Орел, т.к. один из пунктов предъявленного ему обвинения — передача на Запад «Дневников» Эдуарда КУЗНЕЦОВА — давал повод объединить его дело с делом Виктора ХАУСТОВА (Хр. 29). Впоследствии, однако, дело СУПЕРФИНА было выделено.

На нескольких допросах осенью 1973 г. и на многих допросах, произведенных в январе-феврале 1974 г. в Москве, Ленинграде, Таллине, Тарту, Риге, свидетелям предъявили показания СУПЕРФИНА об участии различных людей в передаче «ДНЕВНИКОВ», в издании «Хроники текущих событий» и т.п. Как выяснилось позднее, СУПЕРФИН действительно дал такие показания, но уже 5 ноября 1973 г. он заявил следствию, что все показания, данные им между 22 июля и 5 ноября, являются ложными. Мотивы, которые привели его к даче ложных показаний, СУПЕРФИН определил как подлые и шкурнические. Это заявление СУПЕРФИН публично повторил 5 марта 1974 г. на суде над Виктором ХАУСТОВЫМ, куда был доставлен как свидетель (см. наст. выпуск). Он отказался давать на этом процессе свидетельские показания, считая свой отказ единственной доступной ему формой протеста против изгнания из страны А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА.

Дело СУПЕРФИНА (ст. 70 ч. 1 УК РСФСР) слушалось 12-14 мая Орловским городским судом под председательством НОВИКОВА (он же председательствовал на суде над ХАУСТОВЫМ). Обвинитель — зам. прокурора Орловской обл. ШТЕЙМАН. Защищал подсудимого ленинградский адвокат ГУРЕВИЧ (Московская коллегия защитников не позволила родным СУПЕРФИНА взять выбранного ими московского адвоката Л. А. ЮДОВИЧА).

Основные обвинения, предъявленные СУПЕРФИНА на суде: перепечатка и передача на Запад «Дневников» Эдуарда КУЗНЕЦОВА, подготовка материалов для «Хроники» и редактирование

ее выпусков, передача материалов для журнала «Вестник РСХД» (в том числе своей рецензии на трехтомник МАНДЕЛЬШТАМА), редактирование книги Питера РЕДДАВЕЯ «Неподцензурная Россия» (пометки, сделанные на экземпляре книги), распространение статьи Лешека КОЛАКОВСКОГО «Тезисы о надежде и безнадежности», подписание в 1968 г. письма в защиту ГАЛАНСКОВА и ГИНЗБУРГА, «клеветнические» высказывания о ГОРЬКОМ и ШОЛХОВЕ.

Известно, что в 1973 г. показания о редактировании СУПЕРФИНОМ книги РЕДДАВЕЯ давал КРАСИН, а о редактировании «Хроники» — БЕЛОГОРОДСКАЯ.

СУПЕРФИН не признал себя виновным. Он подтвердил фактическую сторону большинства предъявленных ему обвинений, но отверг трактовку своих действий как антисоветских. Он охарактеризовал «Дневники» КУЗНЕЦОВА, как необыкновенный человеческий документ — записи приговоренного к высшей мере наказания, как произведение большого художественного значения, а их автора — как мужественного человека, пожертвовавшего собой ради права евреев на эмиграцию в Израиль. Ссылаясь на материалы «Хроники» — в частности, подготовленные им заметки о запрещенных фильмах и о цензуре (Хр. 14, 19) — СУПЕРФИН утверждал, что цель и содержание «Хроники» — правдивая, достоверная информация, а не «антисоветская клевета». По мнению СУПЕРФИНА, «Хроника», сообщая о тех мерах наказания, которым подверглись определенные люди за свои действия (например, сообщение о деле ВСХСОН — Хр. 1), для многих читателей играла предупредительную роль, могла удержать их от совершения необдуманных поступков. СУПЕРФИН опроверг также «антисоветский» характер «Вестника РСХД», указав, что это независимый журнал с религиозной, литературной и общественной тематикой, что он издается трудами рук всего одного человека, а не на деньги ЦРУ, НТС и т.п.. Он отметил существование ссылок на этот журнал в советской печати.

На суде были зачитаны оценки, которые СУПЕРФИН давал этим изданиям на предварительном следствии до 5 ноября: тогда он признавал их «антисоветский характер». Эти оценки, как и ряд отвергнутых им позднее показаний того же периода (также зачитанных на суде), СУПЕРФИН объяснил страхом и стремлением переложить свою ответственность на других людей. СУПЕРФИН заявил, что за свое поведение на следствии он готов ответить и не только по Уголовному кодексу.

На процессе выступили три свидетеля. Виктор ХАУСТОВ повторил показания, данные им еще до ареста СУПЕРФИНА на следствии, а затем на своем суде, изложив версию размножения «ДНЕВНИКОВ» КУЗНЕЦОВА и передачи рукописи на Запад (см. наст. выпуск). Эти показания в основном совпадают с показаниями СУПЕРФИНА. Лев ЛАДЫЖЕНСКИЙ (см. наст. вып.), рижанин, находящийся под следствием и так же, как ХАУСТОВ, приведенный на суд под стражей, подтвердил, что по просьбе СУПЕРФИНА он перевел статью КОЛАКОВСКОГО. Шандор ФОДО, выпускник Тартусского университета, высоко оценив СУПЕРФИНА как че-

ловека и ученого, подтвердил, что подробно рассказывал ему о своем увольнении с работы. ФОДО заявил, что в разговорах с СУПЕРФИНОМ именно он, ФОДО, поднимал тематику, связанную с национальным вопросом, так как это всегда волновало его в применении как к его родному народу — венграм Закарпатья (см. Хр. 22), так и к другим национальным меньшинствам.

В суд не были вызваны свидетели, ссылками на показания которых подкреплены эпизоды обвинения, вошедшие впоследствии и в приговор. Так, показания И. ЖОЛКОВСКОЙ упомянуты как одно из доказательств участия СУПЕРФИНА в сборе информации для «Хроники». Известно между тем, что на предварительном следствии И. ЖОЛКОВСКАЯ показала лишь, что читала письма из лагеря своего мужа ГИНЗБУРГА многим знакомым, «в том числе, может быть, и СУПЕРФИНУ».

«Учитывая слабое здоровье подсудимого», прокурор ШТЕЙМАН запросил для него 6 лет лагеря и 3 года ссылки.

Суд приговорил СУПЕРФИНА к 5 годам лагеря строгого режима и 2 годам ссылки.

9 июля в Верховном Суде РСФСР состоялось кассационное разбирательство. Председатель суда — ШЕСТНОВ, прокурор — ЗВЕРЕВ. Защищал СУПЕРФИНА московский адвокат Л. А. ЮДОВИЧ, который был с самого начала выбран родственниками СУПЕРФИНА, но допущен к защите только в кассационной инстанции и с трудом добился свидания со своим подзащитным, так как Президиум московской коллегии защитников (председатель — АПРАКСИН) долго не давал адвокату командировки в Орел.

Защитник просил отмены приговора и направления дела на новое судебное разбирательство. Основным доводом защиты была личная заинтересованность судьи НОВИКОВА. Уже в приговоре по делу ХАУСТОВА, т.е. до начала разбирательства данного дела, суд под председательством НОВИКОВА определил степень участия СУПЕРФИНА в передаче «Дневников» КУЗНЕЦОВА. Этот довод не был даже упомянут ни в ответной речи прокурора, ни в определении суда. Суд отверг и доводы кассационной жалобы по частным пунктам обвинения, признав доказательствами вины СУПЕРФИНА показания отсутствовавших на суде свидетелей ГРЕБЕНЩИКОВА и ЭЛЛИНГСОН. Не были исключены из приговора даже «показания на предварительном следствии свидетелей БАРАБАНОВА и БОННЭР» (также не вызванных на суд), хотя показания БАРАБАНОВА были совершенно противоположны выводам следствия и суда, а БОННЭР вообще отказалась давать показания.

Верховный Суд РСФСР признал приговор Орловского городского суда законным и полностью обоснованным.

В СССР и за рубежом многие выступили в защиту СУПЕРФИНА.

12 июля 1973 г. В. Н. ЧАЛИДЗЕ призвал А. И. МИКОЯНА помочь СУПЕРФИНУ и, в частности, взять его на поруки. СУПЕРФИН редактировал мемуары МИКОЯНА, опубликованные в «Новом мире».

23 августа 1973 г. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН в интервью западным корреспондентам сообщил, что СУПЕРФИН много помог ему в

его архивных изысканиях. По мнению СОЛЖЕНИЦЫНА, это может отяготить участь СУПЕРФИНА.

В декабре 1973 г. в США был создан Комитет защиты Габриэля СУПЕРФИНА. Декларацию об образовании Комитета подписали Липман БЕРС, Роберт БЕРНСТАЙН, Виктор ЭРЛИХ, Дональд ФАНГЕР, Питер ГЕЙ, Джек Х. ГЕКСТЕР, Октавио ПАЗ, Мейер ШАПИРО, Винсент СКАЛЛИ, Роберт Пенн УОРРЕН.

По сообщению «Хроники защиты прав человека в СССР» (вып. 8), 25 апреля от имени Комитета защиты СУПЕРФИНА направлена телеграмма Н. ПОДГОРНОМУ, подписанная профессором Липманом БЕРСОМ, Виктором ЭРЛИХОМ, Винсентом СКАЛЛИ.

Там же сообщается, что телеграмму в защиту СУПЕРФИНА направила ПОДГОРНОМУ в конце марта Ассоциация американских издателей.

17 марта А. ТВЕРДОХЛЕБОВ обратился к ПОДГОРНОМУ с призывом помиловать СУПЕРФИНА.

18 марта А. ТВЕРДОХЛЕБОВ и Мария СЛОНИМ направили письмо в Международную ассоциацию юристов. В письме сообщаются подробности следствия по делу СУПЕРФИНА.

О письме 44-х друзей и знакомых СУПЕРФИНА см. наст. выпуск, раздел «Письма и заявления».

Суд над Некипеловым

В мае 1974 г. во Владимирском областном суде рассматривалось дело НЕКИПЕЛОВА В. А., обвиненного по ст. 190¹ УК РСФСР (об обысках и допросах НЕКИПЕЛОВА по делу МЮГЕ и об его аресте см. Хр. 29).

Виктор Александрович НЕКИПЕЛОВ родился в 1928 г., имеет высшее фармацевтическое образование, в конце 60-х годов заочно окончил Литературный институт им. Горького, печатал в различных газетах и журналах свои стихи и переводы. В середине 60-х годов был издан сборник стихов НЕКИПЕЛОВА «Между Марсом и Венерой». С 1970 г. НЕКИПЕЛОВ работал в г. Солнечногорске (Моск. обл.), имея временную прописку. Осенью 1971 г., когда он уже получил разрешение на постоянную прописку и ордер на квартиру, и то, и другое было у него внезапно, без объяснения причин, отнято, он вынужден был уволиться. С весны 1972 г. НЕКИПЕЛОВ жил в г. Камешково (Владимирская обл.), где работал заведующим аптекой. У НЕКИПЕЛОВА двое детей рождения 1967 г. и 1972 г.

НЕКИПЕЛОВ был арестован 11 июля 1973 г. Следствие вел ст. следователь Владимирской областной прокуратуры мл. советник юстиции Е. Н. ДМИТРИЕВСКИЙ.

НЕКИПЕЛОВ был подвергнут психиатрической экспертизе в институте им. Сербского и признан вменяемым.

Известны выступления в защиту НЕКИПЕЛОВА.

9 октября 1973 г. в заявлении Ю. В. АНДРОПОВУ С. МЮГЕ (Хр. 30), незадолго до этого выехавший из СССР, напоминает, что он, К. М. ВЕЛИКАНОВА и НЕКИПЕЛОВ проходили подозре-

ваемыми по одному уголовному делу, в котором главная тяжесть обвинения лежала на МЮГЕ. Теперь МЮГЕ разрешили выехать, а НЕКИПЕЛОВ арестован. МЮГЕ надеется, «что руководство КГБ найдет возможным освободить НЕКИПЕЛОВА из тюрьмы, чтобы он смог в дальнейшем выехать за границу». Текст заявления опубликован в «Хронике защиты» вып. 4.

В январе 1974 г. Инициативная группа защиты прав человека в СССР опубликовала заявление, подписанное Т. ВЕЛИКАНОВОЙ, С. КОВАЛЕВЫМ, А. КРАСНОВЫМ-ЛЕВИТИНЫМ, Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИМ, Т. ХОДОРОВИЧ. В нем, в частности, говорится: «...— и свою судьбу, и свою затравленность, и свою душу, и лицо мира, в котором он жил — Виктор НЕКИПЕЛОВ отразил в своих стихах, и стихи были найдены у него на обыске. И истинную причину ареста Виктора НЕКИПЕЛОВА вряд ли нужно долго искать: некоторые миры не могут терпеть своих отражений.

Но поскольку поэзия не входит в число преступлений, предусмотренных нашим уголовным кодексом, естественно спросить: в чем формальная вина Виктора НЕКИПЕЛОВА? И на этот вопрос можно, по-видимому, дать единственный и странный ответ: ни в чем — даже в том, за что обычно судят у нас в стране».

Авторы выражают опасение, что НЕКИПЕЛОВУ «...грозит самое страшное из возможных наказаний — психиатрическая больница». Заявление опубликовано в «Хронике защиты» вып. 7.

Суд проходил 16, 17 и 21 мая. Прокурор — ОБРАЗЦОВ, адвокат — НИМИРИНСКАЯ, фамилии судьи и заседателей «Хронике» неизвестны.

Друзей НЕКИПЕЛОВА в зал суда не пускали, а когда они 16 мая во время перерыва вошли в зал и заняли свободные места, их грубо выпроводила милиция. Их не пустили даже на слушание приговора.

В обвинительном заключении НЕКИПЕЛОВУ инкриминировалось следующее: 1. он «распространил», передав для ознакомления свидетелю ДВОРЦИНУ, 19-й выпуск «Хроники текущих событий» (это утверждение доказывается показаниями ДВОРЦИНА); 2. он написал и имел намерение распространить «письмо-обращение» под названием «Нас хотят судить — за что?» (это намерение доказывается тем, что письмо напечатано на машинке, и тем, что в его тексте есть обращение к родным и друзьям); 3. он написал и распространил 8 стихотворений (утверждение о распространении доказывается, во-первых, тем, что некоторые из этих стихотворений напечатаны на пишущей машинке; во-вторых, показаниями жены НЕКИПЕЛОВА, что она знакома с этими стихотворениями; в-третьих, показаниями свидетеля АФАНАСЬЕВА, что НЕКИПЕЛОВ прислал ему 3 стихотворения — два из них теперь инкриминируются НЕКИПЕЛОВУ); 4. он сделал рукописные наброски, на основании которых намеревался написать «Книгу гнева» и статью о психиатрических больницах специального типа «с целью дальнейшего самиздата и распространения»; 5. в устной форме распространял «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй» (доказывается

показаниями свидетеля ВОРОПАЕВА и свидетелей СЕРКОВА и УЛАНОВА, сидевших в одной камере с НЕКИПЕЛОВЫМ во время предварительного заключения).

НЕКИПЕЛОВ виновным себя не признал, поскольку он высказывал свои мысли и убеждения и, тем самым, его произведения не являются заведомо ложными. НЕКИПЕЛОВ отрицал передачу «Хроники» ДВОРЦИНУ. Он заявил, что даже не был знаком с 19-м выпуском «Хроники» до ареста. НЕКИПЕЛОВ отрицал также намерение распространять статью «Нас хотят судить — за что?». Вместе с тем он выразил сожаление по поводу последних строк этой статьи. По поводу восьми его стихотворений НЕКИПЕЛОВ заявил, что семь из них не криминальны, два стихотворения он даже послал рецензенту своей напечатанной книги стихов АФАНАСЬЕВУ, чтобы получить от него критические замечания. Лишь по поводу стихотворения «Не совсем каноническая ода» НЕКИПЕЛОВ выразил сожаление, что написал его, но отметил, что напечатал его только в одном экземпляре. О своих рукописных набросках НЕКИПЕЛОВ заявил, что в первом из них всего 10 строк, содержащих отдельные фразы, а не план книги, и что обвинение присвоило название несуществующей книге; во втором наброске всего 8 строк, сделанных, кажется, в связи с помещением П. Г. ГРИГОРЕНКО в психиатрическую больницу и не содержащих никакой клеветы. Наконец, по поводу «устного распространения» НЕКИПЕЛОВ заявил, что никакой клеветы его разговоры с ВОРОПАЕВЫМ, СЕРКОВЫМ и УЛАНОВЫМ не содержали. Показания УЛАНОВА на предварительном следствии о том, что он якобы хвалил «Архипелаг ГУЛаг», легко опровергаются — он сидел с УЛАНОВЫМ в одной камере задолго до выхода в свет «Архипелага». НЕКИПЕЛОВ выразил протест против использования в качестве свидетелей его сокамерников, так как на подследственных легко оказать давление. НЕКИПЕЛОВ сказал, что следователь ДМИТРИЕВСКИЙ оказывал на него давление, угрожая переквалификацией на ст. 70 УК РСФСР.

Трое из вызванных в зал свидетелей — Н. М. КОМАРОВА (жена НЕКИПЕЛОВА), К. М. ВЕЛИКАНОВА и М. Н. ЛАНДА — отказались от дачи показаний, мотивируя отказ: КОМАРОВА — тем, что ее муж не совершил никакого преступления, К. ВЕЛИКАНОВА — неконкретностью обвинения, ЛАНДА — противозаконностью уголовных преследований за литературу. Свидетель СЕРКОВ заявил, что его допрос на следствии продолжался 15 минут, а в протоколе допроса записаны очень длинные показания, и что он подписал протокол не читая, т.к. не имел очков. Свидетель МОНАХОВ, заместитель НЕКИПЕЛОВА по работе в аптеке, рассказал, что он однажды обнаружил в ящике стола НЕКИПЕЛОВА «Открытое письмо СТАЛИНУ» Ф. РАСКОЛЬНИКОВА и сразу же позвонил в горсовет.

Свидетель АФАНАСЬЕВ показал, что НЕКИПЕЛОВ постоянно консультировался с ним по вопросам поэзии. Те два стихотворения из присланных ему, которые теперь инкриминируются НЕКИПЕЛОВУ, он считает хорошими, не усматривает в них клеветы и в свое время посоветовал НЕКИПЕЛОВУ опубликовать их в

составе исторического цикла, т.к. в них пишется о временах Ивана ГРОЗНОГО.

Государственный обвинитель старший помощник прокурора Владимирской области, старший советник юстиции ОБРАЗЦОВ в своей речи заявил, что претензии НЕКИПЕЛОВА на свободу слова и свободу печати являются необоснованными и клеветническими, поскольку в действительности ст. 125 Конституции гарантирует эти свободы только в тех случаях, когда они используются в интересах трудящихся. Из перечисленных выше обвинений прокурор снял «устное распространение», т.к. в судебном заседании оно показаниями свидетелей не подтвердилось. В заключение прокурор сказал, что, поскольку НЕКИПЕЛОВ частично раскаялся, сожалеет, что написал некоторые из своих стихов, наказание ему можно ограничить двумя годами лишения свободы.

Защитник Н. Я. НИМИРИНСКАЯ, сославшись на комментарии к ст. 190¹ («Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», М., «Юридическая литература», 1971 г.), которым, по ее мнению, даже юристы нередко не придают должного значения, отметила, что высказывания, выражающие критическое или даже отрицательное отношение к тем или иным сторонам нашего строя, не являются преступлением; преступлением является только заведомо ложная информация. Убеждения, каковы бы они ни были, преступлением не являются. Убеждения, высказанные вслух или изложенные на бумаге, продолжают оставаться убеждениями. Поэтому НИМИРИНСКАЯ рассматривает как оговорку реплику прокурора, что убеждения определенного сорта, будучи выраженными устно или письменно, превращаются в клевету. Однако ознакомление с делом НЕКИПЕЛОВА, сказала она, позволяет утверждать, что именно высказывание НЕКИПЕЛОВЫМ своих взглядов и убеждений — пусть в ряде случаев ошибочных — инкриминируется ему как клевета на советский государственный и общественный строй. Адвокат заявила, что обвинение сформулировано слишком общо и неконкретно: в обвинительном заключении просто перечислены названия «клеветнических» произведений; неизвестно, какие именно сведения и обстоятельства, изложенные в этих произведениях, обвинение рассматривает как клевету. Из-за неконкретности обвинения, сказала адвокат, ей придется сделать предположения о том, какие фразы могли восприниматься обвинением в качестве клеветнических.

Рассмотрев возможные предположения относительно криминальности статьи «Нас хотят судить — за что?» и семи стихотворений, адвокат пришла к выводу о несостоятельности обвинений в клевете. По поводу стихотворения «Не совсем каноническая ода» НИМИРИНСКАЯ сказала, что его не следовало писать. Но и в этом стихотворении нет состава преступления, предусмотренного ст. 190¹. В нем содержатся лишь оскорбительные выражения в адрес БРЕЖНЕВА и ГУСАКА. Однако «измышления», о которых говорится в ст. 190-1, должны касаться государственного и общественного строя, а не отдельных государственных руководителей. Обвинение расширительно толкует объект преступления по ст. 190¹. Адвокат привела эпизод из пьесы А. ЗОРИНА «Большевики»,

где некую девушку арестовали за оскорбительную надпись на портрете ЛЕНИНА, — ЛЕНИН потребовал ее освободить.

Кроме того, НЕКИПЕЛОВ никого не знакомил с «Одой».

НИМИРИНСКАЯ заявила, что юридически недопустимо строить обвинение исключительно на предположениях, приписывая НЕКИПЕЛОВУ на основании двух небольших рукописных набросков намерение написать книгу и статью клеветнического характера.

Эпизод с передачей «Хроники» ДВОРЦИНУ адвокат сочла не доказанным, т.к. он подтверждается только показаниями самого ДВОРЦИНА, который мог оговорить НЕКИПЕЛОВА, чтобы, например, скрыть тех, от кого он ее получил.

НИМИРИНСКАЯ заключила, что НЕКИПЕЛОВ не виновен в инкриминируемых ему преступлениях.

В качестве последнего слова НЕКИПЕЛОВ прочитал стихотворение, в котором, в частности, говорится, что в своих произведениях он «никогда не называл несвободу — свободой» и надеется, что он является одной из маленьких путеводных звездочек России.

В приговоре суд повторил все перечисленные обвинения, за исключением устного распространения, признал НЕКИПЕЛОВА виновным и приговорил его к двум годам лишения свободы в ИТК общего режима. Кроме того, суд постановил удержать с НЕКИПЕЛОВА судебные издержки в сумме 199 рублей. В приговоре имеется также замечание о процессуальных нарушениях, допущенных на следствии при допросе свидетелей «устного распространения».

10 июля Верховный Суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу и оставил приговор без изменения.

Дело С. К. Пирогова

В мае 1974 г. в Архангельске слушалось дело С. К. ПИРОГОВА, об аресте которого сообщалось в «Хронике» № 30.

Стали известны более точные сведения о ПИРОГОВЕ и некоторых обстоятельствах предварительного следствия.

После осмотра следователем Архангельской прокуратуры ЛАНСКОЙ тела и вещей покойного собой 16 февраля 1973 г. Вадима Николаевича СОКОЛОВА (ошибочно названным в Хр. 30 Владимиром) некоторые вещи покойного (пиджак, записная книжка) оказались на свалке. Здесь записную книжку подобрал шофер спецавтохозяйства по уборке города В. К. КОСТОЧКА. В апреле он отдал записную книжку (в которой обнаружил предсмертное письмо СОКОЛОВА к сыну и просьбу передать ему эту книжку) ПИРОГОВУ, взявшему на себя розыски сына СОКОЛОВА. ПИРОГОВ завязал переписку с сестрой покойного; эта переписка стала известна Архангельской прокуратуре.

Во время обысков (следователь ЛАНСКАЯ) по делу о самоубийстве СОКОЛОВА, помимо названных ранее (Хр. 30) вещей и литературы, у ПИРОГОВА были изъяты, в частности, записная книжка СОКОЛОВА, некоторые выпуски «Хроники текущих событий», «Общественные проблемы», Всеобщая декларация прав

человека, публикации Комитета прав человека, стихи АХМАТОВОЙ, песни ГАЛИЧА.

ПИРОГОВ был задержан 11 июля 1973 г., 12-го — против него возбуждено уголовное дело по ст. 190¹ УК РСФСР (однако, на обыске 3 июля в квартире матери ПИРОГОВА ей заявили, что сын арестован за соучастие в убийстве). 14 июля была определена мера пресечения — содержание под стражей, 21 июля ПИРОГОВУ предъявлено обвинение.

Сергей Кузьмич ПИРОГОВ родился в 1931 г., имеет высшее образование (экономист). У него 2 дочери, 5 и 7 лет. До ареста работал инженером строительного управления. 12 февраля 1958 г. Архангельский областной суд приговорил ПИРОГОВА по ст. 58-10, 11 УК РСФСР к восьми годам лишения свободы. 7 июля 1965 г. (а не в 1964 г., как сообщалось в Хр. 30) он был освобожден по помилованию.

Следствие вели следователи УКГБ Г. Г. РОМАШЕНКО, Н. Н. БЕЛЯЕВ (Хр. 30) и Б. И. КОРОТОВЕВ. Было допрошено более 120 человек (в Архангельске, Москве, Ленинграде, Новосибирске, Ашхабаде, Омске, Киеве, Вильнюсе, Каунасе и др.). На допросах некоторым свидетелям говорилось, что дело, возможно, будет переквалифицировано на ст. 70 УК РСФСР; говорилось также о существовании некоей «организации», возглавляемой ПИРОГОВЫМ, и свидетелям предлагалось признать свое участие в ней.

С 11 ноября 1973 г. ПИРОГОВ был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе в институте им. Сербского. В январе 1974 г. Комиссия в составе директора института Г. В. МОРОЗОВА, доктора медицинских наук М. Ф. ТАЛЬЦЕ и кандидата медицинских наук С. М. ГЕРАСИМОВОЙ признала его вменяемым.

Зимой 1974 г. мать обвиняемого, Н. Г. ПИРОГОВА, дважды обращалась к Н. В. ПОДГОРНОМУ с заявлениями, в которых содержались, наряду с прочим, жалобы на методы ведения следствия: давление, оказываемое на свидетелей, ложь, к которой прибегают следователи. Н. Г. ПИРОГОВА сообщила, в частности, что свидетель В. СКВОРЦОВ, один раз бывший в гостях у ее сына, после вызова в КГБ не был допущен в заграничное плавание и вынужден был «добровольно» уволиться, что у его жены после двух вызовов на допросы произошли преждевременные роды, что допрашиваемых свидетелей «...пытались заставить признаться в существовании заведомо несуществующей организации, прибегая для этого к демагогической формулировке — «организация без организации»... Архангельская областная прокуратура, которой были переадресованы заявления Н. Г. ПИРОГОВОЙ, уведомила ее о «беспочвенности» ее жалоб.

24 марта 1974 г. ПИРОГОВ направил Н. В. ПОДГОРНОМУ письмо, в котором, в частности, писал: «...во имя гуманности к инакомыслию и его проявлениям в порядке помилования не допустите надо мною приговора, который по шаблону может признать меня виновным в том, в чем я не могу быть виновным по своему характеру и убеждениям... Если уж мой образ жизни и мои честные поступки признаются вредными для окружающих, то честнее, гуманнее и справедливее лишить меня гражданства

и дать мне возможность спокойно покинуть страну... Любое наказание лишением свободы или ссылкой было бы бессмысленной репрессией за естественные и логические проявления инакомыслия, которое сложилось у меня уже давно в систему честных и прогрессивных убеждений в духе югославского марксизма, официальной идеологии югославских коммунистов (СКЮ)».

15 апреля мера пресечения была заменена на подписку о невыезде (это было сделано в связи с тем, что, согласно ст. 97 УПК РСФСР, предельный срок содержания под стражей в качестве меры пресечения при расследовании дела установлен в девять месяцев. Впрочем, на практике следственные органы всегда, когда желают, получают от Президиума Верховного Совета разрешение на дальнейшее содержание под стражей). 17 апреля старший следователь прокуратуры Архангельской области мл. советник юстиции Ю. ЛЕБЕДЕВ подписал и направил в суд обвинительное заключение, в котором ПИРОГОВ обвинялся по ст. 190¹ УК РСФСР в «распространении» записной книжки СОКОЛОВА и «Хроники текущих событий».

В обвинительном заключении, в частности, говорится:

«...ПИРОГОВ лично и через знакомого ему ГОФМАНА (выехал из СССР) получил от ТЕЛЬНИКОВА (тоже выехал из СССР — Хр. 22) 13 экземпляров различных сборников «Хроники текущих событий», изготовленных осужденными в сентябре 1973 г. ЯКИРОМ и КРАСИНЫМ... Вступившим в законную силу приговором Московского городского суда от 1 сентября 1973 г. «Хроника текущих событий» признана литературой, содержащей заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Клеветническая направленность «Хроники текущих событий» подтверждается протоколом осмотра этих сборников от 22 ноября 1973 г. В частности, сборники излагают в клеветнической форме вопросы, касающиеся внутренней политики Советского государства, с искажениями изложены сведения об арестах, судебных процессах по уголовным делам лиц, совершивших особо опасные государственные и иные преступления, в клеветническом духе описаны условия содержания заключенных в местах лишения свободы и душевнобольных в психиатрических лечебницах, а также пропагандируется антисоветская литература и другие материалы клеветнического характера, полученные из-за границы и нелегально изготовленные в СССР. В записной книжке, ранее принадлежавшей гражданину СОКОЛОВУ, содержатся клеветнические измышления о том, что в СССР отсутствуют гарантированные Конституцией свободы, отсутствует демократическая избирательная система и т.п....».

При подписании ст. 201 УПК РСФСР ПИРОГОВ обратился с рядом ходатайств. В частности, он ходатайствовал о возвращении тех изъятых у него материалов, которые не упомянуты в предъявленном ему обвинении (например, Всеобщей декларации прав человека) и имеются в деле более, чем в одном экземпляре. Все его ходатайства были отклонены.

10 мая 1974 г. ПИРОГОВ обратился с письмом к Л. И. БРЕЖНЕВУ, в котором, в частности, писал: «...Закон предусматривает

право главы государства амнистировать гражданина до рассмотрения дела в суде. Такой великодушный жест был бы актом доброй воли по отношению к естественным и логическим проявлениям инакомыслия. Уж лучше лишить меня гражданства, чем судить меня за заведомую ложь, в чем я не могу быть виновным по убеждениям и по характеру. Жизнь в СССР для меня стала невозможной по морально-этическим причинам...» Ответ на это письмо пришел уже после суда над ПИРОГОВЫМ. В письме от 24 мая 1974 г. на имя начальника следственного изолятора председатель Архангельского областного суда ЯШКИН написал: «Объявите осужденному ПИРОГОВУ, что выезд за границу СССР лишен практического смысла, так как он по закону осужден к отбытию наказания и должен по закону отбыть срок лишения свободы».

С 15-го по 22-е мая 1974 г. судебная коллегия Архангельского областного суда в составе председательствующего СЕМЕНОВА И. И. и народных заседателей БОРИСОВА И. Н. и КУЛЕШОВА Л. Ф. рассматривала дело ПИРОГОВА. Обвинение поддерживал прокурор БОГДАНОВ В. М. Защиту осуществлял адвокат ЛЕСЬКО О. В. Ходатайство ПИРОГОВА, поданное ранее, о назначении на слушание его дела в качестве народных заседателей беспартийных было удовлетворено. Суд был по-настоящему открытым.

ПИРОГОВ полностью отверг предъявленные ему обвинения, как ложные и недоказанные, и виновным себя не признал. Он выразил свою убежденность в достоверности информации, содержащейся в «Хронике текущих событий», и пользе этого издания, обеспечивающего гласность. При этом он отметил возможность появления в «Хронике», как и во всяком другом издании, непреднамеренных «фактических ошибок», однако указал, что это обстоятельство еще не дает оснований признать информацию, содержащуюся в «Хронике», клеветнической. ПИРОГОВ высказал предположение, что его судят «не за изъятую у него литературу, а за рецидив, это легче. Я вижу это по себе. КОСТОЧКУ не судят за передачу книжки. ЛАНСКУЮ не судят...»

Свидетели РИСЛИНГ В. П., ЦИЗМАН А. А. и КРЕЧКОВА Л. А., вызванные для подтверждения «распространения» ПИРОГОВЫМ «Хроники», никогда не получали «Хроники» от ПИРОГОВА и не видели, чтобы он передавал ее другим лицам.

А. А. ЦИЗМАН, сестра эмигрировавшего в ФРГ В. А. ГОФМАНА, слышала от жены ГОФМАНА, что последний привозил иногда по просьбе ПИРОГОВА какую-то литературу из Москвы; она видела у ГОФМАНА эти «бумаги», думает, что «нехорошие», т.к. про них спрашивали на следствии и теперь на суде.

В. П. РИСЛИНГ, муж ЦИЗМАН, показал, что однажды ГОФМАН приносил материалы самиздата, сказав, что взял их у ПИРОГОВА. Тот же ГОФМАН сказал ему, что ПИРОГОВ получал материалы от членов «Комитета САХАРОВА».

Л. А. КРЕЧКОВА отрицала свое знакомство с «Хроникой»; по поводу отпечатка ее пальцев на оборотной стороне одного листа экземпляра «Хроники», изъятых у ПИРОГОВА, КРЕЧКОВА предположила, что могла случайно коснуться этого листа, если «Хроника» лежала среди книг ПИРОГОВА, которые она иногда брала.

Из пяти свидетелей, вызванных для подтверждения «распространения» ПИРОГОВЫМ записной книжки СОКОЛОВА, двое (КУБЛАНОВСКИЙ Ю. М. и МЫШАКИН Л. И.) отрицали, что ПИРОГОВ давал им ее на прочтение. Трое (ПАЦЮКОВ В. В., ФУРМАН С. А. и БАЧУРИНА А. А.) подтвердили, что читали ее, причем ПАЦЮКОВ и ФУРМАН показали, что сами заинтересовались «психологией самоубийцы», попросили у ПИРОГОВА ее почитать, а БАЧУРИНА показала, что ПИРОГОВ передал ей (через МЫШАКИНА) записную книжку, чтобы она сказала, действительно ли записи в ней сделаны СОКОЛОВЫМ (БАЧУРИНА работала вместе с СОКОЛОВЫМ и знала его почерк).

На суде среди прочих документов был зачитан протокол осмотра уголовного дела № 63 ЯКИРА и КРАСИНА, в котором, в частности, содержится горькое раскаяние, обещание воздействия на сообщников и обещание прямой помощи КГБ в дальнейшем. (Последнее утверждение представляется не совсем обычным для юридического документа; возможно, оно было неверно понято — речь могла идти, например, об обещании и в дальнейшем содействовать следствию. — Хр.)

Перед прениями сторон ПИРОГОВ, поддержанный адвокатом, обратился к суду с письменным ходатайством о возвращении ему той части изъятой у него литературы, которая не упомянута в обвинительном заключении и имеется в деле более, чем в одном экземпляре.

Прокурор просил, «учитывая личность подсудимого» и «общественную опасность совершенного им преступления», дать ПИРОГОВУ 3 года лишения свободы в ИТК строгого режима. Заслуживает упоминания утверждение прокурора: «...субъективная сторона, т.е. с какой целью ПИРОГОВ знакомил других с записной книжкой СОКОЛОВА, не имеет правового значения».

Защитник в своей речи, в частности заявил: «...Материалов для обвинения ПИРОГОВА по ст. 190¹ УК собрано недостаточно... Считаю, что в судебном следствии обвинение не нашло подтверждения и подсудимый ПИРОГОВ должен быть оправдан».

При обмене репликами прокурор сказал: «Я возражаю против мнения защиты, что только прямой умысел дает состав преступления по ст. 190¹. Косвенный умысел, как создание возможностей для ознакомления, также дает состав преступления». В ответ адвокат сослался на комментарий к ст. 190¹ в IV-ом томе курса «Уголовное право».

Свое последнее слово ПИРОГОВ закончил словами: «Я прошу оправдать меня от обвинения по справедливости. Я другой, но я не совершил никакого преступления».

Судебная коллегия повторила в приговоре все, что было в обвинительном заключении. Учтя, с одной стороны, что «ПИРОГОВ в прошлом был судим за особо опасное государственное преступление», и, с другой стороны, что «ПИРОГОВ на своем иждивении имеет двух несовершеннолетних детей, по работе характеризуется положительно, к труду относится добросовестно», суд приговорил ПИРОГОВА к двум годам лишения свободы в ИТК строгого режима.

Суд постановил взыскать с ПИРОГОВА судебные издержки в сумме 270 рублей 95 коп. Кроме того, суд вынес определение по ходатайству ПИРОГОВА о возвращении ему части изъятой у него литературы: «...судебная коллегия не нашла оснований для его удовлетворения, поскольку изъятые у ПИРОГОВА документы имеют значение для дела. В ходатайстве отказать». Это определение не было оглашено в судебном заседании, и копия его не была вручена подсудимому. В соответствии с приговором, после его оглашения ПИРОГОВ был взят под стражу в зале суда.

24 мая 1974 г. ПИРОГОВ направил письмо Президенту Ассоциации советских юристов Н. СМЕРНОВУ, в котором просил его ознакомить Ассоциацию со своим делом «на предмет доказательности и процессуальности приговора».

29 мая 1974 г. ПИРОГОВ направил в Верховный Суд РСФСР кассационную жалобу. Дополнение к этой жалобе от 17 июля кончается словами: «Если предположение о моей невинности не будет опровергнуто фактами (в чем я уверен), то прошу вынести определение об отмене обвинительного приговора за недоказанностью (по «Хроникам») и за отсутствием состава преступления (по записной книжке)».

Дело № 15 в Ленинграде

1-го апреля 1974 г. в Ленинграде был произведен ряд обысков по делу № 15. Дело это возбуждено УКГБ Ленинграда «по факту хождения в г. Ленинграде антисоветской литературы». В качестве примера такой литературы следователи называли «Мои показания» МАРЧЕНКО, «Архипелаг ГУЛаг» СОЛЖЕНИЦЫНА, книгу КОЛАКОВСКОГО, «Хронику текущих событий». Обыски были произведены, в частности, у литераторов Михаила ХЕЙФЕЦА и Владимира МАРАМЗИНА, у врача Владимира ЗАГРЕБЫ. Эти люди входят в круг знакомых Иосифа БРОДСКОГО, покинувшего СССР 2 года назад.

* * *

На обыске у Михаила ХЕЙФЕЦА изъяты 3 экземпляра его вступительной статьи к самиздатскому сборнику стихов БРОДСКОГО. Кроме того, изъято письмо ХЕЙФЕЦА к историку ЯКОВЛЕВУ, автору статьи «Продавшийся и простак» (о СОЛЖЕНИЦЫНЕ и САХАРОВЕ), опубликованной в одном из советских изданий для заграницы (часть этой статьи, касающаяся СОЛЖЕНИЦЫНА, напечатана под названием «Продавшийся» в «Лит. газете» 20 февраля 1974 г.).

22 апреля ХЕЙФЕЦ был арестован. Ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР, Следствие ведут следователи ст. лейтенант В. П. ЕГЕРЕВ и майор В. Н. РЯБЧУК.

На допросы вызывались жена ХЕЙФЕЦА Раиса ГЛАГОЛЕВА, МАРАМЗИН, ЗАГРЕБА. Был допрошен также литературовед Е. ЭТКИНД (см. наст. выпуск). Следствие больше всего интересуется вышеупомянутой статьей ХЕЙФЕЦА о БРОДСКОМ. Кроме того,

ГБ интересуется какой-то папкой, якобы находившейся у ХЕЙФЕЦА перед обыском, в которой лежала некая статья АМАЛЬРИКА. Жена ХЕЙФЕЦА подтвердила существование папки, но что в ней лежало и куда она делась — не знает. ЗАГРЕБЕ, в частности, показывали фотографию статьи АМАЛЬРИКА на его письменном столе.

В мае обыск по делу № 15 был проведен у кандидата геологических наук Якова ВИНЬКОВЕЦКОГО.

По делу № 15 допрашивался Игорь БУРАХИН, аспирант ЭТКИНДА. «Хроника защиты прав человека в СССР» (вып. 8) сообщает также об обысках у БУРАХИНА (там он назван БРУХИНЫМ) и у его жены Елены ВАРГАФТИК.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ на допросе показал, что он читал вступительную статью ХЕЙФЕЦА к сборнику БРОДСКОГО, а также читал у ХЕЙФЕЦА работу АМАЛЬРИКА. Впоследствии ВОСКОБОЙНИКОВ признался жене ХЕЙФЕЦА, что он на самом деле АМАЛЬРИКА у ХЕЙФЕЦА не читал. Допрошены также Карл ЛЕВИТИН из Москвы, писатели Майя ДАНИНИ и Борис СТРУГАЦКИЙ (на допросе СТРУГАЦКОГО следователь РЯБЧУК попросил у него автограф на заранее заготовленной книге). ЛЕВИТИН и СТРУГАЦКИЙ отрицали знакомство со статьей ХЕЙФЕЦА о БРОДСКОМ. Им были устроены очные ставки с ХЕЙФЕЦОМ, где тот показывал обратное; однако ЛЕВИТИН и СТРУГАЦКИЙ по-прежнему отрицали знакомство со статьей.

* * *

Известны 2 заявления Владимира МАРАМЗИНА в связи с делом № 15. В первом из них, датированном 3 апреля 1974 г., МАРАМЗИН сообщает о произведенном у него обыске. На обыске изъято более 10000 листов его рукописей, все стихи БРОДСКОГО; изъята пишущая машинка. На допросе майор РЯБЧУК угрожал МАРАМЗИНУ «переводом в обвиняемые».

Во втором заявлении (от 30 мая) МАРАМЗИН пишет, что ХЕЙФЕЦ не причастен к собиранию стихов БРОДСКОГО и что в течение трех лет стихи БРОДСКОГО собирал он, МАРАМЗИН. Он заявляет: «Я же предпринял и еще один шаг, чтобы сохранить с таким трудом собранные тексты: отправил их за границу, где сейчас живет их автор... Мною двигала лишь забота о русской культуре».

МАРАМЗИН сообщает также, что после обыска 1 апреля он вновь собрал сохранившиеся экземпляры изъятых у него его собственных рукописей и тоже послал их за рубеж. «Если какие-либо издательства или журналы заинтересуются моими рассказами или повестями, пусть знают: мое согласие на печатание теперь вполне обдумано.» — говорится в заявлении.

МАРАМЗИН призывает оказать помощь семье ХЕЙФЕЦА (биографическая справка о ХЕЙФЕЦЕ и адрес его семьи см. ниже).

* * *

Михаил Рувимович ХЕЙФЕЦ родился в 1934 г. В 1955 г. он окончил Педагогический ин-т им. ГЕРЦЕНА в Ленинграде по спе-

циальности «русский язык и литература». Работал учителем в школе. В 1965 г. ему была объявлена благодарность за успехи в учебно-воспитательной работе и участие в общественной жизни школы. ХЕЙФЕЦ является автором нескольких сценариев. В 1973 г. он получил премию Ленинского комсомола за фильм о народо-вольцах. Кроме того, ХЕЙФЕЦ является лауреатом конкурса учебных фильмов. В 1967 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Секретарь тайной полиции» ХЕЙФЕЦА. Впоследствии эта книга была переведена на немецкий и чешский языки. ХЕЙФЕЦ активно сотрудничал в журналах «Аврора», «Звезда» и «Знание-сила». Сейчас семья ХЕЙФЕЦА (жена Раиса Владимировна ГЛАГОЛЕВА и две дочери — Оля пяти лет, и Наташа семи лет) осталась без средств к существованию. Их адрес: Ленинград, Новороссийская ул. д. 22, кор. 1, кв. 45.

Пятидесятники намерены уехать из СССР

Секта «Христиан Веры Евангельской», более известная под названием «пятидесятников», до 1963 г. считалась в СССР официально запрещенной. С 1963 г. запрет на деятельность секты снят (формально пятидесятники объединены с баптистами). Общины пятидесятников существуют в Советском Союзе в нескольких городах Сибири и Дальнего Востока (Канск, Черногорск, Барнаул, Находка и др.), а также в Крыму и на Северном Кавказе. С весны прошлого года многие члены общин городов — Находка и Черногорск — пытаются добиться разрешения на выезд из СССР.

Можно предположить, что их стремление покинуть страну объясняется не только постоянными преследованиями властей, но также и убеждением, что в день Страшного Суда все истинно верующие должны находиться близ Гроба Господня.

До сих пор власти отказывались рассматривать заявления пятидесятников о выезде, мотивируя это отсутствием вызовов от родственников или правительств тех стран, куда они стремятся выехать. Так, начальник паспортного стола г. Находка майор МОРОЗКИН заявил: «Давайте нам вызов от ваших родственников, и тогда мы будем оформлять документы на выезд». МОРОЗКИН сказал также, что у него есть инструкция от начальства не давать письменного ответа на заявление о выезде.

5 февраля 1974 г. 20 членов секты из городов — Находка и Черногорск — обратились в ООН и в Комитет по правам человека при ООН с просьбой помочь им выехать в Израиль или в Австралию (в Австралии живет много их единоверцев).

18 февраля пятидесятник Евгений БРЕСЕНДЕН был принят работником МВД СССР полковником ДАНИЛОВЫМ, который подтвердил, что ОВИР не может оформить им документы на выезд, т.к. у них нет ни государственных, ни личных вызовов.

Полковник ДАНИЛОВ не возражал против намерения БРЕСЕНДЕНА написать письмо в Комитет по правам человека при ООН с просьбой помочь договориться с правительством Израиля или

другой страны. Полковники ДАНИЛОВ заверил БРЕСЕНДЕНА, что такое письмо дойдет до адресата.

В заявлении от 25 февраля 1974 г., написанном от имени 80 пятидесятников БРЕСЕНДЕНОМ и старшим пресвитером Григорием ВАЩЕНКО и адресованном в Комитет по правам человека при ООН, говорится, в частности: «Наших священнослужителей освободили из мест лишения свободы, сняли официальный запрет на деятельность нашей секты, но неофициальный запрет так и остался. Нам по-прежнему запрещают мирные молитвенные собрания, штрафуют, угрожают лишить свободы с ведома представителей по делам религии при Совете Министров СССР тов. ШЛАНДАКОВА в г. Находка Приморского края и представителей власти в г. Черногорск Красноярского края».

По словам авторов заявления, заместитель горисполкома г. Находка назвал желающих выехать из СССР предателями и изменниками Родины и угрожал им судом и лишением родительских прав. «Когда же мы стали говорить, что... Советское правительство ратифицировало Пакты о правах человека, то прокурор г. Находка БОХАН сказал по этому поводу: «Чихали мы на международные законы... У нас есть инструкция министра, и ею мы руководствуемся»... Факт, что мы не можем добиться разрешения на выезд по религиозным убеждениям, доказывает, что прокурор г. Находка БОХАН прав.»

5 мая Г. ВАЩЕНКО и Е. БРЕСЕНДЕН от имени пятидесятников СССР обратились к христианам всего мира. Обращение призывает зарубежных христиан всех направлений ходатайствовать перед своими правительствами о том, чтобы те согласились принять пятидесятников на жительство в свои страны. Причиной их эмиграции, говорится в обращении, является «религиозная нетерпимость в СССР». Авторы считают, что с 1938 по 1945 гг. в СССР были запрещены все христианские богослужения и закрыты все церкви. О нынешнем положении христиан Веры Евангельской сказано: «Священнослужители не имеют права посещать паству и собираться вместе для решения религиозных вопросов. Если это делается, то делается подпольно, с большим риском, который нередко заканчивается арестом. Так, например, только в городе Черногорске за последние годы и до настоящего времени были осуждены за религиозные убеждения около 30 мужчин и женщин и приговорены к различным срокам (от 3 до 10 лет) тюремного заключения, лагерей и ссылок... Мы не имеем права и возможности быть искренне верующими в нашей стране, воспитывать своих детей в религиозном убеждении, проповедывать Евангелие другим. Мы не имеем духовной литературы, так как она в эти годы почти всюду была изъята у нас: Библии, Евангелия, Сборники духовных песен».

7-го мая 188 пятидесятников обратились с открытым письмом к Президенту США. В письме говорится: «С 16 апреля 1973 года по настоящее время мы безрезультатно ходатайствуем об эмиграции. Все должностные лица нам отвечают, что они не могут разрешить нам выезд, поскольку мы не имеем приглашения ни от родственников, ни от правительства».

У нас нет родственников за границей, и потому мы обращаемся

непосредственно к Вам, г-н Президент, с просьбой о принятии наших семейств на постоянное жительство в Вашу страну».

Тогда же, 7 мая, Г. Л. ВАЩЕНКО и Е. А. БРЕСЕНДЕН встретились с корреспондентами зарубежных газет и ответили на их вопросы. ВАЩЕНКО и БРЕСЕНДЕН рассказали о вмешательстве властей в дела общины, об угрозах и преследованиях, которым подвергаются верующие. Так, капитан УКГБ гор. Черногорска ИКОННИКОВ и прокурор по надзору г. Красноярска говорили им: «Вас скоро не будет, мы вас сотрем в порошок, сошлем на Крайний Север к белым медведям. Там для вас строят зоны. Там на вас испытают атомную бомбу». За проведение богослужбных собраний на участников накладываются штрафы в размере 30-50 рублей, руководителей общин часто арестовывают.

Верующие-пятидесятники практически не имеют возможности получить образование. Зам. начальника ИТК-27 Приморского края БОГДАНОВИЧ сказал Евгению БРЕСЕНДЕНУ: «Мастер или инженер — прежде всего воспитатель. Воспитатели, имеющие религиозные убеждения, воспитатели-пятидесятники, нам не нужны».

ВАЩЕНКО и БРЕСЕНДЕН отвергли обвинение в том, что обряды секты вредны для здоровья. Они сообщили, что при обвинении пятидесятников в изуверстве приводятся три пункта: 1. В их молитвенных домах тесно, темно и душно. Однако арендовать или построить молитвенные дома необходимых размеров им не разрешают.

2. По мнению обвинителей, здоровью наносит вред обычай пятидесятников приветствовать друг друга целованием. Это соображение встречается даже в судебных обвинительных актах.

3. Обряды секты, по утверждениям медиков, изнурительны для человеческой психики, их молитвы приводят к неврозам, их религиозные переживания вызывают гипертонию.

По этому поводу БРЕСЕНДЕН и ВАЩЕНКО заявили: «Врачи, медицинские выводы которых служат основанием для запрещения наших общин и для нашего заключения в тюрьмы, либо выполняют приказания, либо из-за своего материализма заранее убеждены, что всякая искренняя вера в Бога — это психическая болезнь».

Пусть к нам пришлют не врачей — воинствующих атеистов и работающих по заданию органов, а комиссию из Международного Красного Креста, и тогда весь мир узнает, что подрывает наше здоровье — наши молитвенные собрания или непрерывные изматывающие преследования и годы заключения в лагерях и тюрьмах с их жестоким и бесчеловечным режимом».

Советские немцы хотят уехать в ФРГ

Многие немцы, живущие в СССР, добиваются разрешения на выезд в ФРГ. Полагают, что о выезде просят около 40 тысяч советских немцев. Вышел сборник «Ре Патриа», ставящий своей целью освещение проблемы движения за выезд. Создана ассоциация, объединяющая немцев Эстонии, желающих эмигрировать.

11 февраля 1974 г. в Москве у здания ЦК КПСС состоялась

демонстрация немцев, добивающихся разрешения на выезд. Людмила ОЛЬДЕНБУРГЕР со своими несовершеннолетними сыновьями приковала себя к светофорному столбу возле здания ЦК.

17 февраля в Таллине состоялась аналогичная демонстрация.

В связи с этими демонстрациями возбуждено уголовное дело против председателя Ассоциации эстонских немцев Петра БЕРГМАНА и членов Президиума Ассоциации: Вольдемара ШУЛЬЦА, Герхарда ФАСТА и Людмилы ОЛЬДЕНБУРГЕР. Они обвиняются по статьям, соответствующим 190¹, 190³ и 210 («Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность») УК РСФСР.

Издатели сборника «Репатриа» Витаутас ГРИГАС, Лили БАУЭР и Фридрих РУППЕЛЬ в мае-июне 1974 г. выпущены из СССР.

Суд в городе Джамбуле (Казахская ССР) приговорил Фридриха ШНАРРА к двум годам лишения свободы по ст., соответствующей ст. 190¹ УК РСФСР.

Фридрих ШНАРР, 1937 г. рождения, шофер, пытается получить разрешение на выезд с семьей в ФРГ.

На допросы ШНАРРА водили в наручниках. В камере следственного изолятора его сокамерники ежедневно, на протяжении трех месяцев, мучили и избивали его. Следователь знал об этом, но не пресекал бесчинств, угрожая ШНАРРУ смертью.

Адрес семьи ШНАРРА: Джамбульская обл., Свердловский район, с. Михайловка, Джамбульская ул. д. 15.

Состав семьи: жена Амалия ШНАРР и трое детей (1962-го, 1964-го и 1972-го года рождения).

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Арест и голодовка Мустафы ДЖЕМИЛЕВА

В г. Гулистане (Узбекская ССР) 22 июня арестован Мустафа ДЖЕМИЛЕВ.

6 июля Инициативная группа национального движения крымских татар по Сырдарьинской области Узбекской ССР обратилась к Н. В. ПОДГОРНОМУ, К. ВАЛЬДХАЙМУ, Международной ассоциации юристов-демократов и мировой общественности с заявлением: «Жизнь Мустафы ДЖЕМИЛЕВА в опасности».

Как видно из этого обращения, 13 мая, за несколько дней до 30-й годовщины выселения крымских татар, М. ДЖЕМИЛЕВА пытались спровоцировать на драку. Несмотря на его сдержанность, подтвержденную четырьмя письменными свидетельскими показаниями, он был осужден «за хулиганство» на 15 суток. ДЖЕМИЛЕВ объявил голодовку и на девятые сутки его в тяжелом состоянии выпустили.

Через месяц, когда ДЖЕМИЛЕВ еще не вполне поправился, его вызвали на военные сборы; медкомиссия признала его годным, хотя для этого на одного из врачей — терапевта — было, как сообщает Инициативная группа, оказано давление. ДЖЕМИЛЕВУ не разрешили пройти повторный осмотр в Ташкенте и предъявить справки из ташкентской поликлиники, где он лечился. Ему

приказали явиться с вещами через 2 часа. Он не выполнил этого приказа и на следующий день был арестован как уклоняющийся от сборов.

В тот же день ДЖЕМИЛЕВ снова начал голодовку.

В заявлении говорится:

«Над жизнью Мустафы нависла угроза! Как нам стало известно, 27 июня, из-за тяжелого состояния здоровья, тюрьма г. Хаваста... отказалась принять доставленного туда М. ДЖЕМИЛЕВА, и он был вновь водворен в КПЗ г. Гулистан. Страшась, по-видимому, последствий в случае смерти, органы попытались воздействовать на Мустафу через его родителей, пытаясь уговорить его прекратить голодовку. Однако Мустафа категорически отказался сделать это, заявив, что лучше примет смерть, чем терпеть повседневные издевательства... 30 июня он доставлен в следственную тюрьму г. Ташкента, где подвергается насильственному кормлению».

Инициативная группа просит немедленного вмешательства Н. В. ПОДГОРНОГО, чтобы спасти жизнь М. ДЖЕМИЛЕВА, и поддерживает просьбу его родителей выпустить его из СССР.

Мать М. ДЖЕМИЛЕВА 3 июля направила Н. В. ПОДГОРНОМУ письмо, обращенное также «к матерям и отцам, братьям и сестрам, правительствам и парламентам всех стран мира».

Когда в 1944 году ее семью в нечеловеческих условиях увозили из Крыма, Мустафе не было и года, — пишет она. Уже в ранней юности он говорил, что не примирится с бесправным положением своего народа. Мустафа дважды высказывал желание уехать в другую страну. Она противилась этому, но сейчас, особенно после беспричинных арестов в мае и июне и опасной для его жизни голодовки, они с мужем решили благословить его на отъезд. «Мы просим отпустить за границу сына нашего, дайте нам умереть спокойно. Не по силам нам муки сыновьи». Обращаясь к правительствам других стран, мать М. ДЖЕМИЛЕВА просит прислать сыну вызов и дать убежище.

Адрес родителей М. ДЖЕМИЛЕВА — Абдуджемиля и Махфире МУСТАФАЕВЫХ — г. Гулистан, Октябрьская ул., 16.

Отцу 77 лет, матери — 64 года.

Мустафа ДЖЕМИЛЕВ — активный участник национального движения с 1966 г. В этом же году его осудили на полтора года. В мае 1969 г. он вошел в Инициативную группу защиты прав человека в СССР. Летом был арестован. В январе 1970 г. его осудили на 3 года в Ташкенте вместе с московским поэтом и педагогом Ильей ГАБАЕМ (Хр. 12).

А. Д. САХАРОВ и Инициативная группа защиты прав человека (Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, А. КРАСНОВ-ЛЕВИТИН, Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ, Т. ХОДОРОВИЧ) направили в Лигу защиты прав человека, в Международный Красный Крест и К. ВАЛЬД-ХАЙМУ упомянутые выше два документа о М. ДЖЕМИЛЕВЕ, сопроводив их призывом как можно скорее вмешаться в его судьбу.

В середине июля состоялся суд над М. ДЖЕМИЛЕВЫМ, который приговорил его к 1 году лишения свободы.

Еще о процессе Куртумерова, Халикова* и Рамазанова

В «Хронике» № 31 уже сообщалось, что Запорожский областной суд (председатель Н. П. СЕЛИВАНОВ, заседатели В. А. ЯРУН и И. И. КАПУСТИНА, прокурор В. С. ДЕМЬЯНЕНКО, адвокаты Н. А. ДОЛЖЕНКО, Н. Л. КРАВЦОВА и В. Д. КОШЕЛЬНАЯ) приговорил 28 ноября 1973 г. Э. КУРТУМЕРОВА к 2 годам, а Э. ХАЛИКОВА* и Р. РАМАЗАНОВА — к 2,5 годам лагерей общего режима (кроме того, с каждого взыскивается по 35 руб. в пользу юридических консультаций). Приговор (за исключением эпизода о выступлении Халикова* 18 марта 1973 г., сочтенного недостаточно доказанным) воспроизводит формулировки обвинительного заключения, текст которого приводится здесь почти полностью:

УТВЕРЖДАЮ

Прокурор Запорожской области старший советник юстиции
п/п В. СВЕТЛИЧНЫЙ

19 октября 1973 года

Обвинительное заключение

по уголовному делу по обвинению:
Куртумерова Эскендера, Халикова Эвазера и
Рамазанова Регата по ст. 187-1 УК УССР.

Расследованием установлено:

Обвиняемые Куртумеров Э., Халиков Э. и Рамазанов после предупреждений органов государственной власти о нераспространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, должных выводов не сделали и систематически продолжали свои преступные деяния.**

Так, 4 марта 1973 года в доме № 29 по ул. Циолковского в г. Мелитополе приняли активное участие в собрании молодежи, где в присутствии 25 человек, извращая национальную политику СССР, распространяли заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

18 марта 1973 года на втором собрании молодежи в доме № 36 по ул. Цюрупы в г. Мелитополе, на котором присутствовало 20 человек, Куртумеров Э., Халиков и Рамазанов в своих выступлениях также клеветали на советскую действительность.

Кроме этого, обвиняемый Куртумеров изготовил письменные произведения «История», «Крым» и др., которые содержат ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также на брошюрах Т. И. Ойзермана «Марксистско-ленинское понимание свободы», А. Кулагина «Поколения опти-

* В других документах этот же человек назван ХАЛИЛОВЫМ (Хр. 31). Точное написание фамилии «Хронике» неизвестно.

** Из текста приговора по этому уголовному делу видно, что обвиняемые предупреждались не названными органами власти в 1968 и 1971 гг., т.е. до вступления в силу неопубликованного Указа Президиума ВС СССР от 25 декабря 1972 г. (см. наст. вып.).

мистов» и на журнале «Вопросы истории» учинил явно клеветнические надписи.

Обвиняемый Халиков изготовил рукописные тексты: «Записку председателю Совета национальностей Верховного Совета СССР», «Протест», «Преступники торжествуют» и др., которые содержат клевету на советский государственный и общественный строй.

Обвиняемый Рамазанов также изготовил ряд рукописных текстов: «Людам доброй воли» и т.п., адресованные в различные партийно-советские органы, в которых клеветает на политику КПСС, государственный и общественный строй.

Привлеченные и допрошенные в качестве обвиняемых Куртумеров и Халиков виновными себя полностью не признали и пояснили, что они действительно принимали участие в собраниях молодежи, но на советскую действительность не клеветали.

Эти утверждения Куртумерова и Халикова опровергаются, и их вина полностью подтверждается показаниями свидетелей Мустафаевой Г. Р.** Эминовой А. А., Катаева Ш. А., Аблязова З. Э., Шукурова Э., Сейтумерова В. А., Джелялова Р., Хатунского С. Д., изъятыми при обысках текстами стихотворений «История», «Крым», рукописными текстами «Протест», «Преступники торжествуют», запиской в адрес Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, заметками на полях брошюры Т. И. Ойзермана «Марксистско-ленинское понимание свободы», на обложках брошюры Кулагина «Поколения оптимистов», журнала «Вопросы истории», другими рукописными произведениями в изъятых тетрадях, а также заключениями почерковедческих экспертиз (т. 1 л. д. 169-173, 223-229).

Привлеченный и допрошенный в качестве обвиняемого Рамазанов виновным себя не признал и пояснил, что он не помнит своего присутствия на молодежных собраниях, т.к. часто посещал татарские семьи и вел с ними разговоры по татарскому вопросу.

Вина Рамазанова доказана свидетельскими показаниями граждан, присутствовавших на собраниях 4 и 18 марта 1973 года, и, в частности, показаниями Шукурова Э., Катаева Ш. А., Аблязова З. Э. и др., рукописными текстами писем в различные партийно-советские органы, «Людам доброй воли», а также заключениями графической экспертизы.

Таким образом, виновность Куртумерова Э., Халикова Э. и Рамазанова Р. в систематическом распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а также в изготовлении и распространении в письменной и печатной формах произведений такого же содержания полностью доказана собранными по делу доказательствами.

На основании изложенного

ОБВИНЯЮТСЯ:

Куртумеров Эскендер, 8 августа 1938 года рождения, уроженец села Коз, Судакского р-на Крымской обл., гр-н СССР, татарин, беспартийный, образование 11 классов, женат, временно работав-

** Здесь и далее опущены ссылки на №№ томов и листов дела.

ший на различных работах в колхозе «Украина» Мелитопольского р-на, Запорожской обл., проживающий в г. Мелитополе по бульвару Котовского, дом № 18, кв. 35, не судим, в том, что он, будучи ранее предупрежденным органами государственной власти о прекращении распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, должных выводов не сделал и продолжал свою преступную деятельность.

Так, 4 марта 1973 года в доме № 29 по ул. Циолковского в г. Мелитополе принимал активное участие в сборе молодежи, где в присутствии 25 человек распространял заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, организовал проведение учета молодежи от 15 до 25-летнего возраста.

18 марта 1973 года он выступил на втором собрании в доме № 36 по ул. Цюрупы в г. Мелитополе, на котором присутствовало 20 человек. Как и на предыдущем сборище, он клеветал на советскую действительность.

При обыске на квартире Куртумерова Э. была изъята литература с клеветническими записями, а также рукописные тексты, порочащие советский государственный и общественный строй.

Кроме того, в г. Нежин Черниговской обл. у гр-на Ибрагимова были отпечатанные на машинке два текста, содержащие клеветнические измышления в адрес советско-партийных и государственных работников, пересланные ему Куртумеровым Э., т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 187-1 УК УССР.

Халиков Эбазер, 27 декабря 1932 года рождения, уроженец деревни Отаркой, Куйбышевского р-на, Крымской обл., гр-н СССР, беспартийный, татарин, образование высшее — Ташкентский политехнический институт, женат, работающий в специализированной механизированной колонне № 557 треста «Мелитопольсельстрой» прорабом, проживающий в г. Мелитополе ул. Гризодубовой, дом № 64 кв. 9, не судим, в том, что он ... (далее следуют 4 абзаца, текст которых буквально повторяет текст обвинения против Куртумерова — Хр.) совершил преступление, предусмотренное ст. 187¹ УК УССР.

Рамазанов Регат, 15 марта 1936 года рождения, уроженец деревни Демерджи, Алуштинского р-на, Крымской обл., гр-н СССР, татарин, беспартийный, образование 10 классов, женат, работающий в ателье № 9 Мелитопольской фабрики индпошива и ремонта одежды в должности закройщика, проживающий в г. Мелитополе по ул. Гризодубовой № 55 кв. 78, не судим, в том, что у него 13 сентября 1968 года при обыске в квартире были изъяты рукописные тексты с содержанием заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Однако Рамазанов Р. после предупреждений со стороны органов государственной власти о распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советскую действительность, должных выводов не сделал и продолжал свою преступную деятельность... (далее следуют 2 абзаца, текст которых повторяет формулировки обвинений против Куртумерова — Хр.).

8 июля 1973 года Рамазанов Р. изготовил рукописный текст с клеветническим содержанием, порочащим советский государственный и общественный строй, который отпечатал на пишущей машинке в нескольких экземплярах и разослал в советско-партийные органы.

Своими действиями совершил преступление, предусмотренное ст. 187-1 УК УССР.

Обвинительное заключение составлено 17-19 октября 1973 г. в г. Запорожье.

Старший следователь

В. Ломейко

Заявление Розы Джемилевой

Жена Решата ДЖЕМИЛЕВА (о суде над ним см. Хр. 31) Роза (Зера) ДЖЕМИЛЕВА (адрес: Ташкент, ул. Беш-Агач, тупик Шарк, 15) обратилась 23 апреля с.г. со следующим заявлением в Министерство внутренних дел СССР:

«Мой муж ДЖЕМИЛЕВ Решат был осужден Ташкентским городским судом 21 апреля 1973 г. к 3 годам лишения свободы в лагерях строгого режима по обвинению в нарушении ст. 191⁴ УК УзССР и ст. 190¹, 190³ УК РСФСР. Для отбывания срока он направлен в лагерь п/я УЯ 288/7 в Красноярском крае. Это создает большие трудности для его семьи.

Мы не можем воспользоваться предусмотренным законом правом на трехразовое в течение года свидание с осужденным родственником. Лишь одна поездка в этот отдаленный лагерь обходится в две месячные зарплаты, а у меня трое детей, и моей 100-рублевой зарплаты не хватает и для того, чтобы прокормить семью. Его 72-летняя мать не может выехать к нему на свидание в Красноярский край не только в силу экономических причин, но и по состоянию своего здоровья.

Это не первый случай, когда граждане, осужденные за участие в национальном движении крымско-татарского народа за возвращение на свою Родину в Крым, преднамеренно отправляются в отдаленные лагеря, в результате чего право на трехразовое свидание с осужденным превращается в издевательское лицемерие.

Я прошу перевести моего мужа для отбывания оставшегося срока в один из лагерей, расположенных на территории Узбекской ССР, т.е. республики, на территории которой он был осужден.

Прошу ответить мне в предусмотренные законом сроки».

Заявление К. Вальдхайму

(апрель 1974 г., 10 страниц)

Напоминая о репрессиях, которым подвергался и подвергается крымско-татарский народ за последние тридцать лет, авторы заявления сообщают о более чем 200 томах «писем, обращений, заявлений, петиций, адресованных во все инстанции Советского государства». Поскольку все эти обращения вызывали лишь новые репрессии, «единственный путь спасения — это обращение к ми-

ровой общественности, а также в Организацию Объединенных Наций». Сообщается о массовом возвращении крымских татар в Крым после Указа 1967 г. и (по-видимому, впервые) описываются две стадии официального отношения к этому со стороны советских властей: вначале были разосланы инструкции о всяческом содействии возвращению, но буквально через несколько дней последовали циркуляры и директивы, поясняющие «изменение обстановки» и предписывающие бороться с теми, кто хочет и кто уже успел вернуться в Крым.

Далее перечисляются конкретные факты преследований и гонений.

Сообщается, что 150 из возвратившихся семей не прописаны до сих пор (приводится список 37 семей).

Учитель Шевкет ГАФАРОВ в сентябре 1973 г. получил направление Симферопольского района на работу в школу с. Скворцово; когда он подал документы на прописку, выяснилось, что он — крымский татарин; угрозами, оскорблениями, шантажом его вынудили подать заявление об увольнении.

4 апреля 1974 г. супругов ЗЕЙНЕТДИНОВЫХ (с. Заветное Советского р-на) вызвали в милицию, после чего Эльмиру ЗЕЙНЕТДИНОВУ насильно вывезли в Херсонскую обл. (муж и 5 детей остались в Крыму); той же машиной вывезен Касым СЕЙДАЛЛИЕВ, отец 2-х детей.

Мать 4-х детей, больную Сульбие МУЗИНОВУ (г. Чернополье Белогорского р-на), выслали из Крыма на 2 года, угрожая в случае задержания отъезда сослать в Иркутскую область.

Приговорены к высылке супруги КАДЫРОВЫ (г. Белогорск), двое детей которых служат в армии.

Мамбет ДИН-ОГЛЫ (с. Новопавловка Красноперекопского р-на) дважды приговаривался к 1,5 годам заключения: в 1969 и 1971 гг.

Узбеку Рахиму ИШМАТОВУ осенью 1973 г. начальник отдела кадров Донузлавского птицевхоза (Черноморский р-н) заявил: «Не пропишу и не приму на работу — у тебя жена татарка».

Детей непрописанных татар не принимают в школу. Многие — но далеко не все — ходят на уроки, но в классные журналы их не вписывают.

«У СЕИТ-ОСМАНОВА Сеит-Ибрагима (с. Чернополье Белогорского р-на) двое детей вот уже седьмой месяц не посещают школу. Директор Чернопольской восьмилетней школы ЛИШАК дважды выволакивал шестиклассника Сеит-Османа СЕИТ-ОСМАНОВА из класса, сопровождая при этом пинками, а затем в течение недели караулил спортплощадку, чтобы ни одна нога крымско-татарских детей не ступала на этот заповедный участок, покрикивая при этом каждый раз: «Эй, татары, убирайтесь!».

Приводится текст документа:

№ 232

7 октября 1973 г.

Директору Ч. С. Ш.

Из рапорта инспектора Белогорского РВД ст. лейтенанта ЯСЬКО стало известно, что вы приняли в школу не имеющую прописки

в селе Курском Ибрагимову Диляру 1963 г. рождения. Прошу дать письменное объяснение по этому поводу для доклада председателю райисполкома тов. Кровец Н. Л.

Инспектор Белогорского

Района (подпись)

Сообщается о фактах «конфискации» (очевидно, принудительной продажи — Хр.) в пользу государства домов, хозяева которых собирались продать их крымским татарам.

ЗАГСы отказываются регистрировать браки крымских татар без разрешения милиции: Мурат ЭРЕДЖЕПОВ и Зейнеп ДЖЕМАЛЕТ-ДИНОВА (с. Донское Симферопольского р-на, 1972 г.); Умер ЧОБАНОВ и ЭМЕРСАЛИЕВА (г. Белогорск); Ниязи ДАГДЖИ и Эльмира СЕФЕРОВА (дер. Сенокосное Раздольненского р-на, 1974 г.).

Описываются подробности процесса над Джемилом КУРТСЕИТОВЫМ, Эйвазом МУСТАФАЕВЫМ и Рейтваном ЧАРУХОВЫМ, спровоцированными на драку БОЛДИНЫМ и МУДРЫМ, укравшими ночью у КУРТСЕИТОВА двух баранов (Хр. 31):

«Судья ШМЕЛЕВ и государственный обвинитель ИОНОВА беззастенчиво выгораживали провокаторов БОЛДИНА и МУДРОГО и жестоко расправились с КУРТСЕИТОВЫМ и его товарищами для устрашения других крымских татар, желающих жить на родной земле. ШМЕЛЕВ и ИОНОВА игнорировали свидетеля из того же села, не вызвали его в суд, так как все его показания были в пользу КУРТСЕИТОВА и его товарищей. МУСТАФАЕВ потребовал, чтобы в суд был вызван председатель сельсовета тов. МОРОЗЕНКО, который заранее предупредил КУРТСЕИТОВА о готовящейся провокации. Суд отказал в ходатайстве. Судья и прокурор полностью игнорировали тот факт, что из судебных материалов исчез протокол, составленный на месте происшествия. Даже исчез нож бандита БОЛДИНА. Более того, это спровоцированное дело превратили в политический процесс, без всякого основания обвинив их в антисоветской пропаганде, в антиобщественном образе жизни.

До суда в доме КУРТСЕИТОВА и ЧАРУХОВА произвели обыск. Рылись среди тетрадей, бумаг, но ничего против обвиняемых не нашли...»

КУРТСЕИТОВА приговорили к 7 годам лагерей, МУСТАФАЕВА и ЧАРУХОВА — к 5 годам.

Рассказывается о суде над Э. КУРТУМЕРОВЫМ, Э. ХАЛИКОВЫМ и Р. РАМАЗАНОВЫМ (см. Хр. 31), приводятся тексты обвинительного заключения и приговора (см. наст. выпуск).

Заявление заканчивается словами:

«Мы просим ООН и Комиссию по правам человека взять наш бесправный народ под свою защиту. Мы понимаем, что ООН не является мировым правительством, диктующим свою волю государствам, но ООН может потребовать соблюдения своих конвенций всеми государствами, ратифицировавшими их. По отношению к крымским татарам нарушены и продолжают нарушаться 2, 7, 11

статьи Всеобщей декларации прав человека и 123 статья Конституции СССР. Мы со всей ответственностью заявляем, что в СССР процветает ужаснейшая форма национальной дискриминации по отношению к крымским татарам, по вопиющим результатам не уступающая геноциду».

Отдельные сообщения

18 мая в Джанкойский район привезли по оргнабору 18 семей крымских татар.

* * *

В «Хронике» 31 сообщалось, что многих крымских татар не прописывают не только в Крыму, но и в близлежащих районах Украины. В настоящее время все крымские татары, проживающие в Херсонской обл., прописаны. В Ново-Алексеевке Генического р-на проживает сейчас около 400 семей (примерно 2000 человек).

* * *

За несколько дней до 18 мая (годовщина выселения крымских татар из Крыма) в Маргелане был арестован на 10 суток Сейдамет МЕМЕТОВ.

* * *

В Ново-Алексеевке Энверу АМЕТОВУ (Хр. 31) военкомат приказал явиться 18 мая на мед. комиссию якобы для предстоящего призыва на краткосрочную службу.

В назначенный день оказалось, что ни врачи, ни работники военкомата ничего о «комиссии» не знают.

25 мая военком потребовал от АМЕТОВА изменить место и характер работы, обещая за это освободить от призыва. АМЕТОВ высказал возмущение обманом и вмешательством в его личные дела, заявив, что откажется от военной службы (в 1959-62 гг. он проходил действительную службу). Он повторил это и в беседе с работником УКГБ Херсонской обл. П. П. ПОПОВЫМ, который не скрывал, что действия властей вызваны участием Э. АМЕТОВА в национальном движении. ПОПОВ обещал «похлопотать» за АМЕТОВА перед военкомом, если он прекратит это участие.

* * *

В Бекабаде (УзССР) 18 мая был вывешен траурный флаг на высоковольтной линии.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

В 1974 г. вышли в свет 9 и 10 выпуски «Хроники Литовской Католической Церкви». Материалы настоящего раздела основаны, главным образом, на сообщениях этих выпусков. Краткие аннотации 9 и 10 выпусков «Хроники ЛКЦ» см. в разделе «Новости Самиздата».

Процесс пяти

Как сообщает «Хроника ЛКЦ» вып. 10, с 18 февраля по 5 марта 1974 г. Верховный Суд ЛитССР слушал дело Ш. ЖУКАУСКАСА, А. САКАЛАУСКАСА, И. РУДАЙТИСА, В. ПАВИЛОНИСА, (арестованы в конце марта 1973 г. — Хр. 29), А. МАЦКЕВИЧУСА (арестован, по-видимому, 23 октября 1973 г.), обвинявшихся в антисоветской деятельности, в частности, агитации (ст. 68 УК ЛитССР), хищениях, валютных операциях. Обвинительное заключение упоминает также о сборе средств для помощи семье С. КУДИРКИ (Хр. 20).

Председатель суда — ИГНАТАС, народные заседатели — КАВАЛЯУСКАЙТЕ и ТАМУЛИОНИС. Обвинение поддерживал заместитель главного прокурора республики БАКУЧИОНИС. Адвокаты — КУДАБА (защищал ЖУКАУСКАСА), БАРВАЙНИС (САКАЛАУСКАСА), ГАВРОНСКИС (РУДАЙТИСА), МАТИОШАЙТЕНЕ (защищала ПАВИЛОНИСА), ВАЙЦЕКАУСКАС (МАЦКЕВИЧУСА).

Помимо специально собранной публики в зал суда были допущены только ближайшие родственники подсудимых.

Шарунасу ЖУКАУСКАСУ, родившемуся в 1950 г., студенту 6 курса Каунасского медицинского института, были предъявлены обвинения в создании антисоветской подпольной организации, участники которой принимали присягу и собирали членские взносы, и в руководстве этой организацией; в авторстве воззвания, посвященного дню независимости Литвы (16 февраля); в размножении (в 2-х экземплярах) XV тома «Литовской энциклопедии» (по-видимому, изданной до 1940 г); в распространении антисоветской литературы, в том, что он приобрел части для множительного аппарата «Эра»; в попытках завербовать в подпольную организацию МАЦКЕВИЧУСА; в том, что он помог САКАЛАУСКАСУ украсть 4 пишущие машинки; в соучастии (по-видимому, выразившемуся в подстрекательстве) в предпринятых МАЦКЕВИЧУСОМ хищениях народной деревянной скульптуры и церковной утвари. Как полагают, последние обвинения целиком основаны на противоречивых показаниях МАЦКЕВИЧУСА.

В судебном следствии Ш. ЖУКАУСКАС не отрицал, что руководил организацией, цель которой — собирание литературы и самообразование. Действуя в рамках законности, он стремился способствовать исправлению ошибок, допущенных властями. Он признал, что распространял официально не изданные произведения, например, «Судебный процесс С. КУДИРКИ», которые не содержат измышлений и не являются антисоветскими. Он был убежден, что инкриминируемое ему хищение пишущих машинок никому не нанесло материального ущерба, так как они списаны. ЖУКАУСКАС категорически отрицал участие в кражах церковного имущества и произведений народного искусства. Он не намерен нести ответственность за преступления МАЦКЕВИЧУСА.

Анастас САКАЛАУСКАС, родившийся в 1938 г., преподаватель немецкого языка в Каунасском политехническом институте, приговоренный в 1957 г. к 2 годам лишения свободы за попытку бежать на байдарке за границу, обвинялся: в принадлежности к

подпольной организации; в хранении антисоветской литературы (в том числе 2-х номеров «Хроники ЛКЦ», «Кто сумасшедший?» Ж. и Р. МЕДВЕДЕВЫХ, «Майн Кампф» ГИТЛЕРА и др.); в намерении переслать на Запад сборник своих стихотворений; в организации похищения пишущих машинок.

В суде САКАЛАУСКАС подтвердил свою принадлежность к организации и уплату членских взносов. Он подчеркнул, что цель организации — самообразование.

Изидорус РУДАЙТИС, родившийся в 1912 г., врач, обвинялся: в поддержке, в частности, материальной подпольной организации, в содействии размножению и распространению антисоветской литературы и воззвания о 16 февраля; в подготовке издания подпольного журнала (сборника?) «Науясис Варпас» («Новый колокол»), редактором которого он должен был стать; в валютных спекуляциях.

В ходе судебного следствия заявил, что ничего не знал о какой-либо подпольной организации или предполагаемом подпольном издании. Что касается изъятых у него на обыске материалов, не опубликованных в официальной печати, то образованному человеку надлежит знать разные мнения, в том числе и критические. РУДАЙТИС показал, что приобрел заграничную валюту случайно.

Видмантасу ПАВИЛОНИСУ, родившемуся в 1947 г., инженеру-технологу, были предъявлены обвинения: в принадлежности к подпольной организации; в хранении и распространении антисоветской литературы, в частности, воззвания о 16 февраля; соучастии в подготовке издания «Новый колокол».

ПАВИЛОНИС отрицал свою причастность к распространению каких бы то ни было произведений, заявил, что ничего не знает о проекте «Нового колокола» и об организации. С ЖУКАУСКАСОМ его связывал только общий интерес к краеведению.

Алоиз МАЦКЕВИЧУС, родившийся в 1949 г., бывший кандидат в члены КПСС, мастер дорожного управления, обвинялся в том, что, подстрекаемый ЖУКАУСКАСОМ, воровал произведения народного искусства; ограбил церковь в Тиркшляй и отвез украденные вещи ЖУКАУСКАСУ; примкнул к подпольной организации.

МАЦКЕВИЧУС признал себя виновным в кражах и ограблении церкви: мотивы — любит красиво одеваться. Он показал, что ЖУКАУСКАС являлся его соучастником. Однако в ходе судебного следствия МАЦКЕВИЧУС частично изменил показания и сказал, что церковь ограбил один, желая доказать ЖУКАУСКАСУ, что способен действовать самостоятельно.

В суде были допрошены около 90 свидетелей. Однако суд не исследовал содержания инкриминируемых подсудимым текстов, чтобы всесторонне проверить, содержатся ли в них клеветнические измышления.

Прокурор БАКУЧИОНИС выделил в своей речи МАЦКЕВИЧУСА, сожалея о том, что он оказался жертвой обмана.

В продолжительном последнем слове Ш. ЖУКАУСКУС сказал, что не является врагом социализма, но не считает советскую власть в Литве народной, поскольку она была насильственно внедрена извне и в 1918, и в 1940 г. Он говорил о терроре, раску-

лачивании, арестах, массовых высылках, партизанских боях, стоивших Литве около 300000 человеческих жизней, о русификации Литвы. ЖУКАУСКАС заявил, что не считает свои действия преступлением перед народом, он не просит смягчить наказание, а требует оправдания.

Суд приговорил: Ш. ЖУКАУСКАСА к 6 годам лагерей строгого режима с конфискацией имущества; А. САКАЛАУСКАСА — к 5 годам строгого режима; В. ПАВИЛОНИСА — к 2 годам строгого режима; И. РУДАЙТИСА — к 3 годам строгого режима с конфискацией имущества; А. МАЦКЕВИЧУСА — к 2 годам общего режима.

МАЦКЕВИЧУС отбывает наказание в Правенишкас (Литва), остальные в Пермской области (ЖУКАУСКАС пока оставлен в тюрьме госбезопасности, как говорят, до осени).

17 марта 1974 г. сообщение о процессе опубликовано в газете «Тiesa» («Правда») в статье «Чьим именем?». Газета сообщает, что подсудимые издали и распространили «листовки антисоветского характера». Сообщается также, что РУДАЙТИС распространял записи зарубежных радиопередач. Содержание приговора в статье не указано.

* * *

20 ноября 1973 г. после обыска арестован ПАТРУБАВИЧУС, житель Эжерелис. У него изъяли электрографический копировальный аппарат «Эра» и пишущую машинку. Одновременно с ним обыску был подвергнут его сосед ЖАРЕЦКИЙ.

* * *

В конце 1973 г. во Львове арестован украинский католический священник о. Владимир ПРОКОПИВ, родившийся в 1914 г., житель г. Вильнюса. ПРОКОПИВ получил высшее богословское образование в Риме, был священником на Украине, высылался в Казахстан. Вернувшись из ссылки, поселился в Литве и занимался физическим трудом. Как сообщает «Хроника ЛКЦ» вып. 9, о. Вл. ПРОКОПИВ тайно занимался пастырской деятельностью среди верующих Литвы и Украины.

Незадолго до ареста о. Вл. ПРОКОПИВ ездил в Москву вместе с представителями украинских католиков Львовской области, которые ходатайствуют об открытии католической церкви. Просьбу об открытии церкви подписали около 12000 человек. Вернувшись в Вильнюс, о. Вл. ПРОКОПИВ обнаружил следы обыска в своей квартире. По-видимому, были обысканы и квартиры украинцев, возивших заявление в Москву.

* * *

Как сообщают, примерно в то же время был арестован украинский священник МИЦКЕВИЧ, работавший в г. Стрый.

* * *

9 апреля 1974 г. в Каунасе арестован Виргилиус ЯУГЯЛИС (Хр. 30).

18 января его допрашивали следователь ЛАЗАРЯВИЧУС. Следствие интересовало, от кого ЯУГЯЛИС получил материалы для ротатора. ЯУГЯЛИС отказался отвечать, поскольку Конституция гарантирует свободу печати и изъятие матриц незаконно. Во время допроса на следующий день у него взяли образцы почерка и отпечатки пальцев.

В день ареста в квартире ЯУГЯЛИСА был проведен обыск, руководил которым капитан ПИЛЯЛИС. ЯУГЯЛИСУ предъявлено обвинение по ст. 68 УК Лит ССР (соответствует ст. 70 УК РСФСР). Сейчас он содержится в Вильнюсской тюрьме КГБ.

* * *

24 апреля 1974 г. в Каунасе после обыска, в ходе которого были найдены детали множительного аппарата «Эра», бумага и несколько экземпляров книги «А все-таки Священное Писание право», был арестован Иозас ГРАЖИС.

* * *

Ниже приводятся дополнительные сведения об обысках в конце ноября 1973 г. (Хр. 30). Обыскам подверглись:

19 ноября — Витаускас ВАЙЧУНАС (Каунас), сотрудник каунасского исполкома. Изъяты книги и статьи религиозного содержания и на темы морали, молитвенники, «Новый Завет», журналы, вырезки из газет, записные книжки, схемы и технические описания блоков «Эры» и др. Обыск продолжался 2 дня, руководил им майор ЛИМАУСКАС. В начале обыска в квартире ВАЙЧУНАСА был арестован находившийся там Повилас ПЕТРОНИС (Хр. 30). ВАЙЧУНАС заявил, что изъятые у него вещи принадлежат ПЕТРОНИСУ. После обыска ВАЙЧУНАС допрашивался в течение 4-х дней.

19 ноября — Казимерас ГУДАС (дер. Шленава, Каунасский район). Изъяты 2500 переплетенных молитвенников, неоконченный самодельный аппарат «Эра» и др. Во время обыска ГУДАС был избит.

19 ноября — Янина ЛУМБЕНЕ (Каунас). Изъяты пишущая машинка, стихотворения о Р. КАЛАНТЕ, копия меморандума Генеральному Секретарю ООН с 17000 подписей (Хр. 25). После обыска вызвана на допрос.

20 ноября — Ионас ГУДЕЛИС (Каунас). Изъяты религиозная литература, записи, «Хроники ЛКЦ». После обыска — допросы в Каунасе и Вильнюсе.

21 ноября — Мария ВИЛКУТЕ (Каунас). Изъяты книги.

19 и 21 ноября в Каунасе еще на двух квартирах были произведены обыски, во время которых изъяты 280 кг шрифта, самодельный печатный станок, 1000 переплетенных молитвенников, приспособление для обрезки и др.

* * *

Известно о нескольких обысках по делу № 345 (дело об издании «Хроники ЛКЦ» и религиозной литературы), проведенных в марте и апреле 1974 г. Обыскам были подвергнуты:

20 марта — украинский священник о. Владислав ФИГОЛИЙ.
20 марта — Броня КУДЕЛАЙТЕ (Каунас). Изъяты около 400 экземпляров молитвенника.

20 марта — священник С. ТАМКЯВИЧУС (Симнас). Изъяты 2 выпуска «Хроники ЛКЦ», религиозные сочинения, магнитофонные ленты.

4 апреля — МАТУЛИОНИС (Вильнюс). Обыски проводились в Друскининкай, где он лечился, и на квартире в Вильнюсе. Изъята религиозная литература. На допросе МАТУЛИОНИС подтвердил показания сотрудников отдела репродукции Республиканской библиотеки ОЦУЛЬСКИСА, ЧУДАКОВА и ЧИПЛИСА о том, что он заказал им изготовить 2000 катехизисов на русском языке. (Эти книги были найдены КГБ в библиотеке). МАТУЛИОНИС объяснил, что заказал их для подарков.

8 апреля — Она ВОЛЬСКЕНЕ (Каунас). Изъята пишущая машинка.

9 апреля и затем 10-11 апреля — Саломея МИКШИТЕ (Каунас). Обыскивали комнату, снимаемую МИШКИТЕ в Кулаутуве, изъяли пишущую машинку и религиозные книги.

24 апреля — Валюс СЕМАШКА (Каунас). Изъяты религиозные и другие ценные довоенные книги. Обыскивающие утверждали, что в одной комнате этого дома прежде кто-то работал на «Эре». СЕМАШКУ и хозяев квартиры, где он живет, 3 дня допрашивали в Вильнюсе.

* * *

В январе-апреле 1974 г. по делу № 345 были допрошены многие жители Литвы. Спрашивали об арестованных по этому делу (Хр. 30), о «Хронике ЛКЦ», о самостоятельных изданиях религиозной литературы, о подпольной семинарии, о священнике И. ЗДЕБСКИСЕ (Хр. 21-24, 27, 29), которого, как полагают, КГБ считает одним из руководителей независимых литовских католиков, и др. И. ЗДЕБСКИСА допрашивали в течение 2-х дней.

По слухам, некоторые следователи считают, что следствие по делу № 345 продлится около года.

* * *

В Литве по-прежнему нередки случаи внесудебных преследований верующих. Ниже приведены некоторые из них.

Отдел народного образования в Вильнюсе принудил уволиться по собственному желанию служащую детских яслей Алдону МАТУСЕВИЧЕНЕ, подозреваемую в принадлежности к католическому монашеству. Уволена 13 октября 1973 г.

По той же причине из издательства «Швеса» (Свет) в Каунасе уволена Моника ГАВЕНАЙТЕ, также «по собственному желанию».

Подозреваемая в монашестве Марите МЕДАУСКАЙТЕ, машинистка финотдела в г. Паневежис, уволена с работы в апреле 1974 г.

Заведующая аптекой в Игналине Альбина МЕШКЕНАЙТЕ и врач Виталия ЮЗЕНАЙТЕ 30 октября 1973 г. присутствовали на похоронах священника Винцентоса МИШКИНИСА, настоятеля прихода Мелаченая. После разбирательства в райисполкоме (пред-

седатель исполкома ГУДУКЕНЕ говорила, что люди с некоммунистической идеологией не могут быть руководителями учреждений, ссылаясь на недостаточность политической работы в аптеке) А. МЕШКЕНАЙТЕ была уволена 13 ноября Главным фармацевтическим управлением. Ей сказали, что она не получит работы по специальности в Игналинском районе. Врач В. ЮЗЕНАЙТЕ получила выговор.

Заведующая Домом культуры в Якутишкяй Лайма АТКОЧУ-НАЙТЕ (теперь ШТАРКЕНЕ) уволена с работы летом 1973 г. после того, как венчалась в церкви. 10 января 1974 г. Укмергская районная газета «Родная земля» упрекнула ее в предательстве по отношению к комсомолу.

Отложена на год защита диплома Зенонаса МИШТАУТАСА, студента Шауляйского политехникума. Он лишен стипендии. В январе 1974 г. приказом директора техникума ЗУМЕРА ему снижена оценка по поведению «за невыполнение взятых на себя общественных обязанностей и провал атеистической лекции...» МИШТАУТАС отказался читать атеистическую лекцию на стройке, где проходил преддипломную практику. Министр высшего и среднего специального образования Лит. ССР ЗАБУЛИС, к которому МИШТАУТАС обратился с просьбой разрешить ему защиту диплома, оставил в силе решение педагогического совета. Как полагают, столь энергичные воспитательные меры педагогов и самого министра связаны с тем, что МИШТАУТАС подвергался допросам по поводу креста, отнесенного молодежью Шауляй 19 мая 1973 г. на гору Мешкуйчай (Хр. 30).

ДЕЛО ПАЙЛОДЗЕ

Уголовное дело ПАЙЛОДЗЕ начато, как указано в обвинительном заключении, 23 марта 1974 г. «...на основании материалов, полученных из Комитета госбезопасности при Совете Министров ГССР». 23-го же марта 1974 г. ПАЙЛОДЗЕ вызвали через участкового в милицию «по квартирному вопросу» и отвели оттуда, больную, с температурой 38,° в 1-й следственный изолятор г. Тбилиси.

Ей было предъявлено обвинение по ст. 206 ч. 1 УК ГССР (соотв. ст. 190-1 УК РСФСР) и ст. 233 ч. 11 УК ГССР (соотв. ст. 227 ч. 11 УК РСФСР).

Валентина Серапионовна ПАЙЛОДЗЕ руководила хорами церкви Светицховели (Мцхета), св. Додо (Сагареджо), Троицкой церкви (Тбилиси).

В обвинительном заключении, подписанном прокурором Заводского района г. Тбилиси, советником юстиции О. ДЖАПАРИДЗЕ, утверждается, что в 1970-74 гг. ПАЙЛОДЗЕ написала и «распространила» 136 анонимных писем в различные организации Грузии (ЦК, Совет министров, МВД, Академию Наук, Союз писателей, суды, военкоматы, райкомы, райсоветы, учебные заведения, телевидение) и ряду деятелей культуры, в которых она... оскорбляет создателя Советской Компартии и государства, оскорбляет также

ведущих партийных работников, работников советских органов, призывает членов партии и комсомола порвать партийные и комсомольские билеты, призывает ответственных работников самовольно оставить свои посты, в противном случае она угрожала уничтожением (в другом месте обвинительного заключения сказано: «...в противном случае именем Господа она угрожала гибелью...» — Хр.), предлагала педагогам прервать воспитание студенческой молодежи, прервать учебу, не участвовать в демонстрациях 7 ноября, не выносить на торжественный парад портреты В. И. ЛЕНИНА и других руководителей...». Те же анонимные письма «...клеветали на советский общественный строй и народ, призывали общество к пассивному сопротивлению, призывали молодежь не служить в Красной Армии...» Утверждается также, что «...Выдающихся работников науки ...она призывала прервать творческую работу...»

Кроме того, «...В. С. ПАЙЛОДЗЕ систематически посягала на личность и права граждан (ст. 233 УК ГССР — Хр.), именно: систематически вела религиозную пропаганду исполнения религиозных обрядов...».

Единственный раз в тексте обвинительного заключения встречается ссылка на показания свидетелей. Утверждается, что «...ПАЙЛОДЗЕ с 5 по 6 ноября 1973 г. распространила два анонимных письма...» в Тбилисском политехническом институте. Эти письма обнаружили студенты Гюльнара ХАРБЕДИА (5 ноября) и Омар БЕРИАШВИЛИ (6 ноября).

Утверждая авторство ПАЙЛОДЗЕ в инкриминируемых ей письмах, обвинительное заключение ссылается только на результаты графологической экспертизы.

В приложенной к обвинительному заключению справке, подписанной прокурором ДЖАПАРИДЗЕ, сказано: «...5. Вещественных доказательств нет».

В суде председательствовал Г. КУХАЛЕРИШВИЛИ.

Судебное заседание дважды — 12 и 18 июня — откладывалось: первый раз — в связи с протестом ПАЙЛОДЗЕ по поводу нарушений следствия (в частности, давления, оказываемого О. ДЖАПАРИДЗЕ), бесчеловечных условий содержания в тюрьме и недопущения избранного ею адвоката Д. БАКРАДЗЕ; второй раз — в связи с болезнью ПАЙЛОДЗЕ (в суде она упала в обморок). Суд состоялся 26 июня.

В. С. ПАЙЛОДЗЕ не признала себя виновной. Так же, как и на предварительном следствии, она отрицала, что писала какие-либо анонимные письма или распространяла ложные сведения.

Упомянутые выше свидетели — студенты не знакомы с ПАЙЛОДЗЕ и никогда ее не видели; они показали лишь, что нашли письмо в институте.

В суд не был вызван ни один эксперт, и заключения экспертизы не могли быть проверены в судебном следствии.

Вопреки справке, приложенной к обвинительному заключению, государственный обвинитель представил суду одно вещественное доказательство — письмо, о котором он утверждал, что оно подписано ПАЙЛОДЗЕ и изъято у ней на обыске. ПАЙЛОДЗЕ не

признала подлинность подписи. Следует заметить, что это письмо не значится в протоколе обыска.

ПАЙЛОДЗЕ заявила суду, что к ней применялись незаконные методы следствия: неоднократное помещение в карцер, угрозы избитием, попытки использовать доносы сокамерниц — «наседок».

ПАЙЛОДЗЕ заявила также, что подлинная причина ее ареста — стремление КГБ дискредитировать ее, как опасную свидетельницу. Она считает суд над ней следствием того, что она не раз разоблачала сотрудников КГБ и близких к ним священнослужителей, участвовавших в ограблении Патриархии в 1972 г. и в других нарушениях закона. (Многие называют ПАЙЛОДЗЕ возможным свидетелем в расследовании положения дел в Грузинской Патриархии, которое ведет прокуратура.)

Адвокат БАКРАДЗЕ так и не был допущен на суд; защиту вел КИКВИДЗЕ.

Суд приговорил В. С. ПАЙЛОДЗЕ к полутора годам лагерей общего режима.

* * *

В самиздате распространились несколько текстов о положении православной церкви в Грузии — о ее эволюции и упадке, о специфических формах давления на нее со стороны местных властей и органов госбезопасности, о преступлениях, совершенных в Грузинской Патриархии. В числе изобличающих свидетелей описываемых событий названа В. С. ПАЙЛОДЗЕ.

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Мордовия

Лесное (учр. ЖХ 385/19). В августе 1973 г. большая группа политзаключенных 19-го л/п пыталась переправить на волю письмо в Комитет прав человека. Эта попытка окончилась неудачей — письмо было изъято у освобождавшегося Ивара ЖУКОВСКИСА. После этого отправлены в ПКТ на 6 месяцев:

Кронид ЛЮБАРСКИЙ (Хр. 24-28);

Алексас ПАШИЛИС (арестован в 1970 г. в г. Клайпеда за листовки, срок 4 года);

Николай БУДУЛАК-ШАРЫГИН (в войну в возрасте 14 лет оказался за границей, принял английское подданство, арестован в 1968 г. во время поездки в СССР по делам фирмы, в которой служил, 10 лет за «невозвращение»);

Б. ШАКИРОВ.

Осенью БУДУЛАК-ШАРЫГИНА и ШАКИРОВА отправили во Владимирскую тюрьму на 3 года.

* * *

В годовщину смерти Юрия ГАЛАНСКОВА многие заключенные направили письма-протесты в официальные инстанции. Вот ответ прокурора учр. ЖХ 385 ГАНИЧЕВА на одно из таких писем:

«РОМАНОВУ А. И. объявить, что смерть Галанскова в причинной связи с незаконными действиями администрации в местах лишения свободы не находится. Протест РОМАНОВА необоснован».

* * *

10 декабря 1973 г., в годовщину принятия Всеобщей декларации прав человека, в лагерях состоялись традиционные однодневные голодовки. На 19 л/п в голодовке участвовало 10 человек. Также были отправлены протесты в различные официальные инстанции. Ответы стандартные: «Советские люди пользуются полной свободой и демократией. Оснований для протестов нет».

* * *

12 января политзаключенные-украинцы провели однодневную голодовку в связи со второй годовщиной массовых арестов на Украине (Хр. 24). Политзаключенные евреи Борис АЗЕРНИКОВ и Анатолий ГОЛЬДФЕЛЬД поддержали протест украинцев, направив по этому поводу заявления в Президиум Верховного Совета СССР.

* * *

На 19 л/п с 17 по 24 июня держали голодовку Борис АЗЕРНИКОВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Борис ПЕНСОН («самолетный» процесс, срок 10 лет, Хр. 17). Голодавшие протестовали против нерегулярности доставки и отправки корреспонденции, произвольных конфискаций и «исчезновений» писем, в особенности из-за рубежа. После голодовки они получили разом много писем разного времени и отправки.

Озерный (учр. ЖХ 385/17). Сюда привезли Александра БОЛОНКИНА, осужденного в Москве на 4 года лагерей и два года ссылки (Хр. 30). На этапе БОЛОНКИНА избили, и после этого у него сильно болел бок. Однако ему отказались сделать рентген, как он того требовал. БОЛОНКИН написал жалобу на конвой в прокуратуру. Если верить ответу, дело о его избиении передано в Сокольнический районный суд г. Москвы.

Барашево (учр. ЖХ 385/3-4, женская политзона). Н. А. СТРОКАТОВА (срок 4 года, Хр. 25, 28) около семи месяцев добивалась направления на медицинское освидетельствование по поводу опухоли грудной железы. В 1973 г. наконец была направлена в специальную больницу МВД в Ростове-на-Дону. Теперь СТРОКАТОВА поставлена на онкологический учет и периодически — раз в полгода — проходит обследование в той же больнице. Недавно, во второй раз, вернулась из Ростова; состояние хорошее.

* * *

Сильва ЗАЛМАНСОН («самолетный» процесс, срок 10 лет, Хр. 17) вернулась из больницы в зону. Состояние ее здоровья значительно улучшилось.

* * *

Ирина СТАСИВ-КАЛЫНЕЦ (срок 6 лет и 3 года ссылки, Хр. 24, 28) в очень тяжелом состоянии переведена в больницу. Точный диагноз не установлен, предположительно — заболевание печени.

* * *

Стефания ШАБАТУРА (срок 5 лет и 3 года ссылки, Хр. 24, 28) с января по апрель была в ПКТ — видимо, за зимние голодовки.

Барашево (учр. ЖХ 385/3-2, больница). Здесь содержится арестованный в апреле 1958 г. Альгимантас ЖИПРЕ.

А. ЖИПРЕ родился в конце двадцатых годов (1927? — 1930 г.?), принимал активное участие в партизанском движении в Литве в 40-х годах; вышел из леса в 1956 г., поверив амнистии. Арестован полтора года спустя.

Верховный Суд Литовской ССР приговорил его по ст.ст. 58-1а, 58-8, 58-11 к 25 годам лагерей. Сам ЖИПРЕ считал, что он приговорен к 15 годам, т.к. к этому времени максимальный срок заключения был снижен до 15 лет. Однако Верховный Совет Литовской ССР еще не принял в тот момент соответствующего постановления, и в апреле 1973 г. ЖИПРЕ узнал, что ему предстоит отбыть еще 10 лет лагерей.

Этапирован из Пермских лагерей в больницу с диагнозом: «психическое заболевание».

Пермские лагеря

Кучино (учр. ВС 389/36). 1 мая 7 или 8 политзаключенных провели однодневную голодовку, требуя отмены приказа № 20 от 14 января 1972 г. Текст приказа № 20 «Хронике» неизвестен, известно только, что этот приказ накладывает на заключенных новые ограничения и требования, не предусмотренные ИТК РСФСР.

* * *

Заявили об отказе от советского гражданства:

Алексей САФРОНОВ, 21 год, срок 12 лет;

Виктор АБАНЬКИН, 25 лет, срок 12 лет;

Виталий КОЛОМИН, 22 года, срок 6 лет;

Виталий КАЛЕНИЧЕНКО, 28 лет, срок 10 лет;

Григорий ВАБИЩЕВ, 43 года, срок 25 лет (осталось сидеть 10 месяцев).

Они рассматривают свой отказ от советского гражданства как протест против произвола. Они требуют, чтобы после отбытия срока им дали возможность оставить пределы СССР.

* * *

Заключенный 36 л/п М. Я. МАКАРЕНКО (ст.ст. 70, 162, 173 УК РСФСР, срок 8 лет, Хр. 16) отправил ряд жалоб и обращений в различные советские, партийные и общественные организации.

Вот различные варианты ответов:

Правление Союза писателей СССР и Московская писательская организация сообщают, что «не компетентны заниматься происходящим в лагерях» и впредь на подобные заявления отвечать не

будут. Это — ответ на обращение к А. БАРТО, М. ШОЛОХОВУ, К. СИМОНОВУ.

Практика перевода в тюрьмы судопроизводством по упрощенной процедуре «рассмотрена и признана правильной» (ответы от Комиссии по делам молодежи при Верховном Совете СССР, от ЦК КПСС, от Комиссии Верховного Совета СССР по законодательным предложениям). По жалобам МАКАРЕНКО проведена проверка — пермским прокурором МЯКИШЕВЫМ и чусовским прокурором ГОЛДЫРЕВЫМ. Из всех заявленных пунктов удовлетворен только один: впредь каратели и полиция — заключенные по красным датам не будут патрулировать в красных повязках. Все остальное признано клеветой; администрации лагеря предложено строго привлечь за это МАКАРЕНКО.

* * *

Обыск — с целью изъятия у заключенных «лишних» теплых вещей, обуви и др. — проводился 15 февраля. Всех согнали в столовую, заявили, что «не положено» иметь более одной пары теплого белья, нельзя (по «режиму») иметь валенки, теплые брюки, две пары ботинок или сапог; нельзя иметь спецовку: надо работать в том, в чем ходишь повседневно... Несколько сот вещей отобрали без расписок, квитанций и т.п. Топтали ногами оставшиеся у з/к продукты, уничтожали книги, журналы. Искали даже в снегу — щупами из снега выгребали спрятанные валенки и другие вещи. Обыск проводился ночью. Руководили обыском: начальник лагеря майор КОТОВ, майор ФЕДОРОВ, капитан ЖУРАВКОВ, в присутствии сотрудников спецотдела Пермского УВД — начальника отдела подполковника МИКОВА и главного по группе КГБ майора АФАНАСОВА.

Всесвятское (учр. ВС 389/35). В Хронике № 30 сообщалось, что после смерти з/к КУРКИСА в больнице побывали две комиссии, которые ничего не изменили. Это не совсем так. После 1-й комиссии (точнее, это была экспертиза для подписания акта о смерти) заключенные неоднократно протестовали; были даже короткие голодовки. Вторая комиссия сняла с должности нач. санчасти зоны; заключенным восстановили инвалидность, многие получили лечение, в котором им раньше отказывали.

* * *

20 февраля был отправлен на 3 месяца в ПКТ Владимир БУКОВСКИЙ. В ПКТ БУКОВСКОГО держали на режиме ШИЗО (горячая пища через день) — новшество, введенное администрацией 35-го л/п. Помещение БУКОВСКОГО в ПКТ и режим содержания вызвали многочисленные протесты среди заключенных. После этих протестов были лишены свиданий В. ПАВЛЕНКОВ и И. СВЕТЛИЧНЫЙ.

На воле в защиту БУКОВСКОГО выступили: его мать Н. И. БУКОВСКАЯ; А. ТВЕРДОХЛЕБОВ; А. НАЙДЕНОВИЧ; а также А. ЛЕВИТИН (КРАСНОВ), А. САХАРОВ, Т. ХОДОРОВИЧ, Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, П. ЛИТВИНОВ, священник С. ЖЕЛУД-

КОВ, Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ, В. ФАЙНБЕРГ. Последний, получив известия (пока не удалось проверить их достоверность) о том, что БУКОВСКИЙ и его друзья в зоне объявили голодовку, начал в Москве голодовку в их поддержку.

9 мая, на 11 дней раньше срока, БУКОВСКИЙ был выпущен из ПКТ — «в связи с ремонтом помещения».

* * *

12 мая был лишен свидания с женой политзаключенный ПРО-НЮК (Хр. 30). 13 мая в лагере вспыхнула массовая (около 30 человек) голодовка. Голодовка длилась месяц. Подробности пока неизвестны, однако понятно, что это — одно из самых крупных выступлений политзаключенных за последнее десятилетие. Голодовка прекратилась после того, как администрация пошла навстречу некоторым требованиям голодающих; в частности, было уточнено, что такие наказания, как лишение свидания или посылки, действуют в течение месяца с момента их наложения, т.е. через месяц заключенный может получить отобранное свидание или посылку.

27 мая Владимира БУКОВСКОГО, принимавшего участие в голодовке, отправили на 3 года во Владимирскую тюрьму.

По этому поводу известен протест М. ЛАНДЫ и А. ЛЕВИТИНА (КРАСНОВА).

* * *

Пятеро заключенных отказались принимать участие в строительстве штрафного изолятора. Двое из них — Алье-Лейб ХНОХ («самолетный» процесс, срок 13 лет, Хр. 17) и Гиля БУТМАН (ленинградский «околосамолетный» процесс, срок 10 лет, Хр. 20) — помещены за это в ПКТ.

Владимирская тюрьма (учр. ОД-1/СТ-2)

Около 4-х лет во Владимирской тюрьме содержится Валентин МОРОЗ — украинский историк и публицист, осужденный повторно по ст. 62 УК УССР (-ст. 70 УК РСФСР) за 4 его статьи:

«Репортаж из заповедника имени Берия» (написана во время первого заключения в Мордовских лагерях), «Среди снегов», «Хроника сопротивления» и литературно-критический анализ стихов Евдокии ЛОСЬ, белорусской поэтессы.

МОРОЗ приговорен к 6 годам тюрьмы, трем годам лагерей, пяти годам ссылки. До этого он был в заключении 4 года — с 1965 по 69 г. (Хр. 7, 14, 17, 27).

Во Владимирской тюрьме сокамерниками В. МОРОЗА оказались уголовные преступники, они изводили его, не давали ему спать ночью, а один из них порезал ему живот отточенным, как нож, черенком ложки, так что МОРОЗА вынуждены были отправить в больницу и наложить швы. После этого случая, по просьбе самого МОРОЗА и его жены, его поместили в одиночку. В одиночке он сидит уже два года.

По действующему законодательству, после половины назначенного судом срока тюремный режим может быть заменен лагерем при условии соблюдения заключенным правил режима (см. ст. 33 Основ ИТЗ, ст. 51 ИТК РСФСР). В. МОРОЗ не имеет нарушений, кроме одного: во время свидания с женой он говорил с ней по-украински и отказался перейти на русскую речь, за что был лишен свидания. Правда, после жалобы жены в высшие инстанции поведение В. МОРОЗА было признано законопослушным и свидание ему дали, но в тюремном деле за ним числится этот эпизод как нарушение режима. И вот на этом основании ему отказывают в переводе из тюрьмы в лагерь. Более существенно, видимо, то, что в 1972 г., привезенный из Владимира в Киев свидетелем по делу «украинских националистов», В. МОРОЗ отказался участвовать в следствии. Но администрация не может выдвинуть это обстоятельство как формальный повод для продолжения тюремного режима.

Валентин МОРОЗ тяжело переносит содержание в одиночке, он близок к нервному заболеванию. Он сообщил жене, что намерен с 1-го июля объявить голодовку и держать ее до перевода в лагерь — либо до смерти.

В первых числах июля Раиса МОРОЗ ездила во Владимир и беседовала с начальником тюрьмы полковником ЗАВЬЯЛКИНЫМ. Тот отказался отвечать на вопрос, держит ли В. МОРОЗ голодовку; однако упорно повторял, что голодовка является нарушением режима. Присутствующая тут же начальник медчасти (видимо, БУТОВА) на вопросы жены о здоровье мужа сказала: «Здоровье в полном порядке. Когда я сегодня утром осматривала его, сердце работало нормально». Затем добавила: «Мы каждое утро осматриваем всех заключенных!»

«У меня нет уже никаких надежд на жалобы и заявления», сказала Раиса МОРОЗ в своем интервью иностранным корреспондентам 4-го июля. «Мне остается одно — обратиться ко всем добрым и гуманным людям на земле: помогите моему мужу Валентину МОРОЗУ! Не дайте ему погибнуть».

Позднее Раиса МОРОЗ передала открытое письмо председателю ПЭН-клуба. Она напоминает там, в частности, о роли Г. БЁЛЛЯ в спасении жизни Андрея АМАЛЬРИКА.

По имеющимся на 15 июля сведениям, Валентин МОРОЗ не собирается прекращать голодовку.

Кировская область

Во время второго следствия в Кировской тюрьме ХАНЦИСА (Хр. 28) держали в подвале на карцерном режиме. Когда кончился срок санкции прокурора и ХАНЦИС, стуча в дверь, стал требовать освобождения, 6 надзирателей во главе с офицером избили его в камере до потери сознания; колотили головой о дверь, приговаривая: «Вот так, жидяра, надо стучать». Результат избиения — травма черепа и позвоночника, частичный паралич ног. На суд (март 1972 г.) ХАНЦИСА принесли на руках. Приговор суда —

2 года строгого режима (Документы по делу ХАНЦИСА см. в «Хронике защиты», вып. 1).

В учреждении ОР 216/16, куда ХАНЦИС был направлен на психиатрическую экспертизу, его скрутили мокрым полотенцем и пытались силой выпрямить полусогнутые парализованные ноги, видимо, предполагая симуляцию. При этом порвали связки в области колен.

ХАНЦИС отбывал наказание по новому сроку в Учр. ОР 216/10. Вначале содержался в карцере. Когда его вели в баню, он повернул в зону (на костылях). Офицер вырвал у него из рук костыли, ХАНЦИС упал и пополз в зону. Офицер наступил ему на ноги; но вокруг собрались заключенные, раздались возгласы возмущения. После этого случая ХАНЦИС был переведен из карцера в зону, а затем в другой лагерь — ОР 216/1.

Яков Лейбович ХАНЦИС освобожден по концу срока 6 марта 1974 г., получил разрешение на выезд и выехал в Израиль.

Украина

Александр ФЕЛЬДМАН (Киев, так называемая «история с тортом», ст. 206, ч. II, срок 3,5 года, Хр. 30) в середине января привезен в лагерь усиленного режима. Его адрес: УССР, Хмельницкая обл., Шепетовский р-н, село Климентовичи, учр. МХ 324/98.

19 января ему дали часовое свидание с братом и невестой.

Директор производства МОВЧАН и начальник цеха железобетонных изделий ДРАЧУК в первые же дни пребывания ФЕЛЬДМАНА в лагере третировали его как еврея («работаешь как жид» и т.д.). В знак протеста ФЕЛЬДМАН в начале февраля отказался выходить на работу. За это 9 февраля он получил 15 суток ШИЗО. Через 2 дня после выхода ФЕЛЬДМАНА из ШИЗО лагерная администрация (начальник лагеря КУЦАК, зам. начальника по режиму капитан ПОЛИЩУК) вновь отправляет его в карцер. На этот раз ФЕЛЬДМАН отсидел в ШИЗО двойной срок — с 26 февраля по 29 марта. В конце этого срока он был избит соседом по камере, уголовником.

Московский адвокат Т. П. ТРЕТЬЯКОВА, с которой родственники ФЕЛЬДМАНА заключили договор для подачи надзорной жалобы, (прежний защитник, киевский адвокат ЕЖОВ, потребовавший в суде оправдательного приговора, был вскоре отправлен на пенсию) не была допущена даже к ознакомлению с делом осужденного. 24 марта ТРЕТЬЯКОВА приезжала в лагерь для свидания со своим подзащитным. Администрация лагеря в свидании отказала, сославшись на то, что ФЕЛЬДМАН находится в штрафном изоляторе. Позже Московская коллегия адвокатов отказалась дать ТРЕТЬЯКОВОЙ командировку в Киев.

24 апреля ФЕЛЬДМАНА в четвертый раз поместили в ШИЗО сроком на 15 суток. Непосредственно за этим, 14 мая, его на полгода перевели в ПКТ.

В тот же день, 14 мая, Александр ФЕЛЬДМАН объявляет голодовку, протестуя против произвола администрации. По имеющимся сведениям, голодовка длилась до 25 мая.

Перемещения

В начале 1973 г. во Владимирскую тюрьму с 36-го л/п Пермских лагерей переведен сроком на 3 года Юрий ВУДКА (Саратовско-Рязанское дело, срок 7 лет, Хр. 12, 14).

Позднее, летом-осенью 1973 г., во Владимирскую тюрьму отправлены заключенные с той же зоны: Юрий ФЕДОРОВ (дело «Союза коммунистов» в Ленинграде в 1969 г., срок 6 лет, Хр. 12) — до конца срока; Сергей МАЛЬЧЕВСКИЙ (дело МАЛЬЧЕВСКОГО и БРАУНА, срок 7 лет и 3 года ссылки, Хр. 9) — до конца срока; Яков СУСЛЕНСКИЙ (дело СУСЛЕНСКОГО и МИШЕНЕРА в Бендерах, срок 7 лет, Хр. 27) — на 3 года.

С этой же зоны 15 июля 1974 г. «за нарушение лагерного режима» отправлены во Владимирскую тюрьму: Давид ЧЕРНОГЛАЗ (кишиневский «околосамолетный» процесс, срок 5 лет, Хр. 20) — до конца срока; еще два заключенных, о которых «Хронике» пока ничего не известно.

Во Владимирскую тюрьму до конца срока переведен БЕРЕЗИН (попытка побега из армии за границу в 59-60 г., срок 15 лет); во Владимирской тюрьме не первый раз.

О переводе во Владимирскую тюрьму Н. БУДУЛАК-ШАРЫГИНА, Б. ШАКИРОВА, В. БУКОВСКОГО — см. выше.

Положение больного туберкулезом украинского политзаключенного Александра СЕРГИЕНКО, переведенного во Владимирскую тюрьму из Пермских лагерей 28 декабря 1973 г. (Хр. 30), без изменений к лучшему.

В декабре 1973 г. из Владимирской тюрьмы прибыл на 19 л/п Дубровлага А. А. ПЕТРОВ-АГАТОВ. ПЕТРОВ-АГАТОВ был отправлен во Владимирскую тюрьму в 1970 г., вскоре после публикации на Западе его книги «Арестантские встречи».

В сентябре на 19 л/п прибыл из Владимирской тюрьмы Александр РОМАНОВ (Саратовско-Рязанское дело, срок 6 лет, Хр. 12, 17; отправлен на тюремный режим в 1971 г.). Видимо, два года Владимира не прошли ему даром — 19 мая 1974 г. РОМАНОВ прыгнул голым на запретку с криком: «Сатана!». 21 мая увезен в больницу зону в Барашево.

У Игоря ОГУРЦОВА, лидера «ВСХСОН-овцев», приговоренного к 15 годам лишения свободы и 5 годам ссылки, истекли весной этого года первые 7 лет заключения, которые он, по приговору суда, должен был отбывать в тюрьме. В начале марта ОГУРЦОВА отправили из Владимирской тюрьмы на 35 л/п Пермских лагерей. Однако в лагере он пробыл меньше 3-х недель. 4 апреля ОГУРЦОВ переведен в Пермский тюремный изолятор для психиатрической экспертизы — «по рекомендации врача РОГОВА от 8.2.74 г.»

В действительности психиатр РОГОВ (назвавшийся тогда другой фамилией) под видом ларинголога осмотрел ОГУРЦОВА еще в мае 1973 г. РОГОВ объявил ОГУРЦОВУ, что ознакомился с его делом и перепиской и что у него ревматизм мозга. ОГУРЦОВ тогда же написал протест на имя нач. санчасти БУТОВОЙ, которая присутствовала при осмотре. Вскоре РОГОВ был назначен штат-

ным психоневрологом Владимирской тюрьмы и в этом качестве вызвал ОГУРЦОВА 8 февраля 1974 г. на осмотр. ОГУРЦОВ от осмотра отказался, т.к. не было ни жалоб с его стороны, ни постановления администрации.

В июне ОГУРЦОВА с диагнозом «ревматизм мозга» перевели в больничную зону в Мордовию (учр. ЖХ 385/3).

Владимир СОКОЛОВ, 1914 г. рождения, был этапирован 7 декабря 1973 г. с 19 л/п на больничную зону Дубровлага. Через 3 дня после этапа умер. По словам СОКОЛОВА, он был офицером разведки ВМС США. Арестован, видимо, в 1951-52 г.г.

В июне переведен с 19-й зоны на 3-ю зону В. БЕЛОХОВ. Ранее заключенные добились от БЕЛОХОВА признания в том, что он сотрудничает с КГБ.

С 1-го л/п Дубровлага (пос. Сосновка, особо строгий режим) переведены на строгий режим на 19 л/п: Людавицас СИМУТИС, 1935 г. рождения (Хр. 18), арестован в 1954 г. за то, что в 40-х годах принимал участие в партизанском движении в Литве. Приговорен к смертной казни, замененной 25 годами. Тяжело болен (туберкулез позвоночника); еще в 1958 г. медкомиссия ставила вопрос о его активировании; Пятрас ПАУЛАЙТИС, 1904 г. р., конец срока в 1983 г. (Хр. 27). В сообщении о ПАУЛАЙТИСЕ в «Хронике» № 27 была допущена ошибка: предполагалось, что после отмены 25-летних сроков срок ПАУЛАЙТИСА был заменен на 15-летний. На самом деле, срок ПАУЛАЙТИСА, как и большинства других заключенных-двадцатипятилетников, не изменился. ПАУЛАЙТИС был переведен на особый режим сроком на 6 месяцев в 1961 г. «за вредные контакты с молодежью». Однако продержали его на особом режиме более 12 лет. В 1963 г. майор МВД СВЯТКИН предлагал ПАУЛАЙТИСУ написать в литовскую газету статью «Отпор клеветникам с Запада», обещая за это облегчить его участь. ПАУЛАЙТИС отказался, и тогда СВЯТКИН заявил: «Вы здесь сгниете. Вы никогда не выйдете на свободу, можете мне поверить.»;

Сергей БАБИЧ, 1939 г. р., повторник, первый срок — 3 года строгого режима по политической статье отбывал в Мордовии и Владимире в 1960-63 гг. Освободился 13 апреля 1963 г. Арестован 27 сентября того же года за листовки с критикой ХРУЩЕВА. Осужден 19 февраля 1964 г. в г. Ровно на 10 лет лагерей особого режима. Трижды пытался бежать. За побеги ему добавили в общей сложности еще 6 лет и перевели во Владимирскую тюрьму, где он находился до 1968 г.

На 19 л/п прибыли:

Зорян ПАПАДЮК, 1953 г. р., студент филфака Львовского университета. Арестован, по-видимому, в 1973 г. за хранение украинского самиздата. Срок — 7 лет лагерей и 5 лет ссылки. Подельник — МИКИТКО, срок 5 лет;

В. ОВСИЕНКО, 1949 г. р., учитель литературы. Арестован по одному делу с ЛИСОВЫМ и ПРОНЮКОМ (Хр. 30). Срок 4 года;

Любомир СТАРОСОЛЬСКИЙ, 1955 г. р., арестован со школьной скамьи за несколько дней до выпускных экзаменов. Дело и срок «Хронике» не известны.

Римас ЧЕКЯЛИС, 1955 г. р., ученик Вильнюсского музыкального училища. Арестован 26 апреля 1973 г., срок 3 года. Уже в лагере сотрудник Вильнюсского ГБ ТРАКИМАС предлагал ЧЕКЯЛИСУ выступить перед учениками своего училища, которые, похоже, не захотели осудить своего бывшего соученика. ЧЕКЯЛИС отказался.

Освобождения

Мордовия. С 19 л/п освобожден Анатолий ГОЛЬДФЕЛЬД (кишиневский «околосамолетный» процесс, срок 4 года, Хр. 17).

С 3 л/п освобожден Владимир МОГИЛЕВЕР (ленинградский «околосамолетный» процесс), срок 4 года, Хр. 20).

С 17 л/п освобожден Вячеслав ПЛАТОНОВ (дело «ВСХСОН», срок 7 лет, Хр. 1).

Пермские лагеря. В апреле кончился срок у Анастаса ЯСТРАУС-КАСА (дело и срок «Хронике» неизвестны, имеется упоминание о нем в вып. 23, 28).

4 июля кончился срок у Овика ВАСИЛЯНА (дело БАБАЯНА и др., срок 6 лет, Хр. 20). Находился на 36 л/п.

3 июля с 36 л/п освобожден Сергей ПОНОМАРЕВ (горьковское дело, срок 5 лет, Хр. 13, 15).

В мае с 36 л/п освобожден Валерий ПЕСТОВ, один из осужденных в ноябре 1971 г. в Свердловске (Хр. 24). Его брат Виктор ПЕСТОВ освобождается через год.

2 июня Геннадия ГАВРИЛОВУ (35 л/п, дело офицеров Балтфлота, срок 6 лет, Хр. 15) объявили, что его жена обращалась в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о его помиловании и что эта просьба удовлетворена. ГАВРИЛОВА освободили за 11 месяцев до конца срока.

Кировская область. 25 января вышел на свободу Борис ШИЛЬ-КРОТ (Хр. 29-30). Через несколько месяцев после этого он выехал из СССР.

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

Освобождение П. Г. ГРИГОРЕНКО

В январе 1974 г. очередная комиссия врачей Московской областной психиатрической больницы № 5 (ст. Столбовая) снова не представила П. Г. ГРИГОРЕНКО к отмене принудительного лечения. Врачи проговорились, что причина такого решения — нет гарантии, что П. Г. ГРИГОРЕНКО не вернется к прежней деятельности. В беседе с сыном ГРИГОРЕНКО зам. главврача больницы КОЖЕМЯКИНА заявила, что смерть П. Г. ГРИГОРЕНКО — это тот выход, который устроил бы «всех».

В марте 1974 г. Инициативная группа защиты прав человека в СССР (Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, А. КРАСНОВ-ЛЕВИТИН, Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ и Т. ХОДОРОВИЧ) опубликовали открытое письмо в защиту ГРИГОРЕНКО. В письме сказано: «...За эти

пять лет власти использовали все средства, чтобы сломить П. ГРИГОРЕНКО — заставить отказаться от своих убеждений, признать их результатом болезни... Все формы давления были безрезультатны. Намеков П. ГРИГОРЕНКО не понимал, прямые предложения отказаться от убеждений — отвергал».

Авторы утверждают, что «используя иллюзию скорого освобождения.., власти стремятся... заставить молчать о нем». Выражая опасение, что «...Петру Григорьевичу ГРИГОРЕНКО уготовано пожизненное заключение в сумасшедшем доме», Инициативная группа обращается к международной общественности с призывом помочь П. ГРИГОРЕНКО.

Весной 1974 г. здоровье П. ГРИГОРЕНКО сильно ухудшилось: начались частые сердечные приступы.

В заявлении для печати, сделанном 2 мая 1974 г., З. М. и А. П. ГРИГОРЕНКО сообщают, что после серьезного сердечного приступа 2-го апреля главврач больницы КОЗЫРЕВ и врачи отделения, в котором содержится П. Г. ГРИГОРЕНКО, письменно сообщили городскому психиатру ОРЛОВУ и в институт им. Сербского о необходимости выписки ГРИГОРЕНКО как соматически тяжело больного, поскольку его лечение не может быть должным образом проведено в психиатрической больнице. В том же заявлении З. М. и А. П. ГРИГОРЕНКО кратко напоминают об обстоятельствах осуждения Петра ГРИГОРЕНКО, о лишениях, угрозах и клевете, которым он подвергался все пять лет заключения.

Тогда же, 2 мая, З. М. ГРИГОРЕНКО ответила на вопросы западных корреспондентов (см. раздел «Письма и заявления»).

В начале мая тяжелые сердечные приступы повторились.

12 мая 1974 г. была созвана комиссия, которая представила П. ГРИГОРЕНКО к отмене принудительного лечения.

24 июня 1974 г. Московский городской суд вынес определение о прекращении принудительного лечения П. Г. ГРИГОРЕНКО. Об этом судебном заседании родные ГРИГОРЕНКО ничего не знали. 25 июня определение суда было доставлено в больницу. Есть сведения, что доставивший определение в больницу сообщил администрации, что не позже 10 часов утра 26 июня ГРИГОРЕНКО должен быть отправлен домой.

25 июня в 17 часов жене П. ГРИГОРЕНКО позвонили домой и сказали, чтобы утром следующего дня она приехала за мужем. Только в этот момент она узнала о состоявшемся суде.

В 10 часов утра 26 июня П. Г. ГРИГОРЕНКО поехал домой. (Небезынтересны источники информации западных радиостанций, уже в 7 часов утра сообщивших, что ГРИГОРЕНКО вышел из больницы). В тот же день квартиру ГРИГОРЕНКО посетили западные корреспонденты. П. ГРИГОРЕНКО сказал им: «За 5 лет и 2 месяца тяжелых испытаний я очень устал, тем более, что и здоровье мое расшаталось, особенно — сердце. Хочу отдохнуть и поправиться. Прошу передать большое спасибо всей общественности, всем-всем людям, помогавшим мне вернуться в семью и тем самым продлить жизнь».

Жена П. Г. ГРИГОРЕНКО Зинаида Михайловна ГРИГОРЕНКО сказала: «Я рада, но не вполне счастлива, так как не могу не чув-

ствовать боли матери Владимира БУКОВСКОГО и жены Леонида ПЛЮЩА, всех матерей и жен, у кого родные — за решеткой. Хочу передать спасибо всем людям, поддерживавшим меня в эти страшные годы».

Через несколько дней З. М. ГРИГОРЕНКО вызвали в отделение милиции, где работник КГБ настойчиво рекомендовал ей увести мужа отдыхать в деревню.

Л. И. ПЛЮЩ по-прежнему в Днепропетровской СРБ

Уже год (с 15 июля 1973 г.) в Днепропетровской специальной психиатрической больнице содержится киевский математик Леонид ПЛЮЩ (Хр. 29, 30).

С августа 1973 года по январь 1974 года в качестве лечебного препарата Л. ПЛЮЩ получал по назначению врачей в больших дозах галоперидол в таблетках.

4 января было очередное свидание Л. И. ПЛЮЩА с женой. Состояние ПЛЮЩА прежнее: он почти все время спит; читать и писать не может; на прогулку не ходит — мерзнет. Во время свидания говорил медленно и мало, но по-прежнему внимательно и с интересом слушал; коротко отвечал на вопросы.

В феврале-марте лечение галоперидолом заменили уколами инсулина с возрастающей дозировкой. Состоявшаяся примерно в это время психиатрическая экспертиза сочла необходимым продолжить лечение Л. ПЛЮЩА.

Члены Комиссии с ПЛЮЩОМ не беседовали. Лечащий врач Л. ПЛЮЩА, Л. А. ЧАСОВСКИХ, на вопрос жены, какие же симптомы заболевания свидетельствуют о необходимости продолжать лечение ее мужа, ответила: «Его взгляды и убеждения»... На дальнейшие вопросы о диагнозе и лечении она отвечать отказалась.

На свидании 4 марта 1974 г. Л. И. ПЛЮЩ был неузнаваем. У него появилась сильная отечность, он с трудом передвигался, взгляд потерял свою обычную живость.

ПЛЮЩ сообщил, что врачи настаивают, чтобы он отрекся от своих взглядов и убеждений и обязательно в письменной форме. Это он сделать отказался.

Апрельская экспертиза опять рекомендовала продолжить содержание Л. ПЛЮЩА в Днепропетровской больнице. Врачи предложили Л. ПЛЮЩУ написать подробную автобиографию, из которой было бы ясно, как формировались его взгляды, как появились у него «бредовые идеи». ПЛЮЩ отказался написать такую автобиографию.

На свидании 12 мая становится известным, что с апреля Л. И. ПЛЮЩУ перестали давать какие бы то ни было препараты. ПЛЮЩ объясняет это тем, что у него появились боли в брюшной полости и врачи испугались. После отмены лекарств состояние его улучшилось: стали спадать отеки, прошли боли. ПЛЮЩА перевели в другую палату, там меньше больных, тише. Он опять стал читать, правда, теперь уже не научную, а только художественную литературу, и писать письма.

На свидании 29 мая жена узнала, что с 13 мая ее мужу вновь

стали делать уколы инсулина и опять с возрастающей дозировкой. Появилась аллергическая сыпь, зуд, однако уколы не прекратили. После каждого укола ПЛЮЩА на четыре часа привязывают к кровати, есть опасение, что этими инъекциями хотят добиться инсулинового шока.

В тот же день (т.е. 29 мая) с женой Л. ПЛЮЩА беседовал начальник Днепропетровской больницы ПРУС. Он сказал, что Л. ПЛЮЩ еще нуждается в лечении и что жена должна помочь врачам в этом.

— Ваш муж слишком много читает, нельзя присылать ему столько книг — его больной мозг необходимо щадить, Вы не должны этого забывать.

В процессе беседы выяснилось, что чтение книг в больнице строго контролируется и что Л. ПЛЮЩУ дают читать очень мало. Письма близких сразу после прочтения отбираются; не разрешают иметь при себе даже фотографию жены и детей.

От ответов на вопросы о том, чем лечат Л. ПЛЮЩА, в каких дозах вводят лекарства, доводят ли его до инсулинового шока, ПРУСС и лечащий врач уклонились, сославшись на какую-то инструкцию, согласно которой они не имеют права отвечать на подобные вопросы.

На свидании 3 июля 1974 г. Л. ПЛЮЩ сообщил, что в конце июня в течение 7-8 дней ему не вводили инсулин, так как он был простужен. Однако с 30 июня уколы возобновили и через 3-4 дня снова стали вводить полный шприц.

Л. ПЛЮЩ сообщил, что его осматривала какая-то комиссия, состоявшая из местных врачей. Члены комиссии задали ему три вопроса:

- Как Вы себя чувствуете?
- Удовлетворительно.
- Как на Вас действует инсулин?
- Вызывает аллергию.
- Как Вы относитесь к своей прежней деятельности?
- Жалею, что в это ввязался.

Комиссия вынесла решение продолжить лечение.

* * *

Как стало известно, создан Международный Комитет математиков в защиту Ю. ШИХАНОВИЧА и Л. ПЛЮЩА. Французский подкомитет этого Комитета издает Бюллетень. В Бюллетене № 2 (Париж, 2 июня 1974 г.) приведен, в частности, неполный список членов Комитета, включающий 54 ученых из США, Канады, Англии, Франции, Италии, Иерусалима, Швейцарии, Японии. Среди них БЕРЖЕ, КАРТАН, Клод ШЕВАЛЛЕ, Клод ПИКАР, Лоран ШВАРЦ, А. ВАРИЛЬ.

8 февраля 1974 г. делегация французского подкомитета посетила советское посольство в Париже, чтобы передать петицию 550 французских математиков, встревоженных судом над Ю. ШИХАНОВИЧЕМ и его помещением в психиатрическую больницу. Ученые беседовали с советником посольства Валентином ДВИНИНЫМ

и секретарем отдела культуры Валерием МАТИСОВЫМ. В посольстве слышали о ШИХАНОВИЧЕ, а о ПЛЮЩЕ — нет. Кто-то из сотрудников посольства объяснил математикам, что специальная психиатрическая больница — это больница улучшенного типа, примерно, как для академиков. Математики передали для ШИХАНОВИЧА книги БУРБАКИ с автографами некоторых участников этого знаменитого издания.

25 марта советник ДВИНИН послал профессору Анри КАРТАНУ письмо, в котором, в частности, говорится, что Академия наук СССР на запрос посольства о судьбе математиков ШИХАНОВИЧА и ПЛЮЩА ответила, что «...эти лица не значатся и никогда не значились среди членов каких-либо Институтов Академии». Однако «...соответствующие инстанции...» в ответ на другой запрос посольства сообщили, что «...ПЛЮЩ был уволен из научно-исследовательского института в Киеве в 1968 г. за халатность в работе и за потерю казенных документов. Он не делал никаких попыток найти себе новую работу и, живя на жалование своей жены, занимался писанием и систематическим размножением рукописей, содержащих антисоветские материалы». Далее о ПЛЮЩЕ и ШИХАНОВИЧЕ подробно сообщается официальная версия их преступных действий, обнаружившегося психического заболевания и лечения. ДВИНИН сообщает, что участники происходившего в СССР симпозиума Международной Ассоциации Психиатров, в том числе Хорард РОУМ, Рамон де ФУЕТЕ и ФРИДМАН, 15 октября 1973 г. «...прослушали сообщение об истории болезни ПЛЮЩА и ШИХАНОВИЧА...» и «...не выразили сомнения в психическом заболевании и явившемся следствием сумасшествия...» обоих.

ДВИНИН пожелал привлечь внимание КАРТАНА и его коллег к тому, что «...иногда серьезные ученые, основываясь на недостоверной информации, позволяют вовлечь себя в политическую кампанию, которую ведут определенные группы с целью помешать взаимопониманию и добрым отношениям между народами наших стран».

В связи со ссылкой ДВИНИНА на докторов ФРИДМАНА и РОУМА в Бюллетене № 2 французского подкомитета приведены выдержки из декларации по поводу ШИХАНОВИЧА, подписанные рядом американских психиатров и юристов в ноябре 1973 г.

«Мы глубоко обеспокоены тем, что, основываясь на предшествующем психиатрическом определении, он может быть признан психически неполноценным или душевнобольным, в то время как имеющиеся данные свидетелей говорят о его совершенной психической полноценности. Мы глубоко озабочены тем, что вследствие этого могут быть нарушены основные принципы как психиатрической практики, так и уголовного права. Мы, которые знакомы с советскими специалистами и работали вместе с ними в области психиатрии и права, призываем вас рассеять наше беспокойство, для чего провести открытый суд над ШИХАНОВИЧЕМ, разрешив присутствовать на нем иностранным наблюдателям». Среди других декларацию подписали: др. Альфред ФРИДМАН, председатель, Отделение Психиатрии Нью-Йоркского медицинского колледжа; др. Ховард РОУМ, директор Отделения Психиатрии Клиники Мэйо;

А. ФРИДМАН — президент Американской ассоциации психиатров,
Х. РОУМ — президент Международной ассоциации психиатров.

Бюллетень № 2 сообщает биографические сведения о ПЛЮЩЕ, цитируя письмо 1972 г. о ПЛЮЩЕ Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Сообщается о состоянии ПЛЮЩА в Днепропетровской больнице, приведен текст обращения БОННЭР, ВЕЛИКАНОВОЙ, КОВАЛЕВА, САХАРОВА, ХОДОРОВИЧ, ТВЕРДОХЛЕБОВА от 12 февраля 1974 г. Бюллетень заключает: «Все беспокойства (о здоровье и жизни Л. ПЛЮЩА — Хр.), выраженные в этом обращении, слишком хорошо обоснованы».

Сообщается о декларации в защиту Л. ПЛЮЩА 17 математиков из университета Прованса и о том, что психиатры др. ДЖЕЙМС и др. ТОРУБИН взяли на себя инициативу кампании в поддержку ПЛЮЩА.

Бюллетень рекомендует ряд действий в защиту ПЛЮЩА, в том числе: широкое распространение информации о ПЛЮЩЕ; сбор подписей под декларациями в его защиту (декларации рекомендуется посылать в советское посольство и в Днепропетровскую больницу); математикам рекомендуется объявлять о своем намерении поехать в СССР для встречи с ПЛЮЩОМ и хлопотать о визе.

* * *

Владимир БОРИСОВ (Хр. 11, 19, 24, 30) в начале марта освобожден из психиатрической больницы № 2 в Ленинграде.

* * *

Николай ПЛАХОТНЮК из Киева, находящийся в Днепропетровской специальной психиатрической больнице (Хр. 28), в апреле был освидетельствован экспертной комиссией. Результаты пока неизвестны.

* * *

Владимир ГЕРШУНИ переведен в апреле из Орловской специальной психиатрической больницы в психиатрическую больницу общего типа в Москве (псих. больница № 13). Экспертная комиссия, вынесшая заключение о возможности перевода в больницу общего типа, состоялась в конце декабря 1973 г.; суд вынес решение о переводе в марте 1974 г. (о ГЕРШУНИ см. Хр. 11, 13, 19).

* * *

Виктор ФАЙНБЕРГ (Хр. 4, 19, 30) 15 апреля начал голодовку солидарности с В. БУКОВСКИМ и другими политзаключенными Пермских лагерей.

30 апреля ФАЙНБЕРГА насильственно поместили в психиатрическую больницу.

8 мая ФАЙНБЕРГ прекратил голодовку.

18 мая его выпустили из больницы.

ФАЙНБЕРГ покинул Советский Союз в июне этого года.

* * *

Юрий ШИХАНОВИЧ (Хр. 27, 30) в начале июля освобожден из психиатрической больницы № 9 (Яхрома, Московской обл.). Решение о прекращении принудительного лечения принято экспертной комиссией 25 марта 1974 г.; суд состоялся в июне.

* * *

В институте им. Сербского в январе 1974 г. находились на экспертизе:

Хейго ЙЫГЕСМА, 1937 г. р., из Таллина; перешел границу в Финляндию и был выдан финскими властями. Признан психически больным.

Василий ТРИШ, 1911 г. р., колхозник из Тернопольской обл., ст. 187¹ УК УССР (соотв. ст. 190¹ УК РСФСР). Стационарная экспертиза в г. Виннице признала его психически больным; после этого направлен на экспертизу в ин-т им. Сербского.

Николай КОПЕЙКО из Грозного, ст. 190¹ УК РСФСР; проходил стационарную экспертизу в Днепропетровске, оттуда переведен в ин-т им. Сербского. Признан больным.

Артур ОГАНЕСЯН из Ленинакана. Бежал из СССР и полтора года жил в Турции и США. В Турции дал интервью. Обстоятельства и время возвращения, а также время ареста «Хронике» не известны. Обвиняется по ст. 64 УК РСФСР. Возможно, что в ин-т им. Сербского попал из заключения. Признан симулянтом.

ГРАЧЕВ, 1939 г. р., из Симферополя, работал мастером на стройке. Ст. 190¹ УК РСФСР. Признан невменяемым.

Иван КУЗЬМИН из Липецка, около 40 лет, ст. 190¹ УК РСФСР. Признан невменяемым.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР № 3707-VIII от 25 дек. 1972 г.

«Хроника» № 30 сообщала о применении этого Указа к нескольким гражданам. В течение января-июня 1974 г. на основании Указа объявлено предостережение еще ряду граждан: Анатолию МАРЧЕНКО (Таруса), Ирине КРИСТИ, Леонарду ТЕРНОВСКОМУ, Нине ЛИСОВСКОЙ, Владимиру РОКИТЯНСКОМУ, Людмиле АЛЕКСЕЕВОЙ, Татьяне ВЕЛИКАНОВОЙ, Татьяне БАЕВОЙ, Александру ВОРОНЕЛЮ, Анатолию КРАСНОВУ-ЛЕВИТИНУ, Леониду ТЫМЧУКУ (Одесса); по слухам также Р. ПИМЕНОВУ (Коми-АССР); в своеобразной устной форме предостережение получил Виталий РУБИН.

Стало известно, что Указ № 3707-VIII «Об объявлении предостережения как профилактической мере» помечен грифом «**Публикации не подлежит**». Некоторых граждан, подвергаемых этой мере, не познакомили даже с текстом Указа: Т. БАЕВОЙ сказали, что его долго искать, А. ВОРОНЕЛЮ, наоборот, предложили, если он хочет, ознакомиться с текстом в любой юридической консультации, но при объявлении предостережения Указ не показали; И.

КРИСТИ и Т. ВЕЛИКАНОВОЙ заявили, что Указ опубликован в Ведомостях Верховного Совета.

В самом предостережении перечисляются антиобщественные деяния предостерегаемого лица. Иногда это конкретные поступки: поездка на суд над Г. СУПЕРФИНОМ — у БАЕВОЙ; написание книги «Мои показания», ряда писем и заявлений — у А. МАРЧЕНКО; хранение нескольких документов, квалифицированных как криминальные, нарушение общественного порядка около здания, где судили К. ЛЮБАРСКОГО — у И. КРИСТИ; передача выпуска (или выпусков) «Хроники текущих событий» знакомым итальянцам — у В. РОКИТЯНСКОГО (сведения почерпнуты из показаний В. КРАСИНА); организация международного научного семинара «Приложения физики и математики к другим отраслям знаний» — у А. ВОРОНЕЛЯ. Иногда антиобщественное деяние обозначено широкой формулой: И. КРИСТИ «была активным членом антисоветской группы «демократическое движение»; и подобное же о Н. ЛИСОВСКОЙ, Л. ТЕРНОВСКОМ; Л. АЛЕКСЕЕВА предупреждается за «систематическое изготовление и распространение антисоветских произведений» — формулировка 70-ой статьи УК РСФСР.

В предостережении А. ВОРОНЕЛЮ обозначен номер статьи УК, которую он вот-вот нарушит: ст. 74 — «Нарушение национального и расового равноправия».

Устно (без предъявления Указа и предостережения) предупреждая В. РУБИНА, человек, назвавшийся работником «государственных организаций», сообщил ему, что он будет привлечен к ответственности по ст. 64 — «Измена родине» (В. РУБИН — член Программного комитета международного научного семинара, как и А. ВОРОНЕЛЬ).

Процедура, предшествующая объявлению предостережения, варьируется: одних призывают в КГБ повесткой (А. МАРЧЕНКО вызвали повесткой из Тарусы в Москву), других везут туда на машине в сопровождении сотрудников КГБ прямо с работы (Л. АЛЕКСЕЕВУ) или из дому (Т. БАЕВУ), третьих предостерегают в районных отделениях ГБ (Л. ТЕРНОВСКОГО, Н. ЛИСОВСКУЮ, Т. ВЕЛИКАНОВУ, И. КРИСТИ) или в милиции (А. ВОРОНЕЛЯ). Во всех случаях (кроме загадочного предупреждения В. РУБИНА) предостережение объявляет сотрудник ГБ.

В Указе говорится, что в случае неявки по повестке граждане могут быть подвергнуты приводу. Фактически приводу подвергнуты Л. АЛЕКСЕЕВА, Т. БАЕВА и другие, уведенные в ГБ с работы или из дому, хотя они не могли уклониться от явки, поскольку не получали повесток. А. ВОРОНЕЛЬ получил повестку, приглашавшую его в Прокуратуру; но еще до указанного срока его схватили на улице, силой затолкали в машину (машина при этом въехала в толпу на троллейбусной остановке), привезли сначала на Лубянку, а оттуда — в 46 о/м. Там сначала составили протокол о сопротивлении милиции (хотя задержавшие его были не в форме, не предъявили ему никаких удостоверений и вообще получили указание отвезти его в милицию у своего начальства на Лубянке). После объявления предостережения задержавшие его сотрудники то ли милиции, то ли ГБ установили за ним слежку и вечером,

окужив его с женой в подъезде его дома, угрожали ему физической расправой; слежку они не снимали еще несколько дней. Так выглядит «привод в случае неявки».

Существенно отметить, что во многих случаях объявление предостережения сопровождается воспитательной работой на службе. Беседу проводит администрация, парторг и профорг, как правило в присутствии работника КГБ. Материалом беседы служит «дело», присылаемое на службу из ГБ: показания других лиц (нередко уже осужденных) против данного человека, копии подписанных или написанных ими документов — протестов, открытых писем, заявлений и т.п.; протоколы обысков; характеристика, составленная ГБ. Материалы подобраны тенденциозно: показания в пользу данного человека, как и его собственные объяснения, в «дело» не включены. Естественно, что материалы из ГБ представляются работникам несудебного учреждения бесспорными, не нуждающимися в доказательствах, и тем самым формируются отношение настороженности, недоверия к данному человеку со стороны начальства по службе. Воспитательные беседы проводились с Т. ВЕЛИКАНОВОЙ, Л. АЛЕКСЕЕВОЙ, Л. ТЕРНОВСКИМ, Н. ЛИСОВСКОЙ и другими.

Граждане, подвергавшиеся предостережению, устно или письменно заявляли свой протест против применения к ним этой меры. Мотивы протестов следующие: а) не совершали приписываемых им поступков (Н. ЛИСОВСКАЯ, И. КРИСТИ не слышали о существовании группы «Демократическое движение»); б) несогласие с квалификацией поступков (Л. ТЕРНОВСКИЙ: «Не считаю свою деятельность антисоветской или вредной»; А. ВОРОНЕЛЬ: «Международный семинар — научное, а не политическое мероприятие; тем более — не антисоветское, не националистическое — в нем примут участие ученые разных национальностей»); в) предостережение объявляется на основании неопубликованного Указа, следовательно, оно незаконно (А. МАРЧЕНКО: «Этот Указ — документ вашего Самиздата»).

Содержание Указа и предостережений вызывает недоумение: с одной стороны, действия, сформулированные в терминах уголовного преступления, тем не менее определены как антиобщественные, но не подпадающие под уголовную ответственность; с другой стороны, граждан предупреждают о том, что продолжение их уголовно ненаказуемой деятельности будет рассматриваться как нарушение закона (именно об этом предупреждали, например, А. ВОРОНЕЛЯ).

Можно предположить, что составители Указа преследовали цель преодолеть неудобные и негибкие формулировки ст. ст. 70 и 190¹ УК РСФСР. Ст. 70 считает преступным только действие, субъективно направленное против советского строя; корректирующая 70-ю статью статья 190¹, снимая вопрос о целях действия, преступной считает клеветническую — заведомо ложную — информацию, т.е. опять-таки апеллирует к субъекту действия. Это крайне неудобно следствию, суду и прокурору. При наличии предостережения следствие и суд имеют возможность ограничиться исследованием причастности обвиняемого к самому действию, о злобности кото-

рого он был оповещен заранее. При этом законодатель не предусмотрел, что каждый человек вправе сохранить свою субъективную оценку, несмотря на указания вышестоящих инстанций.

Известны следующие сотрудники ГБ, объявлявшие «предостережения»: подполковник АНФИСОВ, КНЯЗЕВ, майор ЕРЕМЕЕВ И. Д., ЖЕРНОВ, РОМАНОВ И. С.

Неофициальный международный научный семинар в Москве

Группа ученых-евреев, желающих выехать в Израиль и в течение долгого времени лишенных работы и научного общения с коллегами в СССР, обратилась к международной научной общественности с предложением провести Международный семинар в Москве, посвященный приложениям физики и математики к иным отраслям знаний. Своеобразие этого семинара не только в его тематике, которая заинтересовала широкие научные круги на Западе, но и в том, что этот семинар не поддержан в СССР никакими научными учреждениями и таким образом полностью неофициален. В Московский программный комитет семинара вошли М. АЗБЕЛЬ, В. и И. БРАЙЛОВСКИЕ, А. ВОРОНЕЛЬ, А. ЛУНЦ, В. ЛЕВИЧ, А. ЛЕРНЕР, В. РУБИН, Д. РАМ, Г. РОЗЕНШТЕЙН, В. ФАЙН, Э. ФИНН, КЕЛЬШТЕЙН, Б. ГУРФЕЛЬ.

В адрес программного комитета было послано более 30 докладов от ученых, проживающих в СССР (в том числе от А. Д. САХАРОВА, Ю. И. ОРЛОВА и др.), и более 120 докладов от ученых из США (в том числе от Дж. УОЛД, СЕНТ-ДЬЕРДИ, М. КАЦ, Т. КУН и др.), Англии (Дж. ЗАЙМАН, Н. ЧИГЕР и др.), Франции (Л. ШВАРЦ, С. МАНДЕЛЬБРОЙТ и др.), Израиля и нескольких других стран. Заседания семинара намечены были на 1-5 июля 1974 г. на квартире у А. ВОРОНЕЛЯ (Москва, ул. Народного Ополчения, д. 45, кв. 103, метро «Октябрьское поле»).

С начала мая власти предприняли против участников и организаторов семинара ряд репрессивных мер. Многих членов Программного комитета вызывали под разными предлогами в милицию и прокуратуру, где с ними беседовали представители ГБ (см. наст. выпуск, «Неопубликованный Указ»). Участникам семинара выключили телефоны, оборвали почтовую связь с границей. Международные телефонные разговоры, во время которых обсуждались детали, связанные с семинаром, немедленно прерывались. Почта в адрес Программного комитета не доходила.

С середины мая начались аресты членов Программного комитета и участников семинара. Известно, что были арестованы А. ЛУНЦ, Д. РАМ, В. БРАЙЛОВСКИЙ, М. АЗБЕЛЬ, А. ВОРОНЕЛЬ, В. РУБИН, а также многие другие. За два дня до ареста ВОРОНЕЛЮ сотрудник КГБ предлагал сделать заявление об отказе участвовать в антисоветском семинаре. Арест носил превентивный характер (хотя такая форма противоречит советскому законодательству и не раз клеймилась в советской прессе, когда речь шла о превентивных арестах в ЮАР и других государствах): задержанных развезли по тюрьмам Москвы и Подмосковья без предъявления

каких-либо юридических обоснований и содержали там, по выражению работника Серпуховской тюрьмы, «на птичьих правах». Жен арестованных ученых содержали под домашним арестом: у их подъездов, а затем и у дверей их квартир были установлены милицейские посты, и женщин не выпускали из дому.

Жену А. ВОРОНЕЛЮ, когда она шла к себе домой, задержали на улице, отвезли на квартиру ее подруги и потребовали, чтобы она жила там, пока не истечет намеченный срок семинара, и не пыталась войти в свою квартиру. При этом ее запугивали «гневом советских граждан», которые могут, якобы, причинить ей дома зло, а также предупреждали, что квартира может быть ограблена, поскольку А. ВОРОНЕЛЬ отдал несколько ключей своим друзьям. Через несколько дней Н. ВОРОНЕЛЬ узнала, что у ее квартиры установлен милицейский пост под тем предлогом, что там произошел грабёж со взломом замка; но проверить, так ли это, она не могла, т.к. была под домашним арестом в доме подруги.

Ф. ЯСИНОВСКУЮ, которая пришла навестить своих друзей РУБИНЫХ, остановили у их двери и отвели в милицию, где потребовали предъявить документы. Б. САРНОВ и его жена пришли навестить своих друзей ВОРОНЕЛЕЙ, ничего не зная ни о семинаре, ни об арестах. У входной двери их задержали и отвели в милицию, где порекомендовали на ближайшие несколько дней забыть ВОРОНЕЛЕЙ.

После визита к Н. ВОРОНЕЛЬ за Л. БОГОРАЗ была установлена слежка.

Зарубежным ученым — участникам семинара — отказали во въездных визах.

В день, когда семинар должен был начать работу — 1-го июля — несколько человек, направившихся к квартире А. ВОРОНЕЛЯ, были задержаны.

Таким образом, Международный научный семинар был сорван властями.

С 4-го июля арестованных членов Программного комитета начали освобождать из заключения.

О журнале «ВЕЧЕ»

19 апреля 1974 г. вышел № 10 журнала «Вече». Ответственным редактором его значится не В. Н. ОСИПОВ, за подписью которого вышли девять предыдущих номеров, а И. В. ОВЧИННИКОВ. Несколько можно судить по серии заявлений сотрудников журнала (некоторые из них изложены в № 10), причиной смены редакции явились непреодоленные разногласия ее членов. «Хроника» не имеет возможности и не видит надобности входить в рассмотрение взаимных обвинений, которыми изобилуют эти, лишь частично опубликованные, заявления (среди них: «Экстренное заявление для печати» В. Н. ОСИПОВА от 7 марта, в котором он сообщает о своем решении закрыть журнал, и опубликованные в № 10 заявления новой редакции о намерении продолжать издание, сохраняя его направленность).

* * *

1 апреля Ленинградское ГБ провело обыски у сотрудников «Вече» Г. Н. БОЧЕВАРОВА и П. М. ГОРЯЧЕВА, а также у В. Е. КОНКИНА. Обыски были произведены по делу № 15 (об этом деле см. наст. выпуск). Как сообщает 10 выпуск «Вече» в своей хронике, были изъяты все номера «Вече», пишущая машинка ГОРЯЧЕВА и составленный БОЧЕВАРОВЫМ «Памятник жертвам культа личности СТАЛИНА». «Памятник» — перечень имен полутора тысяч высших советских партийных, государственных деятелей и деятелей науки, литературы и искусства, погибших в результате сталинского произвола или покончивших жизнь самоубийством; фамилия каждого погибшего сопровождается краткими биографическими данными и фотоснимком. Были изъяты также составленные ГОРЯЧЕВЫМ литературные приложения к «Памятнику».

На следующий день все трое были вызваны на допрос в УКГБ Ленинграда. Допросы велись главным образом по журналу «Вече». Одному из допрашиваемых следователь заявил, что к ним (т.е., видимо, в ГБ) приходят сотни писем с требованием реабилитировать СТАЛИНА.

Г. Н. БОЧЕВАРОВ проходил в 1968 г. по делу «ВСХСОН» (Хр. 1). П. М. ГОРЯЧЕВ также отбывал наказание по политической статье.

* * *

В июне стало известно, что Владимирское УКГБ ведет дело, связанное с журналом «Вече». 8 июля об этом сообщил ведущий это дело майор П. И. ПЛЕШКОВ на допросе Ю. А. ГАСТЕВА. Номер дела — 38.

* * *

По делу о «Вече» во Владимирской области в конце первой декады июля проведены обыски у И. В. ОВЧИННИКОВА (г. Александров) и у В. А. РЕПНИКОВА (г. Струнино).

* * *

В июле по делу о «Вече» допрошены, в частности, М. П. РОГАЧЕВ, В. А. РЕПНИКОВ, А. М. ИВАНОВ, Г. Н. БОЧЕВАРОВ, П. М. ГОРЯЧЕВ, В. Е. КОНКИН. Во всех случаях следствие интересовалось личностью В. ОСИПОВА; однако ни о каких попытках привлечь к делу его самого ничего не известно.

* * *

«Новая редакция» «Вече» откликнулась на дело № 38 заявлением от 14 июля о прекращении выпуска журнала. О прекращении издания «Веча» также заявили устно С. МЕЛЬНИКОВА и И. ОВЧИННИКОВ (производившему у него обыск П. ПЛЕШКОВУ).

В МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Исключение Лидии ЧУКОВСКОЙ из СП СССР

В «Информационном бюллетене Секретариата Правления СП СССР» (закрытое издание Секретариата) в марте 1974 г. появилось следующее сообщение:

В Секретариате Правления Московской Писательской Организации

«Секретариат правления Московской писательской организации рассмотрел на своем заседании персональное дело Л. К. ЧУКОВСКОЙ. В ходе обсуждения было установлено, что Л. К. ЧУКОВСКАЯ на протяжении ряда лет грубо нарушала основные положения Устава Союза Писателей СССР, занималась фабрикацией статей и других материалов, публиковавшихся в различных враждебных Советскому Союзу печатных органах. В соответствии с уставом СП СССР было единогласно принято решение исключить Л. К. ЧУКОВСКУЮ из членов Союза Писателей СССР».

Лидия Корнеевна ЧУКОВСКАЯ — автор книги «В лаборатории редактора», многочисленных историко-литературоведческих исследований о ГЕРЦЕНЕ, о декабристах и др. Ее критические статьи публиковались в советской печати. Напечатаны за границей и ходят в Самиздате ее повести «Софья Петровна» (повесть о 37 годе) и «Спуск под воду». Ее перу принадлежат многие публицистические произведения Самиздата: «Письмо Михаилу ШОЛОХОВУ» (1966 г.), «Не казнь, но мысль, но слово» (1969 г.), «Гнев народа» (1973 г.) и другие.

Заседанию Секретариата предшествовал разбор дела на заседании Бюро детской секции Союза. Было принято решение просить Секретариат об исключении. На заседании, в частности, говорилось, что ЧУКОВСКАЯ ничего не сделала в литературе и держалась в Союзе только на уважении к памяти ее отца и брата (Николая ЧУКОВСКОГО).

На предварительном собеседовании со СТРЕХНИНЫМ и МЕДНИКОВЫМ Лидия ЧУКОВСКАЯ сама, без вопросов с их стороны, рассказала, что «Гнев народа» сама передала американскому корреспонденту, пригласив его к себе домой; остальные вещи попали туда стихийно, через Самиздат.

Заседание Секретариата состоялось 9 января 1974 г. Дело ЧУКОВСКОЙ разбиралось около 2-х часов. Председательствовал НАРОВЧАТОВ. Докладчик — Ю. СТРЕХНИН. Присутствовало около 20 человек. Среди прочих выступали: ЛЕСЮЧЕВСКИЙ, РЕКЕМЧУК, Ю. ЯКОВЛЕВ, Ю. ЖУКОВ, А. БАРТО, В. КАТАЕВ, Н. ГРИБАЧЕВ, М. АЛЕКСЕЕВ, А. МЕДНИКОВ.

В ходе заседания Секретариата на самом деле ничего о «передаче материалов на Запад» не говорилось; была лишь прочтена доверенность Л. К. ЧУКОВСКОЙ на имя Жореса МЕДВЕДЕВА на получение ее гонораров; ЧУКОВСКАЯ объяснила что западные

гонорары были ей нужны для покупки оптики (у Лидии Корнеевны очень плохое зрение) и лекарств.

Насколько известно, разногласий у выступавших не возникало.

Слово было предоставлено Лидии ЧУКОВСКОЙ. Ее выступление широко известно в Самиздате. Она сказала, в частности: «Исключением из Союза завершается приговор к несуществованию. Меня не было и меня нет...

Но буду ли я? Всегда, совершая подобные акты, вы забывали и забываете и сейчас, что в ваших руках только настоящее и отчасти прошлое.

...Словом ...руководить нельзя; ...словом можно увлекать, излечивать, счастливить, разоблачать, тревожить, но не руководить. Руководить можно только помехами слову, препонами слову, плотинами слову: изъять книгу из плана, из библиотеки, рассыпать набор, не напечатать, исключить автора из Союза, перенести книгу из плана 74 на 76, а бумагу присвоить себе или напечатать миллионным тиражем прозу ФИЛЕВА. Вот такой деятельностью вы и руководите.

...Чем будут заниматься исключенные? Писать книги. Ведь даже заключенные писали и пишут книги. Что будете делать вы? Писать резолюции.

Пишите.»

Решение: «исключить Л. К. ЧУКОВСКУЮ из Союза Писателей с широким освещением в печати».

12 января в газете «Литературная Россия» помещен отчет о заседании с перечислением всех вопросов, но без упоминания о разборе дела ЧУКОВСКОЙ.

18 января газета «Советская Россия» печатает фельетон Ю. ЮРЧЕНКО ««Миша Скамейкин» из Лондона»,* поминается Л. ЧУКОВСКАЯ, но без упоминания об исключении из СП.

Известно, что письма в защиту ЧУКОВСКОЙ послали в Союз писателей И. ВАРЛАМОВА, Д. ДАР, Л. КОПЕЛЕВ, В. КОРНИЛОВ, В. МАКСИМОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ, А. САХАРОВ, А. СОЛЖЕНИЦЫН.

Приводим письмо поэта Владимира КОРНИЛОВА:

Мне стало известно, что Московский Секретариат собирается исключить из Союза писателей Лидию Корнеевну Чуковскую — женщину, которую всегда отличали честность, талант и мужество.

* Герой фельетона, «Миша Скамейкин», — Майкл СКАММЕЛ, английский журналист, редактор журнала «Индекс», публикующего неподцензурную литературу стран, в которых цензура существует (Греция, СФРЮ, СССР и т.д.). «Хроника» считает нужным дать комментарий и другим фамилиям, упомянутым в этой статье:

Л. КОПЕЛЕВ — член Союза Писателей, член Пэн-клуба, давний знакомый А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА.

В. СИДУР — московский скульптор и художник, портрет СОЛЖЕНИЦЫНА его работы помещен в Нью-Йоркском издании сочинений А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА.

ИТКИНД — автор имел, по всей вероятности, в виду ленинградского литературоведа Е. ЭТКИНДА. Об ЭТКИНДЕ см. наст., выпуск.

Лидия Корнеевна Чуковская тяжело больна опасной болезнью сердца, она почти не видит. И вы, мужчины, преследуете женщину, защищенную лишь одним личным бесстрашием.

По-человечески это? По-мужски?

6 января 1974 года

Владимир Корнилов

В конце января В. КОРНИЛОВУ вынесли выговор за защиту ЧУКОВСКОЙ.

Личных сочувственных писем Лидия Корнеевна получила около трех десятков.

Исключение Владимира ВОЙНОВИЧА из СП СССР

Заседание бюро объединения прозы несколько раз назначали и отменяли из-за отсутствия кворума: преобладающая часть членов бюро не являлась «по болезни». 30 января 1974 г. заседание все же состоялось. Председательствовал Георгий РАДОВ, который дал краткую справку:

— В 1968 г. ВОЙНОВИЧ подписал письмо в защиту антисоветчиков ГИНЗБУРГА и ГАЛАНСКОВА, за что Секретариат объявил ему выговор;

— В 1969 г. в «Гранях» были опубликованы «Жизнь и необыкновенные приключения Ивана Чонкина» — строгий выговор с предупреждением.

ПАДЕРИН — спрашивает, читал ли ВОЙНОВИЧ «Архипелаг ГУЛАг»?

ВОЙНОВИЧ — отказывается отвечать.

БРОВМАН: — как письмо Панкину (см. наст. выпуск «Новости самиздата» — Хр.) попало в «Посев»?

ВОЙНОВИЧ: — Письмо открытое, поэтому могло быть опубликовано, кем угодно.

РАДОВ — Но Вы не пытались опубликовать его в нашей печати?

ВОЙНОВИЧ — Я отправил его в «Комсомольскую правду», пусть бы там и опубликовали.

Предоставляется слово ВОЙНОВИЧУ.

Письмо похоже на гротеск, однако гротеска нет; в нем расшифровано то, что сказал ПАНКИН в своем интервью: теперь ВААП будет решать за автора, где и что печатать. Насчет слов о Лефортовской или Бутырской тюрьме: ПАНКИН сказал, что авторов, печатающихся помимо ВААПа, ждут «иные последствия»; что это значит — известно.

У писателей хотят отнять последнее право — право распоряжаться своей рукописью; может быть, вам это право не нужно, но мне оно нужно.

КРАСИЛЬЩИКОВ — говорит, что ему по роду деятельности приходится читать все антисоветские издания. Упомянув о претендентах на царский престол, включая Лжеаннастасию, и о компьютерах, прогнозирующих скорую гибель советской власти, КРАСИЛЬЩИКОВ переходит к ВОЙНОВИЧУ: «Войнович виляет и юлит», КРАСИЛЬЩИКОВУ больше нравится поведение В. МАК-

СИМОВА. Он призывает ВОЙНОВИЧА: не юлите, а прямо скажите, что являетесь противником нашего «строя».

ВОЙНОВИЧ — Вы — это еще не строй.

ВОИНОВ — считает, что свое письмо ВОЙНОВИЧ передал иностранному корреспонденту и таким образом оно попало в «Посев».

Лидия ФОМЕНКО — Почему ВОЙНОВИЧ так заботится о своих правах? Она, ФОМЕНКО, о своих правах не заботится... «Достоевщина ...Подполье души...».

ЛЕСНЕВСКИЙ — называет все время ВОЙНОВИЧА по имени: «Володя». Нет готового решения об исключении, у Володи есть еще время подумать. ЛЕСНЕВСКОГО удивляют слова Володи, что его не печатают. Для писателя главное — не печататься, писать. ВААП — замечательная организация, с ее помощью мы будем вести борьбу с Западом и победим. Гибко победим.

БЕРЕЗКО — говорит о «Чонкине». Ни один писатель никогда не изображал сатирически народ.

ВОЙНОВИЧ — А ЩЕДРИН?

БЕРЕЗКО — ЩЕДРИН народ не изображал.

ВОЙНОВИЧ — А кто же такие — «глуповцы»?

РАДОВ — Глуповцы — это чиновники.

БЕРЕЗКО — И сейчас совсем другое время. Это — литературное хулиганство...

КОРОЛЬКОВ — говорит, что ему по роду деятельности приходится иметь дело с НТС... Он уверен, что письмо написано, чтобы помочь СОЛЖЕНИЦЫНУ.

БРОВМАН — ...ВОЙНОВИЧ обращается к своим товарищам из НТС... Предлагает исключить ВОЙНОВИЧА из СП.

Ирина ГУРО — ...Тлетворный запах провокации.

ВОЙНОВИЧ — говорит, что сам он непосредственно письма на Запад не передовал, но не сомневался, что оно там появится и ничего против этого не имел.

АМЛИНСКИЙ — говорит, что всегда относился с уважением к творчеству ВОЙНОВИЧА... Если бы ВОЙНОВИЧ сейчас отмежевался от письма, можно было бы еще кое-что сделать... ничего еще не решено.

А. СТАРИКОВ — ...Почему он выступает против ВААП?

«Я не знаю, что делать...».

РАДОВ (заключительное слово) — ...заранее ничего не решали «...Мы сейчас Вам предоставим слово... Вы еще можете изменить ситуацию».

ВОЙНОВИЧ — говорит, что будет придерживаться прежней позиции... Напоминает о процессе СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ, о деле СОЛЖЕНИЦЫНА... «Теперь отвечу на вопрос ПАДЕРИНА. Я пока не читал «Архипелаг ГУЛаг», но я знаю СОЛЖЕНИЦЫНА, знаю его предыдущие вещи и я верю ему, а вам не верю. Он замечательный писатель, фронтовик, мужественный, отважный человек и гражданин... Опомнитесь, вас еще будет мучить совесть. Вы, может быть, думаете, что у вас ее нет, но она у вас есть и еще будет мучить вас».

РАДОВ (зачитывает заранее отпечатанные на машинке листочки). Содержание стандартное, в конце «...поставить вопрос перед Секретариатом об исключении».

Во время голосования выяснилось, что присутствовали и голосовали не только члены Бюро прозы, но и так называемый «актив». Двух писателей, хотевших войти и выступить в защиту **ВОЙНОВИЧА**, на заседание не пустили.

Исключение из Союза писателей было утверждено 20 февраля на заседании Секретариата Московского отделения СП РСФСР. **ВОЙНОВИЧ** на это заседание не пошел, а обратился в Секретариат с открытым письмом.

В письме раскрыты причины, по которым **ВОЙНОВИЧ** не явился на заседание Секретариата; эти причины относятся как к обстоятельствам заседания — оно объявлено закрытым — так и к самому Секретариату, его составу и деятельности.

«Нам не о чем говорить, не о чем спорить — пишет **ВОЙНОВИЧ**, — потому что я выражаю свое мнение, а вы — какое прикажут».

Увольнение **Е. Г. ЭТКИНДА**

Ефим Григорьевич ЭТКИНД — известный советский ученый — литературовед, доктор филологических наук, профессор. Секретарь Ленинградского отделения Союза писателей. Автор книг: «Поэзия и перевод» (1963), «Об искусстве быть читателем» (1964), «Семинарий по французской стилистике» (1965), «Французские стихи в переводе русских поэтов (1969 и 1973), «Разговор о стихах» (1970), «Бертольд Брехт» (1971), «Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина» (1973).

Приводим в выдержках пересказ следующего документа:

Справка **КГБ**

В поле зрения **КГБ ЭТКИНД** попал в 1969 г.; он более 10 лет знаком с **СОЛЖЕНИЦЫНЫМ**, встречался с ним, оказывал ему практическую помощь, хранил у себя клеветнические произведения, рукопись «Архипелага ГУЛаг». Через **СОЛЖЕНИЦЫНА** был знаком с **ВОРОНЯНСКОЙ**... На допросе **ВОРОНЯНСКАЯ** показала: «**СОЛЖЕНИЦЫН** приехал в Ленинград в 1971 году; два экземпляра рукописи «Архипелага» он передал **ЭТКИНДУ**, и далее **ЭТКИНД** лично привез их ко мне домой»... Летом 1970 г. **ВОРОНЯНСКАЯ** проживала на даче **ЭТКИНДА**...

...В начале апреля с.г. управление **ГБ** возбудило уголовное дело по распространению антисоветских клеветнических документов (см. наст. выпуск, «Дело № 15» — Хр.). Состоялись обыски у **МАРАМЗИНА** и **ХЕЙФЕЦА**, которыми был издан в Самиздате пятитомник стихов **И. БРОДСКОГО**; у **ХЕЙФЕЦА** было обнаружено написанное им предисловие... Была изъята также рецензия **ЭТКИНДА** на это предисловие, в которой содержится положительный отзыв о политической стороне предисловия. Будучи допрошенным, **ЭТКИНД** показал, что является автором этой рецензии и что он никогда не скрывал своего отношения к событиям в Чехословакии.

ХЕЙФЕЦ показал, что ЭТКИНД поддерживал близкие отношения с И. БРОДСКИМ...

В марте 1964 г. поведение ЭТКИНДА на суде над БРОДСКИМ обсуждалось на заседании секретариата СП, но ЭТКИНД и там не признал вредности своих взглядов.

О вредной деятельности ЭТКИНДА свидетельствует также его «Письмо к молодым евреям, стремящимся в эмиграцию»; там содержатся призывы к евреям не уезжать в другую страну, а бороться за свою свободу и гражданские права здесь.

...Установлено, что ЭТКИНД использует свое общественное положение для протаскивания в своих работах взглядов, чуждых советскому строю... Вот как их оценивают видные советские ученые.

Доктор филологических наук проф. П. С. ВЫХОДЦЕВ: «Взгляды ЭТКИНДА на поэзию... никак не соотносятся с марксистско-ленинскими принципами».

Кандидат философских наук писательница Е. СЕРЕБРОВСКАЯ (о книге «Разговор о стихах»): «У ЭТКИНДА нет классовости, нет слов «Родина», «патриотизм», нет идеологической оценки поэзии».

Писатель А. Н. ЧЕКУРОВ пишет о политической вредности... статьи «Пауль ВИНС — переводчик советской поэзии»... и книги о БРЕХТЕ»...

...В 1949 г. за методологические ошибки в кандидатской диссертации ЭТКИНД был уволен из Ленинградского института иностранных языков...

...В 1973-74 гг. были осуществлены различные мероприятия в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА и его круга. Однако никаких выводов ЭТКИНД для себя не сделал. ЭТКИНД сознательно на протяжении долгого времени проводил идеологически вредную и враждебную деятельность. Он действовал как политический двурушник.

* * *

Эту «Справку» прочел вслух на заседании Ученого совета 25 апреля 1974 г. ректор Ленинградского педагогического института им. ГЕРЦЕНА А. Д. БОБОРЫКИН.

Ученый совет — отметил он — не впервые занимается обсуждением проф. ЭТКИНДА. В 1968 г. Ученый совет предостерег ЭТКИНДА в связи с совершением им политической ошибки — во вступительной статье ЭТКИНДА к двухтомнику «Мастера русского стихотворного перевода» говорится: «Лишенные возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве русские поэты — особенно между XVII и XX съездами — разговаривали с читателем языком Гете, Шекспира, Орбелиани, Гюго».

На заседании ЭТКИНД отсутствовал — он был болен. Но было зачитано его письмо Ученому совету. В письме ЭТКИНД напоминает, что он работает в институте 23 года, занимался преподаванием, делая все, что было в его силах. ЭТКИНД сообщает, что он подал заявление об уходе, но просит учесть, что «магистральная линия его поведения определяется не двумя или тремя неудачными

фразами, написанными в частных письмах и по частному поводу, — инкриминируемые высказывания извлечены именно из документов подобного рода».

Затем дискутировался вопрос о снятии ЭТКИНДА с должности профессора:

«ЭТКИНД — антисоветский отщепенец и двурушник... Он не уехал в Израиль, а проводил свою политику более тонко... Он должен быть изгнан из института и лишен ученого звания и степени» (проф. А. И. ДОМАШНЕВ, декан факультета иностранных языков, зав. кафедрой германской филологии).

«...То, что мы сегодня слышали, — это выражение вывернутого наизнанку еврейского национализма...» (А. МЕРЗОН, преподавательница философии).

«...идеологический диверсант... внутренний СОЛЖЕНИЦЫН... у ЭТКИНДА нет двух стульев: он сидит в одном кресле, кресле СОЛЖЕНИЦЫНА...» (П. Л. ИВАНОВ, профессор, кафедра философии).

«...ЭТКИНДУ надо бы порекомендовать отправляться за СОЛЖЕНИЦЫНЫМ...» (проф. КУЛЬБА, зав. кафедрой неорганической химии).

«...Он стал духовным отцом молодых антисоветчиков, распространителей самиздата... не место среди советских педагогов...» (проф. И. С. ЭВЕНТОВ, кафедра советской литературы, член Союза писателей).

«...Идеологическому диверсанту ЭТКИНДУ не место в наших рядах... Эткинд читал курс французской литературы..., нужно вообще обсудить вопрос о чтении этого курса...» (проф. Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ, зав. кафедрой французского языка).

«...Это тактика врага. Он на своей позиции стоит давно и твердо, начиная с 1949 г. и кончая 70-ми годами, когда эволюция неизбежно столкнула его с такими подонками, как СОЛЖЕНИЦЫН, ХЕЙФЕЦ, БРОДСКИЙ и др... На основании новой инструкции ВАКа мы имеем право лишить ЭТКИНДА ученого звания профессора... что касается ученой степени, то вопрос должен решать Ученый совет, присвоивший эту степень...» (проф. Ю. В. КОЖУХОВ, член-корреспондент Академии педагогических наук, проректор по научной работе, кафедра истории СССР).

Ректор БОБОРЫКИН, подытоживая прения, отметил, что оценка дана правильно и акценты расставлены верно.

Голосуются предложение уволить ЭТКИНДА с должности профессора ЛГПИ. 57 — за, против — ни одного, воздержавшихся нет.

Голосуются предложение ходатайствовать перед ВАКом о лишении ЭТКИНДА звания профессора. 57 — за, против — ни одного, воздержавшихся нет.

В тот же день ЭТКИНД исключен из Союза писателей.

3 мая ЭТКИНД написал «Заявление для печати». Он говорит: «...Да, я знаком с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ. Да, я выступал свидетелем по делу Иосифа БРОДСКОГО и по мере сил помогал молодому поэту публиковать переводы, которые давали ему кусок хлеба. Да, я писал книги и статьи, в которых пытался высказывать свои взгляды на французскую литературу, русский стих, немецкую

драматургию. Все это я делал в твердой убежденности, что способствую росту отечественной культуры, для которой живу. Занимаясь теорией и историей художественного перевода, я был твердо уверен, что способствую дружбе между народами, говорящими на русском, французском и немецком языках...

...Мое поколение хорошо помнит собрания 1949 года: в ту пору из университетов выгоняли лучших профессоров, наших учителей, а из литературы — лучших писателей. Я не сравниваю себя с ними. Но мое поколение до их смертного часа не забудет кровавого единодушия, с которым ораторы на таких собраниях клеймили ЖИРМУНСКОГО, ЭЙХЕНБАУМА, АЗАДОВСКОГО, ГУКОВСКОГО и требовали их немедленного устранения из Ленинградского университета...

...Казалось бы, возродить 1949 год невозможно.

Увы, не только возможно, но и куда как просто! Профессора, писатели, поэты знают своего коллегу по многу лет, но им сказали, что их коллега государственный преступник, — и они торопятся верить... Им говорят, что он совершил «методологические ошибки» в 1949 году, — и они не вдумываются в то, какой абсурд им сказали: они не слышат даты «1949», а только привычно-пугающие слова об ошибках, и соглашаются казнить... И казнь эту совершают единогласно. Единогласие было необходимым условием процедуры и в ту давнюю пору.

А ведь за четверть века, казалось бы, должна была вырасти новая общественность, должно было воспитаться в людях гражданское самосознание. Возможно ли, что нас так легко отбросить на 25 лет назад?

Возможно ли, что люди не накапливают исторический опыт? Что их ничему не научил хотя бы «Новый мир»? Что они забыли о стихах ТВАРДОВСКОГО, о покаянных статьях СИМОНОВА, о самоубийстве ФАДЕЕВА, о возрождении из праха БУЛГАКОВА, БАБЕЛЯ, МАНДЕЛЬШТАМА, АХМАТОВОЙ и многих других? Возможно ли сегодня, в 1974 году, пользоваться доводами той поры и, вызывая общее одобрение, ссылаться на 1949 год?

Нет, я верю в прогресс, в новую общественность, в рост гражданского самосознания. Я верю в то, что отбросить нашу страну на 25 лет назад не удастся никому. И еще я верю в демократические силы современного мира».

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Студенты Латвийского государственного университета (физмат) ВОЛКОВ и ГОЛУБЕВ слушали по зарубежному радио и записали на магнитофон отрывки из книги СОЛЖЕНИЦЫНА «Архипелаг ГУЛАг». Затем воспроизвели эту запись своим коллегам.

Исключены из комсомола и университета.

Студенты Ленинградского политехнического института (инженерно-кибернетический факультет, 5-й курс) В. КАНАРСКИЙ, О.

БУГАЙ и А. ЛЕНКИН исключены из института за непочтительное высказывание о внешности Л. И. БРЕЖНЕВА во время телепередачи.

Донес на них преподаватель общественных наук КОЖАН. Комитет комсомола осудил их за «политическое хулиганство». Хотя общее собрание не поддержало осуждения, студенты были исключены по ходатайству комитета комсомола (приказ № 88 от 16 апреля с.г.).

* * *

В конце мая 1974 г. из Вильнюсской средней школы им. С. Нерис были исключены пятнадцатилетние Томас ЧЕПАЙТИС и Рамунас АБУКЯВИЧЮС за надпись на портфеле: «Русские, убирайтесь домой!» Причиной для исключения послужили также некие стихи по поводу самосожжения Р. КАЛАНТЫ.

Мальчикам было предложено «раскаяться», но они отказались. Исключение мотивировалось «пьянством», «курением» и т.п. Отец АБУКЯВИЧЮСА уволен с работы.

* * *

Преподаватель МИИТ, кандидат физ-мат. наук математик М. И. ГРАБАРЬ вынужден был уйти с работы «по собственному желанию». В начале апреля этого года зам. ректора института предупредил ГРАБАРЯ, что он не пройдет переаттестацию, и рекомендовал не пытаться устроиться на преподавательскую работу.

Летом прошлого года ГРАБАРЯ вызывали на допрос по делу БОЛОНКИНА (Хр. 29, 30). БОЛОНКИН показал, что он взял в доме у ГРАБАЯ без его ведома с книжной полки какое-то издание «Посева». ГРАБАРЬ заявил, что ни с какими изданиями «Посева» он не знаком и что если такая книга и была в его доме, то он об этом ничего не знал.

ГРАБАРЮ разрешили довести своих студентов до конца семестра.

В мае с.г. из МВТУ им. Баумана уволен ассистент МАКАРЕВСКИЙ. На заседании кафедры, где обсуждался вопрос о его увольнении, основные претензии высказывались в связи с причастностью МАКАРЕВСКОГО к делу БОЛОНКИНА. Из суда или из КГБ в институт прислали материалы дела БОЛОНКИНА, касающиеся МАКАРЕВСКОГО. (Судя по этим материалам, БОЛОНКИН показывал, что он хранил у МАКАРЕВСКОГО свой самиздат. МАКАРЕВСКИЙ на следствии это отрицал).

Другие причины увольнения МАКАРЕВСКОГО носят профессиональный характер.

Из МАТИ уволен КОНОВАЛЬЦЕВ, также допрашивавшийся по делу БОЛОНКИНА.

Известно, что на суде БОЛОНКИН отказался от всех своих показаний, данных на следствии (Хр. 30).

* * *

В апреле 1974 г. Александр ГИНЗБУРГ, а в мае Анатолий МАРЧЕНКО, живущие в г. Тарусе Калужской области, были поставлены

под гласный надзор милиции — первый на полгода, второй — на год. Условия надзора: им запрещено выезжать за пределы района (при этом граница района проходит в нескольких стах метрах от дома), посещать Дом культуры (где находится единственный в городе кинозал), выходить из дому после 8-ми часов вечера; они обязаны еженедельно отмечаться в милиции и т.п.

В случае нарушения правил надзора им грозит лишение свободы (ст. 198-2 УК РСФСР). ГИНЗБУРГА в мае уже вызывали в суд для наложения штрафа за то, что он не явился на отметку. Взыскание не было вынесено, так как выяснилось, что он был болен и это подтверждено документально.

Семья ГИНЗБУРГА и семья МАРЧЕНКО живут в Москве; ГИНЗБУРГ и МАРЧЕНКО не могут жить в Москве по правилам паспортного режима, а теперь, после установления надзора, лишены возможности навещать свои семьи.

ГИНЗБУРГ — друг семьи СОЛЖЕНИЦЫНА, его доверенное лицо, он уполномочен СОЛЖЕНИЦЫНЫМ оказывать материальную помощь заключенным и их семьям от имени писателя и из его средств (см. «Хронику защиты», вып. 8).

МАРЧЕНКО — автор нескольких открытых писем и заявлений, его подпись стоит под «Московским обращением» (см. наст. выпуск).

«Положение о надзоре» позволяет «в необходимых случаях» **продлевать** срок установленного надзора каждый раз на 6 месяцев в течение времени, пока не погашена судимость; или же **установить** надзор не позднее, чем через три года с момента освобождения (см. Указ ПВС СССР от 26.7.66 г., «Ведомости Верх. Сов.», 1966, № 30). Повторное установление надзора законом не предусмотрено, а ГИНЗБУРГ и МАРЧЕНКО после освобождения из заключения находились уже под надзором, и он был с них снят в соответствии с законом.

ГИНЗБУРГ опротестовал постановление о надзоре в установленном законом порядке, но никакого ответа от прокурора Калужской области в течение более 2-х месяцев не последовало.

МАРЧЕНКО по поводу надзора сделал заявление для прессы (см. наст. выпуск).

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

В газете «Тбилиси» от 15 апреля 1974 г. опубликована статья 3-го секретаря Тбилисского горкома комсомола Н. ЛЕКИШВИЛИ и корреспондента газеты А. ШЕНГЕЛИЯ «Зажженные свечи и позабытый долг». В ней говорится, что, хотя Советская Конституция провозглашает свободу совести, нельзя мириться с тем фактом, что в религиозном празднике Пасхи участвуют молодые люди и в особенности комсомольцы. В статье указано около 30 фамилий молодых людей, посетивших церкви в Тбилиси в Пасху 1974 г.

В статье не сказано, однако, что пасхальную церемонию посетили также работники аппарата тбилисского горкома и райкомов комсомола. Среди них: Н. ЛЕКИШВИЛИ, секретари райкомов ком-

сомола: Н. БИЧИАШВИЛИ, Циури КОРШИЯ, Б. КАДАГИДЗЕ; заведующий спортивным отделом горкома комсомола О. БАРАТАШВИЛИ. Комсомольские деятели сами зажигали свечи и «молились». Так вел себя, например, Н. ЛЕКИШВИЛИ. Другие комсомольские работники стояли на улице и, поджидая молодых людей, выходящих из церкви, предлагали им пройти в штаб народной дружины, где работник милиции записывал их анкетные данные.

Известен следующий факт:

Из Сионского храма вышла молодая женщина с годовалым ребенком на руках. Около штаба народной дружины ей преградила путь Ц. КОРШИЯ и предложила пройти в штаб. Женщина отказалась. Тогда ребенка вырвали из ее рук, а ее насильно втащили в штаб. Она начала кричать, и один из прохожих вступился за нее. После этого ребенка принесли обратно, и женщина ушла.

В частной беседе работники комсомола признались, что они и сами недовольны своими поступками, но полагают, что у них нет другого выхода.

Дело Виктора Михайловича ИЛЬИНОВА

В газете «Молодежь Грузии» (орган центр. комитета ЛКСМ Грузии) 21 марта 1974 г. напечатана статья «Человек с двойным дном», посвященная жителю г. Очамчире ГССР Виктору Михайловичу ИЛЬИНОВУ. ИЛЬИНОВ — столяр, печник и кровельщик, пресвитер местной общины «инициативников», на обыске на квартире ИЛЬИНОВА изъяли богословскую литературу. В статье ИЛЬИНОВ называется «врагом народа»; он обвиняется в том, что проводимые им молитвенные собрания посещали взрослые и дети — слушали проповедь и пели псалмы; а также в том, что он советовал своему сыну и другим детям не вступать в пионеры. Сын ИЛЬИНОВА отвечал на допросе, что не будет служить в армии, потому что не хочет убивать людей.

ИЛЬИНОВ осужден на 4 года лишения свободы.

Начать жизнь сначала

Владимир ДРЕМЛЮГА (Хр. 3, 4, 17), один из участников демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. против ввода войск в Чехословакию, был осужден на 3 года лагерей общего режима по ст.ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР. Наказание отбывал в Якутии. Летом 1971 г. ДРЕМЛЮГА был осужден вторично (Хр. 20, 21) — ему дали еще 3 года за «заведомо ложные клеветнические высказывания, порочащие советский государственный и общественный строй» (ст. 190¹) и перевели в лагерь строгого режима. По этому делу было допрошено около 30 свидетелей из заключенных, с которыми ДРЕМЛЮГА находился в лагере. Они показали, что ДРЕМЛЮГА вел с ними «антисоветские разговоры». Есть основания предполагать, что ДРЕМЛЮГА действительно делился с одним из свидетелей своими мыслями, однако со многими другими «свидетелями» он даже не был знаком. Многие свидетели вскоре вышли на свободу раньше срока.

В июне 1974 г. ДРЕМЛЮГА освобожден условно-досрочно, за полтора месяца до конца срока.

В газете «Социалистическая Якутия» от 9 июня 1974 г. помещена посвященная В. ДРЕМЛЮГЕ статья И. ВОРОНОВА «Начать жизнь сначала». Ниже эта статья приводится полностью.

НАЧАТЬ ЖИЗНЬ СНАЧАЛА

Анкетные данные его таковы: ДРЕМЛЮГА Владимир Александрович, год рождения — 1940. Место рождения — г. Саратов. Семейное положение — женат. Детей не имеет. Отбывает наказание по второй судимости. В местах заключения находится с 1968 года.

Эти сведения мы получили уже потом, из дела, из документов, а сначала не без удивления и, признаться, с некоторым недоверием читали пронизанное болью за прошлое письмо заключенного Владимира ДРЕМЛЮГИ.

«Уважаемый редактор!

Находясь в местах лишения свободы, я подверг весьма тщательному анализу свою прошлую жизнь и деятельность, пытался разобраться и дать объективную оценку своим поступкам, за которые дважды привлекался к уголовной ответственности.

Своими мыслями я хотел бы поделиться на страницах вашей газеты.

Мне 34 года. В таком возрасте трудно начинать жизнь сначала, а еще труднее изменить взгляды, привычки, отказаться от заблуждений, которые до недавнего времени считал своими убеждениями. И тем не менее я нашел в себе силы признать и откровенно заявить, что глубоко понял и полностью осознал ошибочность ранее занимаемой мной позиции, неправильность совершенных мной поступков, их вред для советского народа и несовместимость с его идеями, взглядами и политикой. Как ни тяжело, но я хочу откровенно признать справедливыми вынесенные в отношении меня судебные решения...».

Снова и снова перелистываем официальные документы исправительно-трудового учреждения — характеристики, справки, ходатайства и пытаемся обнаружить то первое препятствие, о которое споткнулся автор письма.

Возможно, оно возникло в 1964 году, когда его, студента Ленинградского университета, отчислили со второго курса за недостойное поведение, или позже, в 1968 году. К этому времени кочегар, шофер и, наконец, оператор газовой котельной Владимир ДРЕМЛЮГА попадает в поле зрения П. ЯКИРА и В. КРАСИНА, которым не составило труда вылепить из неполучившегося студента себе подобную фигуру, покладистую в деле исполнения их воли.

А ведь хорошо начинал свою жизнь в Мелитополе Владимир ДРЕМЛЮГА. Рабочий коллектив завода имени Воровского радушно принял вчерашнего школьника в свою семью, помогал осваивать премудрости профессии модельщика. Его товарищи по-доброму завидовали, когда заводской воспитанник пошел от станка в вуз.

«...Осуждая свое прошлое, я со всей ответственностью заявляю, что если бы можно было начать жизнь сначала, то никогда, ни

при каких обстоятельствах, я не оказался бы вновь в числе участников вылазки, которая имела место в 1968 году. Это утверждение вызвано не минутным порывом и не боязнью повторного наказания, а тем, что я полностью понял и осознал вредность подобного для советского народа, ее несовместимость с интересами и мнениями общества... Не повторил бы и второй ошибки, когда, не разобравшись в происшедшем, не дав ему беспристрастной, объективной оценки и в то же время считая себя незаслуженно обиженным органами Советской власти, я продолжал допускать политически нездоровые и вредные суждения в местах лишения свободы, за что был вторично осужден по ст. 190¹ УК РСФСР.

Сомневаться в искренности моего письма нельзя уже потому, что его написание является сугубо добровольным актом. К изложенному хотелось бы добавить, что на изменение моих взглядов и формирование новых убеждений существенное влияние оказали... материалы судебного процесса по делу КРАСИНА и ЯКИРА, находившихся в прошлом на одинаковых со мною позициях...

В заключение хочу заверить советский народ и органы его власти, что впредь антиобщественной деятельностью я заниматься не буду и никогда не окажусь на стороне врагов социалистического государства, своим честным трудом и примерным поведением постараюсь доказать, что я еще не потерянный для общества человек и могу быть для него полезным и нужным.

Владимир Дремлюга».

Беседуем с администрацией исправительно-трудового учреждения, с людьми, которые наблюдали за поведением ДРЕМЛЮГИ ряд лет и делали все для того, чтобы вернуть его к честному творческому труду. Нет, не страх перед будущим привел Владимира ДРЕМЛЮГУ к выводу о необходимости признать свою вину и раскаяться в содеянном, а сознание вредности совершенных им поступков, сознание, к которому он пришел после глубоких раздумий и переосмысления прошлого. И вполне обосновано руководством исправительно-трудового учреждения подано в судебные органы ходатайство о досрочном освобождении Владимира ДРЕМЛЮГИ.

И. ВОРОНОВ, наш корр.

* * *

К статье приложено факсимиле последнего абзаца из письма ДРЕМЛЮГИ в редакцию.

Предыстория освобождения ДРЕМЛЮГИ и публикации в «Социалистической Якутии» такова.

Еще в ноябре прошлого года ДРЕМЛЮГА узнал, что его солдаггерников вновь вызывают на допросы по его поводу. Тогда же, в ноябре-декабре, в лагерь приехал представитель прокуратуры, который сообщил ДРЕМЛЮГЕ, что против него вновь возбуждено уголовное дело по ст. 190¹ за «устную агитацию в лагере». Этот или другой представитель власти предложил ДРЕМЛЮГЕ написать заявление о раскаянии в своих действиях. ДРЕМЛЮГА

сделал это. Через некоторое время ему сообщили, что составленный им текст неудовлетворителен, и предложили подписать другой текст. ДРЕМЛЮГА сделал и это.

В течение зимы-весны 1974 г. в лагерь к ДРЕМЛЮГЕ явилось много визитеров: от Председателя КГБ Якутской АССР до сотрудников «Социалистической Якутии». Тогда же было составлено письмо ДРЕМЛЮГИ в редакцию.

После освобождения ДРЕМЛЮГЕ дали направление в г. Мелитополь, где живет его мать. Ему рекомендовали зайти в Москве к работнику КГБ, фамилия которого «Хронике» не известна.

Прибыв в Москву, ДРЕМЛЮГА никуда не явился. Тогда, в первых числах июля, за ним пришли в квартиру Н. П. ЛИСОВСКОЙ, где он остановился, и пригласили приехать к вышеупомянутому деятелю. Беседуя с ДРЕМЛЮГОЙ, этот работник ГБ рекомендовал ему уехать в Мелитополь как можно скорее и даже посодействовал при покупке билетов на поезд. В этой же беседе он не советовал ДРЕМЛЮГЕ заходить к академику САХАРОВУ, т.к. тот «не совсем здоров психически». 11 июля ДРЕМЛЮГА уехал в Мелитополь.

Стало известно, что Владимир ДРЕМЛЮГА намеревается выехать из СССР.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Сведения об аресте в Киеве в ноябре 1973 г. ВЫЛЕГЖАНИНА, ЗАРИЦКОГО, ЛИФШИЦА подтверждаются. Они обвиняются по ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР). По-видимому, дело № 62 заведено именно в связи с их арестом.

По делу № 62 проведен ряд обысков.

* * *

17 января 1974 г. в 8 часов утра начался обыск по делу № 62 «с целью изъятия антисоветской клеветнической литературы» у Татьяны ЖИТНИКОВОЙ. Ордер на обыск был выдан по распоряжению зам. председателя КГБ УССР генерал-майора ТРОЯКА. Производил обыск следователь БЕРЕСТОВСКИЙ, ранее допрашивавший Т. ЖИТНИКОВУ по делу П. ЯКИРА.

Изъяты: 1 — фотопленка с письмами мужа Т. ЖИТНИКОВОЙ Л. ПЛЮЩА из спецпсихбольницы; 2 — статья Л. ПЛЮЩА «Этическая установка»; 3 — заявление А. ТВЕРДОХЛЕБОВА о ПЛЮЩЕ; 4 — книга В. НЕКРАСОВА «Страницы жизни» (издана в СССР); 5 — магнитофонная пленка с песнями Ю. КИМА.

ЖИТНИКОВА протокол подписала, но выразила протест по поводу изъятия книги Некрасова и фотопленки с письмами ПЛЮЩА, как документов, не имеющих отношения ни к какому «делу».

Обыск длился до 14 часов.

* * *

В этот же день в Киеве был начат обыск по тому же делу у писателя В. НЕКРАСОВА. Обыск начался в 8 часов утра, закончился в 2 часа ночи 19 января, т.е. длился 42 часа.

У НЕКРАСОВА был изъят весь его архив, в том числе все рукописи неоконченных (или оконченных, но неопубликованных) работ писателя. Протокол обыска занимает 60 страниц.

Во время обыска приходивших к НЕКРАСОВУ знакомых подвергали личному досмотру. Такому досмотру подверглись, например, ЖИТНИКОВА и РАЙГОРОДСКИЙ. У ЖИТНИКОВОЙ ничего не обнаружили, у РАЙГОРОДСКОГО изъята какая-то книга; в обоих случаях составлен протокол досмотра. (Впоследствии был произведен обыск на квартире РАЙГОРОДСКОГО).

Двум другим знакомым НЕКРАСОВА, которые зашли к нему во время обыска, предложили сесть в машину и поехать на «беседу». Во время одной из таких «бесед» было заявлено, что судьба НЕКРАСОВА находится полностью в его руках — пусть сам выбирает, «по какую сторону баррикад ему находиться».

После обыска В. НЕКРАСОВА неоднократно вызывали на допросы.

* * *

По делу № 62 в Киеве подвергнут обыску Юрий ЛЕХТГОЛЬЦ.

* * *

В Москве проведены обыски по делу № 62, в частности, 25 января — у Николая БОКОВА. Изъят 1-й том американского издания МАНДЕЛЬШТАМА. Руководивший обыском майор КОРКАЧ заявил: «Я бы порол за чтение МАНДЕЛЬШТАМА».

После обыска Н. К. БОКОВ несколько раз допрашивался по делу № 62.

* * *

22 марта писатель В. НЕКРАСОВ, гостивший в Москве, был выслан в Киев.

* * *

10 июля 1974 г. в Киеве осужден на 2 года лагерей по ст. 187¹ УК УССР (соотв. ст. 190¹ УК РСФСР) преподаватель русского языка и литературы Марк Исаакович РАЙГОРОДСКИЙ, арестованный 28 мая. Подробности о суде неизвестны.

* * *

Владимир КИСЛЯК, кандидат химических наук, после подачи заявления на выезд уволен с работы, работает сторожем на лодочной станции в Киеве. Его жена и ребенок получили разрешение и уехали; КИСЛЯКУ в разрешении отказано — «по режимным соображениям».

В июне КИСЛЯК несколько дней был в Москве по своим делам; вернулся в Киев 17 июня; в ночь с 18 на 19 июня в 2 часа ночи он был избит четырьмя неизвестными, вооруженными дубинками. Избивая, они приговаривали: «Не ездь в Москву, не смей ездить в Москву».

* * *

Невесту Александра ФЕЛЬДМАНА (Хр. 30 и наст. выпуск) 21-го июня 1974 г. вызвали в милицию, где задали вопросы: действи-

тельно ли она хочет зарегистрировать свой брак с ФЕЛЬДМАНОМ? какой национальности ФЕЛЬДМАН? какой национальности она сама? собирается ли она вместе с ФЕЛЬДМАНОМ покинуть СССР?

В заключение у нее взяли подписку о невыезде из Киева до конца июня.

* * *

В Риге продолжается следствие по делу Л. А. ЛАДЫЖЕНСКОГО, обвиняемого по ст. 65 УК ЛатвССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР) (Хр. 30).

Л. А. ЛАДЫЖЕНСКИЙ — математик, перед арестом заведовал лабораторией АСУ БалтНИИ рыбного хозяйства; ранее преподавал в Рижском университете; опубликовал много работ по математике.

6 декабря 1973 г. у него произвели обыск, который продолжался всю ночь (У ЛАДЫЖЕНСКОГО большая библиотека; имеется уникальное собрание материалов о ПАСТЕРНАКЕ). На обыске изъято около 50 наименований, в том числе «Хроника текущих событий». В тот же день в Риге было произведено еще около 10 обысков целью изъятия литературы.

7 декабря ЛАДЫЖЕНСКИЙ был арестован.

Через несколько дней арестован инженер Ф. Я. КОРОВИН, вызванный на допрос в качестве свидетеля по делу ЛАДЫЖЕНСКОГО.

ЛАДЫЖЕНСКИЙ вызывался в качестве свидетеля на судебный процесс Г. СУПЕРФИНА (см. наст. выпуск). Он показал, что переводил одну работу КОЛАКОВСКОГО (КОЛАКОВСКИЙ — польский марксист неортодоксального толка). Можно предполагать, что, кроме этого перевода, ЛАДЫЖЕНСКОМУ инкриминируется распространение Самиздата, в частности «Хроники текущих событий». По делу ЛАДЫЖЕНСКОГО допрашивали московских математиков — В. А. БОРОВИКОВА, Ф. А. КАБАКОВА, МАРГУЛИСА.

На некоторых допросах свидетелям демонстрировали заявление ЛАДЫЖЕНСКОГО, в котором сказано, что он просит подтвердить его показания, что запирательство свидетелей не облегчит его участь; об этом же он говорил и на очной ставке с одним из свидетелей.

* * *

В Одессе 16 мая произведен обыск у Леонида ТЫМЧУКА. Формальный повод: Л. ТЫМЧУК подозревается в укрывании похищенного в г. Запорожье телевизора. Телевизор искали среди книг и бумаг. Изъято «Московское обращение» (см. наст. выпуск, Высылка СОЛЖЕНИЦЫНА).

После обыска ТЫМЧУК был вызван на допрос; ему объявлено «Предостережение» (см. наст. выпуск — Неопубликованный Указ).

Матрос Л. ТЫМЧУК в 1968 г. поддержал обращение «К мировой общественности» Л. БОГОРАЗ и П. ЛИТВИНОВА. В настоящее время является официальным доверенным лицом Нины Антоновны СТРОКАТОВОЙ, политзаключенной (Хр. 25, 28, 30 и наст. выпуск — В тюрьмах и лагерях).

Леонид ТЫМЧУК сообщил авторам «Московского обращения», что, когда у него нашли экземпляр этого документа, он поставил под ним свою подпись.

* * *

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН заявил 3-го мая 1974 г. корреспонденту журнала «Тайм»: имеются сведения, что вскоре после его высылки органами КГБ произведен обыск в Рязани у его знакомой Натальи РАДУГИНОЙ. Цель обыска, по мнению СОЛЖЕНИЦЫНА, — изъятие самиздатских текстов его произведений.

* * *

Священник церкви св. Николая в Москве, отец Дмитрий ДУДКО, уволен за штат. Этому предшествовало распоряжение патриарха Пимена о переводе о. Дмитрия в одну из церквей, удаленных от столицы, под начало митрополита Крутицкого и Коломенского СЕРАФИМА (СЕРАФИМ — единственный иерарх русской православной церкви, публично одобривший высылку СОЛЖЕНИЦЫНА — Хр.). О. ДМИТРИЙ в резком письме к патриарху ПИМЕНУ отказался от предложенного перевода. Впоследствии о. ДМИТРИЙ принес письменные извинения за недопустимый по правилам Церкви тон в обращении к патриарху. Однако в середине мая последовало распоряжение о его увольнении.

Существует мнение, что истинной причиной удаления отца ДМИТРИЯ ДУДКО являются проводимые с осени 1973 г. беседы с прихожанами по субботам — нечто вроде «вечеров вопросов и ответов». На эти беседы приходило много молодежи, в том числе студентов, что вызывало неудовольствие советских властей.

Отец ДМИТРИЙ ДУДКО — бывший узник сталинских лагерей.

* * *

28 июня 1974 г., во время визита в Москву президента НИКСОНА, был задержан на улице и насильственно заключен в психиатрическую больницу московский литератор Петр ОРЕШКИН.

В отделении милиции, куда его сначала доставили, районный психиатр (очевидно, специально вызванный для этого в милицию) задал ОРЕШКИНУ вопросы: Интересуется ли он политикой? Недоволен ли чем-либо в советской политике? Не ждал ли он, что в результате приезда НИКСОНА будут какие-либо перемены? Читает ли журнал «За рубежом» и как толкует материалы, печатаемые в этом журнале? После этого ОРЕШКИН был отправлен в психиатрическую больницу № 15 г. Москвы.

ОРЕШКИН окончил в 1962 году Московский литературный институт, после сотрудничал в журнале «Техника молодежи», работал ассистентом режиссера на студии Мосфильм.

* * *

Явас, Мордовская АССР. Начальник управления Дубровлага (учр. ЖХ 385) полковник ОСИПОВ повышен в должности — он назначен заместителем министра МВД Мордовии. Имя нового начальника лагеря «Хронике» пока не известно.

* * *

Барашево, Мордовская АССР. По непроверенным сведениям здесь в учр. ЖХ 385/3 (видимо, больничная зона) умер Михаил Васильевич ЕРШОВ.

ЕРШОВ принадлежал к так называемой «Истинно-православной церкви». О нем сообщают следующее: отсидел около 40 лет (сорок лет), 4 судимости, последняя — по ст. 58-8, 11, срок — 25 лет. Сидел в Дубровлаге на 1-м, 10-м, 3-м лагпунктах. Умер 4-го июня 1974 г. Возраст неизвестен.

ЕРШОВ отказывался раскаться и признать официальную церковь.

* * *

В марте 1974 г. из Пермских лагерей освобожден по концу срока востоковед Вячеслав ПЛАТОНОВ (дело «ВСХСОН», ст.ст. 70 и 72 УК РСФСР, срок 7 лет, Хр. 1).

В. ПЛАТОНОВ поселился в г. Тарту.

* * *

В апреле 1974 г. кончился срок ссылки у ленинградского математика Р. ПИМЕНОВА. Он был арестован и судим по ст. 190¹ в 1970 г. вместе с Б. ВАЙЛЕМ (Хр. 16, 17, 22, 24, 29).

* * *

В мае 1974 г. в Рязани арестован Иван Филаретович ДАНИЛЮК. Ему предъявлено обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР.

Адрес ДАНИЛЮКА: Рязань, ул. Гоголя, д. 3, кв. 34.

* * *

В первых числах марта 1974 г. были арестованы три ученика 9-го класса тбилисской средней школы № 24 — УСТИАШВИЛИ, ВАШАКИДЗЕ, УГРЕХЕЛИДЗЕ. Их подозревали в том, что они расклеивали «антисоветские» плакаты на здании райкома. (По некоторым сведениям, в плакатах говорилось что-то о СОЛЖЕНИЦЫНЕ). Кроме того, им вменялось в вину письмо в редакцию газеты «Коммунист», в котором есть требование разъяснить, почему в нашей стране нет свободы мысли и слова.

Во второй половине марта мальчиков выпустили; они продолжают учиться в школе.

Имеются сведения, что снят с работы директор школы № 24, а также один из родителей названных школьников.

* * *

В Тбилиси в начале апреля 1974 г. вызван в КГБ литературный критик Лери АЛИМОНАКИ (работает в Бюро переводчиков при Союзе писателей Гр. ССР). Его допрашивал следователь ГИОРГОБИАНИ. Следователь сказал, что на АЛИМОНАКИ есть донос с его прежней службы (Кинопрокат, директор Ч. АМИРЕДЖИБИ), в котором говорится, что АЛИМОНАКИ в разговорах часто оправдывал САХАРОВА и СОЛЖЕНИЦЫНА, негодовал по поводу русификации Грузии и т.п.

Следователь угрожал АЛИМОНАКИ арестом, обвинением по ст. 206-1 УК Гр. ССР (соотв. 190¹ УК РСФСР), если подобное повторится.

* * *

У московского математика-логика Ю. А. ГАСТЕВА в ночь с 4 на 5 июля произведен обыск в номере тбилисской гостиницы «Сакартвело». ГАСТЕВ прибыл в Тбилиси накануне для участия в симпозиуме по кибернетике. Обыск производили ст. следователь по особо важным делам майор И. В. ЦИНЦАДЗЕ и другие работники КГБ Грузии (всего 5 человек) в связи со «следственным делом № 18, возбужденным УКГБ Владимирской области». Искали «антисоветскую литературу». Изъяты самиздат (отчасти «тамиздат»), личные бумаги. Обыскивающие пытались завязать с ГАСТЕВЫМ «беседу» («Куда Вы дели остальное? Мы же знаем, что это не все!», «Где Вы были вечером?», «Кого Вы знаете в Тбилиси?», «Почему Вы не искренни? Все равно завтра, как все, все расскажете!» и т.п.). Особенно активен был зам. начальника оперативного отдела тбилисского КГБ Л. В. ШАНИДЗЕ (не упомянутый в протоколе обыска).

После обыска ГАСТЕВА не выпускали из гостиницы до 2-х часов дня. Всех приходивших к нему задерживали; двоих допросили на месте; двоих возили на допрос в КГБ.

Той же ночью в Тбилиси произвели еще один обыск (безрезультатный); на утро хозяина обыскиваемой квартиры возили на допрос в КГБ; вел допрос ШАНИДЗЕ.

5 июня в 3 часа дня начался обыск в московской квартире ГАСТЕВА; вели его «сотрудники отдела КГБ при СМ СССР» Б. Б. КАРАТАЕВ, В. И. РЯЗАНОВ и А. М. СМИРНОВ при двух понятых, проживающих в другом конце Москвы. Постановление выписано Владимирским УКГБ, начальник следственной группы — подполковник П. Ф. ЕВСЕЕВ. Изъяты личные бумаги, письма, самиздат. Обыск продолжался до 12 часов ночи.

8 июля ГАСТЕВ был допрошен во Владимирском УКГБ ст. следователем майором П. И. ПЛЕШКОВЫМ, ведущим «следственное дело № 38 об издании и распространении нелегального журнала «Вече» и другой антисоветской литературы» (по словам ПЛЕШКОВА, дело это — бывшее дело № 18 — «ведется по 70-й статье»). Следствие интересовалось, знаком ли и «поддерживает ли связь» ГАСТЕВ с В. Н. ОСИПОВЫМ, Г. Н. БОЧЕВАРОВЫМ, П. М. ГОРЯЧЕВЫМ и В. Е. КОНКИНЫМ (см. наст. выпуск.), а также происхождением изъятых у него бумаг (квалифицируемых ПЛЕШКОВЫМ как «антисоветские» и «идеологически вредные»). ГАСТЕВ заявил, что ни к изданию, ни к распространению «Вече» отношения не имеет; что не считает криминальными ни «Вече», ни изъятые бумаги; на вопросы, откуда они у него, отвечать отказался.

* * *

5 июня 1974 г. в Тбилиси в гостинице «Сакартвело» был задержан и доставлен в КГБ член тбилисской Инициативной группы по правам человека музыковед Мераб Иванович КОСТАВА (никаких

сведений о существовании Инициативной группы в Тбилиси у «Хроники» раньше не было).

КОСТАВА допрашивали начальник оперативного отдела майор Отар ЦКАРОВЕЛИ и заместитель председателя КГБ Грузии полковник ЗАРДАЛИШВИЛИ. Они интересовались, знаком ли КОСТАВА с Юрием ГАСТЕВЫМ, Валентиной ПАЙЛОДЗЕ (см. наст. выпуск), Звиадом ГАМСАХУРДИЯ. КОСТАВА подтвердил знакомство с двумя последними. На некоторые другие вопросы он отказался отвечать. Во время беседы работники КГБ вели себя вежливо и корректно.

* * *

18 марта из СССР выехали П. ЛИТВИНОВ и его жена М. РУСАКОВСКАЯ.

25 августа 1968 г. П. ЛИТВИНОВ вместе с Л. БОГОРАЗ, Н. ГОРБАНЕВСКОЙ, В. ФАЙНБЕРГОМ, К. БАБИЦКИМ, В. ДРЕМЛЮГОЙ, В. ДЕЛОНЕ участвовал в демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию.

Подпись П. ЛИТВИНОВА стоит под многими письмами протеста против нарушения прав человека в СССР.

П. ЛИТВИНОВ — один из авторов «Московского обращения» (см. наст. вып.).

* * *

28 марта выехали из СССР Б. ШРАГИН и его жена Н. САДОМСКАЯ. Автор многих петиций в защиту прав человека в СССР, Б. ШРАГИН — также один из авторов «Московского обращения».

* * *

11 апреля покинула СССР вдова И. ГАБАЯ Галина ГАБАЯ.

* * *

После долгих мытарств (Хр. 26, «Хроника защиты» 1-5, 7, 9) добились выезда в Израиль артисты Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова супруги В. ПАНОВ и Г. РОГОЗИНА.

* * *

В декабре 1973 г. и в марте 1974 г. выехали в Израиль сын и родители физика А. ВОРОНЕЛЯ. (см. наст. выпуск).

* * *

25 июня 1974 г. покинул СССР известный драматург и автор песен Александр ГАЛИЧ. Его песни послужили причиной исключения его из Союза писателей СССР в 1971 году (см. Хр. 23, 24). Кроме того, ГАЛИЧ известен как автор письма в защиту В. БУКОВСКОГО и других писем протеста.

* * *

15 марта 1974 г. на длительное время выехал из СССР писатель В. МАКСИМОВ. О его исключении из Союза писателей писала

«Хроника» № 30. В СССР у МАКСИМОВА вышло несколько сборников повестей и рассказов. В Самиздате известны его романы «Семь дней творения» и «Карантин».

* * *

В конце мая на длительные гастроли выехал из СССР известный виолончелист, профессор Московской консерватории, лауреат Ленинской премии, Народный артист СССР Мстислав РОСТРОПОВИЧ. Позднее выехала его жена, певица, народная артистка СССР Галина ВИШНЕВСКАЯ. Дружба с А. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ и выступления в его защиту были одно время причиной серьезных неприятностей для РОСТРОПОВИЧА.

* * *

Александр УЧИТЕЛЬ (г. Рязань), отбывший 4-летний срок заключения (саратовско-рязанское дело, 1970 год — Хр. 12), подал документы на выезд в Израиль и получил отказ. Мотивы отказа: наличие судимости, неотбытый еще надзор милиции, а также то, что в паспорте он записан русским.

А. УЧИТЕЛЬ сообщил, что 4 мая 1974 г. он объявил голодовку, требуя разрешения на выезд.

* * *

В Москве вышли 5-й и 6-й выпуски неофициально издаваемого сборника «Евреи в СССР».

* * *

Издательство «Хроника Пресс» выпустило в свет 5, 6, 7, и 8 выпуски «Хроники защиты прав в СССР».

Среди редакторов 8-го выпуска назван Павел ЛИТВИНОВ.

* * *

17 мая 1974 г., рассмотрев соответствующие документы, Консульский отдел посольства США в Москве признал, что мать Симаса КУДИРКИ, Мария Ионо ШУЛЬСКЕНЕ, является гражданкой США со времени ее рождения, и выдал ШУЛЬСКЕНЕ американский паспорт.

Сообщают, что компетентные власти в Вашингтоне рассматривают вопрос о признании американским гражданином С. КУДИРКИ.

* * *

6 апреля 1974 г. сотрудник Института биологии развития АН СССР, доктор биологических наук И. М. ШАПИРО, будучи в Италии в составе группы научного туризма, попросил политического убежища.

В связи с этим в апреле-мае этого года «положение» в ИБР АН СССР неоднократно разбиралось в партийных и научно-административных инстанциях. Было принято решение пересмотреть состав Ученого совета. Кроме ШАПИРО, из него решено вывести еще четырех — все они евреи. Группа, которой руководил ША-

ПИРО, ликвидирована. Отстранен от руководства лабораторией известный эмбриолог А. А. НЕЙФАХ. В организации этих административных репрессий очень активную роль играл академик Н. П. ДУБИНИН.

21 июня скончался директор ИБР академик Б. Л. АСТАУРОВ.

НОВОСТИ САМИЗДАТА

В марте 1974 г. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН опубликовал свое «Письмо вождям Советского Союза», написанное еще 5 сентября 1973 г. Письмо это вызвало большое число откликов самого различного характера. Первый из этих откликов — «О письме Александра СОЛЖЕНИЦЫНА «Вождям Советского Союза» — А. Д. САХАРОВА. Ввиду безусловного интереса, который представляет развернувшаяся дискуссия для самых различных кругов читателей, «Хроника» предполагает подробно осветить ее в одном из ближайших выпусков.

* * *

«Жить не по лжи» (Сборник, посвященный «делу СОЛЖЕНИЦЫНА», Москва 1974).

Сборник охватывает период с августа 1973 по февраль 1974 г.г. Представлены критические отзывы, публицистические выступления, газетные статьи, открытые письма, обращения, посвященные выходу в свет «Архипелага ГУЛаг» и событиям, с этим связанным. Материалы широко иллюстрированы выдержками из «Архипелага».

* * *

Стала известна короткая рецензия на сборник, выдержки из которой приведены ниже.

«Книга сделана в традиционном самиздатском жанре, который иногда называют жанром «Белой книги». Сборник «Жить не по лжи» встает в один ряд с «Делом Синявского и Даниэля» А. ГИНЗБУРГА (1966), «Полднем» Н. ГОРБАНЕВСКОЙ (1969), отчасти с «Процессом четырех» П. ЛИТВИНОВА. Как и бывает в книгах этого рода, полнота и противоречивость представленных мнений оборачивается публицистической доказательностью, а лапидарность авторского текста, его подчеркнутое предпочтение документу, разнородность материалов приобретает художественную значимость. Сборник, несомненно, является столько же фактом художественной литературы, сколько и общественно-политическим, публицистическим выступлением, сколько и документальным свидетельством. Известная формула «Вся правда, только правда, ничего, кроме правды» реализуется здесь не только в ее морально-этическом, но и в эстетическом звучании...».

* * *

И. Р. ШАФАРЕВИЧ. О некоторых тенденциях развития математики. (Лекция по случаю официального вручения Хейнemannовской премии Геттингенской академии наук).

Крупный советский ученый, член-корр. АН СССР, считает, что развитие математики, не имея единой цели, приводит к неограниченному накоплению идей, в принципе одинаково глубоких. При этом математика «...не может выработать и представления о своей форме, ей остается в качестве идеала ничем не регулируемый рост, а вернее, расширение по всем направлениям». «Не превращается ли математика в поразительно красивый вариант «дурной бесконечности» Гегеля?» — спрашивает ШАФАРЕВИЧ. «Очевидно, что такое развитие науки противоречит ощущению осмысленности и красоты». Автор считает, что решение этой проблемы возможно на двух путях. Первый путь — «извлечь цель математики из ее практических приложений» — он решительно отвергает. По его мнению, практическая ценность многих гениальных открытий науки — нулевая. Остается только одна возможность: «Цель математике может дать не низшая сравнительно с нею, а высшая сфера человеческой деятельности — религия». Возможность такого решения Шафаревич иллюстрирует историей возникновения математики в рамках пифагорейской школы.

ШАФАРЕВИЧ полагает, что сходная проблема возникла сейчас во многих отраслях человеческой культуры. Он надеется, что решение этой проблемы для математики «может послужить моделью для решения основной проблемы нашей эпохи: обрести высшую религиозную цель и смысл культурной деятельности человечества».

* * *

В. НЕКРАСОВ. Кому это нужно?

Писатель Виктор НЕКРАСОВ рассказывает о разных преследованиях, которым он подвергался последние 11 лет: персональное партийное дело и строгий выговор в 1963 г. за очерки об Америке «По обе стороны океана»; персональное дело и строгий выговор в 1969 г. за письмо в защиту украинского литератора ЧЕРНОВОЛА и за речь в день 25-летия расстрела евреев в Бабьем Яру; исключение из партии в 1972 г. — «за то, что позволяет себе иметь собственное мнение, не совпадающее с линией партии»; каждый раз, кроме бесед, объяснений, проработки, дело оборачивается прекращением публикаций.

В 1974 г. — унизительный обыск, изъятие архива — в том числе черновых рукописей писателя, затем допросы. НЕКРАСОВ говорит о расплывчатости, о переменчивости понятия «антисоветский», о праве писателя иметь свой неприкосновенный архив, о праве писателя на доверие своей страны. Попраание этих прав, невозможность писать и публиковать свои произведения ведет к эмиграции — НЕКРАСОВ называет имена своих друзей, покинувших страну. Если власти хотят таким образом избавиться от независимо мыслящей интеллигенции, то для страны, для народа, говорит НЕКРАСОВ, это невозможные потери: «Ведь следовательно из КГБ не напишут нам ни книг, ни картин, ни симфоний». Если же власти хотят таким путем вынудить людей поступиться

своей совестью — «Нет, пусть лучше уж читатель обойдется без моих книг... Он, читатель, ждет. Но не пасквилей, не клеветы, он ждет правды. Я никогда не унижу своего читателя ложью».

* * *

«ВЕЧЕ», № 10, 19 апреля 1974 г. (153 машинописных страницы).

Содержание номера: сообщение редакции;* заявление редакции от 14 марта 1974 г.;* пасхальное послание Патриарха Московского и всея Руси ПИМЕНА; «Служить России — значит нести ее крест», И. В. ОВЧИННИКОВ (ответственный редактор № 10); «К 100-летию со дня рождения Н. А. БЕРДЯЕВА» (выдержки из сборника статей БЕРДЯЕВА «Судьба России», Москва 1918); «В Оптине», В. КАПИТАНЧУК (размышления автора в связи с поездкой в Оптину пустынь); 5 стихотворений Н. С. ГУМИЛЕВА; «По поводу полемики между САХАРОВЫМ и СОЛЖЕНИЦЫНЫМ», А. СКУРАТОВ; «О «колониальной» политике России» (аноним); «О некоторых тенденциях развития математики», И. Р. ШАФАРЕВИЧ (перепечатка без ведома автора);** 2 главы из книги А. СКУРАТОВА «Триумф самоубийц»; окончание повести А. ГАВРИЛОВА «Братск-54»; 2 стихотворения Олега ОХАПКИНА (именно перед этими стихами помещено загадочное заявление редакции: «...Авторские права резервируются за журналом «Вече»; случаи, когда литературные произведения публикуются с согласия автора, будут оговариваться особо); «Реплика» — ответ на комментарий «Национальная русская оппозиция в Советском Союзе», переданный радиостанцией «Немецкая волна» 17 апреля 1974 г.; «Нечто о метаморфозах вкусов и мнений», В. ФИЛАТОВ (полемика со статьей В. БУРЦОВА «Нечто о вкусах и мнениях», «Лит. газета» № 9 за 1974 г.); письмо в редакцию «Вече» В. ВЕРЕСОВА и ответ редакции; письмо в редакцию «Вече» М. АГУРСКОГО и ответ редакции; Хроника.*

Перечисленные в содержании материалы этого (по-видимому, последнего*) номера журнала «Вече» более подробно пока не аннотируются: поскольку значительная их часть связана с предыдущими публикациями «Вече», лишь частично отраженными в прошлых выпусках «Хроники», было бы, очевидно, целесообразно вернуться к некоторым материалам и № 10 в специальном обзоре всего издания (№№ 1-10) в целом.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

В этом разделе аннотированы, приведены в выдержках или полностью те из многочисленных доступных «Хронике» заявлений, которые не нашли достаточного отражения в других разделах выпуска.

* См. наст. выпуск (О журнале «Вече»).

** Аннотацию см. в наст. выпуске.

**Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВ!
Президент США Р. НИКСОН!**

Вы встречаетесь, чтобы обсудить вместе многие важные для двух великих стран и для всего мира политические дела. Я призываю Вас во время Вашей встречи уделить внимание также проблемам гуманности и основных прав человека. Эти проблемы не являются политическими, но их решение в огромной мере способствовало бы международному доверию и разрядке.

Способствуйте взаимной осведомленности граждан наших стран, гласности, свободе религии и мысли в духе Всеобщей декларации прав человека, в частности, ее 19-ой статьи. Способствуйте освобождению политзаключенных, прекращению преследований за религиозные убеждения, за попытку покинуть страну. Способствуйте немедленному освобождению таких светлых и мужественных людей, как БУКОВСКИЙ (волнующее письмо матери этого благородного человека, подвергаемого жестоким несправедливостям, Вы, наверно, получили), ГРИГОРЕНКО, ПЛЮЩ, МОРОЗ, ГЛУЗМАН, ЛЮБАРСКИЙ К., КУДИРКА, УБОЖКО, ДЖЕМИЛЕВ Р., АКИМОВ, БОЛОНКИН, ХАУСТОВ, ШУМУК, ШУХЕВИЧ, ФЕЛЬДМАН, ГАВРИЛОВ, ПОНОМАРЕВ, Надежда и Иван СВЕТЛИЧНЫЕ, жена и муж СТРОКАТАЯ и КАРАВАНСКИЙ, жена и муж Сильва ЗАЛМАНСОН и КУЗНЕЦОВ Э., жена и муж Ирина КАЛЫНЕЦ-СТАСИВ и КАЛЫНЕЦ, Стефания ШАБАТУРА, Ирина СЕНИК, Дарья ГУСЯК, братья Вульф и Израиль ЗАЛМАНСОН, ЛУПЫНОС, ЧЕРНОВОЛ, ДРЕМЛЮГА, МАКАРОВ, РУШКЕНАС, СИМУТИС, РУДАЙТИС, ПОВИЛОНИС, САКАУСКАС, ШАХВЕРДЯН, РОМАНОВ А., АБАНЬКИН, МИШЕНЕР, ХАНЦИС, БАБИЧ, СУСЛЕНСКИЙ, САДО, ОГУРЦОВ, ФРОЛОВ, ПАПАДЮК, СВЕРСТЮК, МАРКМАН, МОГИЛЕВЕР, ШКОЛЬНИК, АЛЬТМАН, ФЕДОРОВ, МУРЖЕНКО, МЕНДЕЛЕВИЧ, ДЫМШИЦ, ХНОХ, БУТМАН, КОМАРОВ, АЗЕРНИКОВ, МЕЛЬНИЧУК, МАКАРЕНКО, ШНАРР, ЛАДЫЖЕНСКИЙ, ПЕНСОН, ПИРОГОВ, НЕКИПЕЛОВ, СУПЕРФИН, СТАРЧИК, ДАНДАРОН, МОНТЛЕВИЧ, БУТКУС, ЛАВРОВ, ВАЙЛЬ, АМАЛЬРИК, ХЕЙФЕЦ.

Список этот далеко не полон, потому что многих я не знаю. Каждое имя тут — трудная и героическая судьба. Эти люди не занимались политической деятельностью, не подрывали государственных устоев. С полным правом их можно назвать узниками совести, жертвами несправедливости и трагических обстоятельств.

Я перечисляю тут советских узников, это не значит, что я считаю, что несправедливости творятся только в нашей стране, просто я пишу то, в чем больше осведомлен.

Сделайте, что в Ваших силах хотя бы для некоторых — женщин, старых и больных, осужденных повторно — таких суды карают особенно несправедливо. Способствуйте немедленному освобождению всех, находящихся в заключении больше установленного законом 15-летнего срока.

Способствуйте международному контролю над местами заклю-

чения во всех странах — ведь именно там чаще всего нарушаются права человека и гуманность.

Ничто так не опасно для человечества, как замалчиваемое, скрываемое зло и насилие.

Способствуйте кардинальному и окончательному решению в демократическом духе проблемы свободы передвижения, свободы эмиграции и возвращения так, как это диктуется 13-й статьей Всеобщей декларации прав человека. Полное осуществление этого права очень существенно для международного доверия и понимания, для выравнивания экономики, социальных и правовых стандартов.

Если Вы уклонитесь от задач гуманности, Вы лишите Ваши начинания живой духовной силы, обречете их на бесплодность и не добьетесь осуществления высоких целей мира и безопасности. Я хочу верить, что Вы этого не хотите.

С глубоким уважением
Андрей Сахаров, академик
25 июня 1974 г.

* * *

А. Д. САХАРОВ прокомментировал свое письмо Л. И. БРЕЖНЕВУ и Р. НИКСОНУ в заявлении американскому телевидению, заканчивающимся словами: «Я за разрядку, но разрядка-сговор, разрядка-капитуляция были бы катастрофой, предательством людей во всем мире. Истинная разрядка, истинная гарантия безопасности — это не только переговоры государственных деятелей, но в первую очередь контакты, взаимное доверие и взаимопонимание рядовых граждан».

* * *

Я, САХАРОВ Андрей Дмитриевич, объявляю с 24 часов 28 июня с.г. голодовку в знак протеста против незаконных и жестоких репрессий политзаключенных. Я требую немедленного облегчения участи, пересмотра дела и освобождения ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО.

Имя БУКОВСКОГО стало символом жертвенной борьбы за права человека и гуманность в нашей стране, те репрессии, которым он подвергается — это вызов совести человечества. Я прошу рассмотреть мою голодовку как поддержку моего обращения, направленного Генеральному Секретарю ЦК КПСС и Президенту США, и всех содержащихся в этом обращении призывов.

* * *

Международному Красному Кресту Срочная телефонограмма

Считая человеческое милосердие стоящим вне всякой политики и выше всякой политики, я призываю вас, добровольно принявших на себя Крест активного проявления милосердия — помощи всем страдающим — оказать немедленную поддержку находящимся в **отчаянном** положении узникам совести со-

ветских концентрационных лагерей, тюрем, психиатрических тюрем.

Сегодня в вашей помощи особенно нуждаются
ВЛАДИМИР БУКОВСКИЙ, ВАЛЕНТИН МОРОЗ, ЛЕОНИД ПЛЮЩ,
АЛЕКСЕЙ СЕРГИЕНКО, АЛЕКСАНДР ФЕЛЬДМАН.

Надеюсь, что ваше активное выступление в их защиту сделает еще одно доброе дело: даст возможность родственникам и друзьям уговорить академика АНДРЕЯ САХАРОВА, преисполненного трогательной любви к людям и готового страдать вместе с ними, прекратить начатую им голодовку. Продолжение голодовки может пагубно отразиться на состоянии здоровья А. Д. САХАРОВА.

1 июля 1974 года

Татьяна ХОДОРОВИЧ

* * *

Поддерживаю протест Андрея Дмитриевича САХАРОВА против бесчеловечных условий содержания советских политзаключенных и присоединяюсь к его требованию политической амнистии.

Солидаризуясь с А. Д. САХАРОВЫМ, объявляю голодовку со 2-го июля.

Анатолий МАРЧЕНКО
г. Таруса Калужской области
ул. Луначарского, д. 39.

* * *

4 июля 1974 г. А. Д. САХАРОВ сделал заявление, заканчивающееся словами: «...Мое обращение и голодовка поддержаны многими людьми в СССР и за рубежом, привлекли большое общественное внимание.

Я принял вынужденное медицинскими причинами решение ограничить срок своей голодовки шестью днями. Сегодня утром я кончаю голодать.

Но нельзя забыть, что на карцерном голодном режиме Владимирской тюрьмы опухает Владимир БУКОВСКИЙ, в Днепропетровской психиатрической тюрьме подвергается мучениям Леонид ПЛЮЩ, после семи лет тюремного заключения в Пермской тюрьме томится Игорь ОГУРЦОВ, которому угрожают психиатрической расправой. Я умоляю мировую общественность, всех честных людей не ослаблять усилий в их защиту, в защиту всех тех других, которые страдают столь же несправедливо.

Я надеюсь, что руководители моей страны проявят добрую волю и пойдут навстречу этому стремлению, начав с самого простого — милосердия к страдающим.

Я глубоко убежден, что не только духовное здоровье человечества, но и само физическое его сохранение зависят от соблюдения основных прав человека и гуманности.

* * *

Т. ХОДОРОВИЧ. По велению совести

Автор заявляет, что относит себя не к партии, не к организации, а к людям, которых объединяет «естественное чувство сострадания

к несправедливо гонимым, уважение к человеческой личности, к ее свободному духу, к правде». Этим людей называют сейчас «диссидентами», «инакомыслящими», — говорит Т. ХОДОРОВИЧ и утверждает, что эти названия не отражают советскую реальность, а лишь затемняют истину: в Советском Союзе нет оппозиции, нет противопоставления мыслящих так и иначе, а «есть люди с одной стороны, а с другой — безликое, организованное и выдрессированное насилие с одним единственным хорошо развитым инстинктом: **всякую** мысль надо душиТЬ.., как только эта мысль исходит от отдельной личности».

Касаясь неофициально передаваемых предложений: молчите, и за это будет облегчена участь некоторых Ваших репрессированных друзей, — Т. ХОДОРОВИЧ говорит, что свой долг она видит в том, чтобы сохранить свою творческую и духовную свободу «даже ценой утраты свободы обычной». Она отказывается от предлагаемой ей торговли собственной совестью. Сущность своей позиции она определяет как нравственное сопротивление насилию и несправедливости.

* * *

В январе 1974 г. Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, Т. ХОДОРОВИЧ опубликовали заявление, в котором говорится:

«...С недавнего времени нам, членам Инициативной группы защиты прав человека в СССР, а также некоторым другим людям, не желающим молчать, передаются исходящие от неназываемых лиц предложения: поручитесь за такого-то из ваших друзей, находящегося в заключении, и его участь будет облегчена. ...Содержание поручительства простое: и заключенный, и поручитель должны впредь молчать...

Мы поставлены перед невыносимо трудным выбором — вымогательство рассчитано точно и жестоко. Мы знаем, нельзя осудить никого, кто пошел бы на эту сделку, — такой шаг диктуется жалостью и любовью. Но пожертвовать своим духом — это самоубийство, чужим — убийство. Духовное.

На это мы пойти не можем.

И тем, кто ставит нас в такое положение, мы можем сказать только одно:

— Нет.

Ваши дела, ваша совесть, ваш грех — ваш ответ.

Хотите использовать заложничество?

Мы вам не помощники».

* * *

12 февраля 1974 г. Елена БОННЭР, Татьяна ВЕЛИКАНОВА, Сергей КОВАЛЕВ, Андрей Сахаров, Татьяна ХОДОРОВИЧ, Андрей ТВЕРДОХЛЕБОВ в связи с известиями о резком ухудшении состояния Л. ПЛЮЩА направили международным организациям обращение, заканчивающееся словами: «...Леонид ПЛЮЩ находится на краю гибели. Мы призываем вас добиваться международной инспекции Днепропетровской специальной психиатрической больницы, как и других больниц этого типа, международной экспертизы

состояния здоровья Леонида ПЛЮЩА и передачи его для восстановления разрушенного здоровья в зарубежную больницу. Обращение к вам и в вашем лице к международной общественности — единственный остающийся для нас путь к спасению жизни Леонида ПЛЮЩА».

Это заявление было распространено международной Лигой прав человека и, в частности, было направлено Генеральному секретарю ООН ВАЛЬДХАЙМУ.

* * *

6 марта 1974 г. Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, А. Э. ЛЕВИТИН (КРАСНОВ), Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ, А. САХАРОВ, Т. ХОДОРОВИЧ обратились в Международный Комитет защиты прав человека, в Международную Лигу защиты прав человека, в Международную Амнистию, к рабочим и профсоюзным организациям всего мира с призывом выступить в защиту В. ХАУСТОВА и не допустить повторной расправы над ним. Авторы пишут: «...Обвинения против ХАУСТОВА состояли, в частности, в том, что он по просьбе друзей привез в Орел некоторые документы Самиздата и участвовал в передаче за рубеж тюремного дневника Э. КУЗНЕЦОВА. Именно эти действия, которые являются вполне нормальным осуществлением информационного обмена, послужили основанием для обвинения в антисоветской деятельности и сурового приговора. Дело ХАУСТОВА — еще одно звено в длинной цепи преследований за убеждения...».

7 марта к этому обращению присоединилась М. ЛАНДА.

* * *

16 марта было опубликовано заявление в защиту СУПЕРФИНА. В заявлении, в частности, говорится:

«...Соккрытие преступления неизбежно порождает новые. Так будет, пока не очищена общественная совесть, пока правда не сказана в полный голос. И до той поры все, кто посмеет сделать тайное явным, будут оказываться «виновными». По логике преступления с в и д е т е л е й быть не должно. И вот их судят за «клевету», сажают в лагерь, гноят в тюрьмах и сумасшедших домах, выбрасывают за границу.

Но главное — их хотят заставить признать, что их с в и д е т е л ь с т в о — уголовное преступление. Этой цели подчинена вся механика следствия. ...И нам, живущим на свободе, не дано знать, как т а м, внутри, ломают человеческую душу. Если спектакль удастся, его показывают. А если нет?...» Указав далее, что СУПЕРФИН уже 4 месяца назад отказался от прежде данных им показаний, как это стало ясно на процессе ХАУСТОВА, авторы пишут: «...Но голос, чудом прорвавшийся к нам из глухоты следственного мешка, голос человека, нашедшего в себе силы противостать подлости и лжи и этим призвавшего на себя новую опасность, зовет нас к выбору: быть ли нам привычно тихими соучастниками еще одного преступления или пытаться предотвратить его?»

По этим вымученным и отвергнутым показаниям совсем недавно были допрошены десятки людей в Москве, Ленинграде, Риге,

Таллине, Тарту... И каждому лгали в лицо: «Подтвердите... он во всем сознался».

Вот сущность их методов — ложь. Она неизменно правит всем ходом следственной машины, которая не служит ни государству, ни его безопасности, но ради самосохранения требует все новых и новых жертв. И пока не будет вскрыта ее безнравственность и незаконная сущность, тень «архипелага ГУЛаг» будет неотступно следовать за нами.

До каких пор будут фабриковаться подобные «дела»? До каких пор невиновных людей, лишенных связей с внешним миром, беззащитных против любого обмана и шантажа, будут перемалывать в следственных изоляторах?

МЫ ТРЕБУЕМ:

1. Немедленно прервать изоляцию Габриэля СУПЕРФИНА, допустить к нему родственников и выбранного ими адвоката.

2. Немедленно допустить комиссию Международной ассоциации юристов для выяснения всех обстоятельств следствия по делу СУПЕРФИНА и методов, применяемых КГБ.

3. Освободить СУПЕРФИНА и решить вопрос о прекращении следствия по его делу.

Заявление подписали: Евгений БАРАБАНОВ, Валентина БЕРДИЧЕВСКАЯ, Вадим БОРИСОВ, Татьяна БОРИСОВА, Татьяна ВЕЛИКАНОВА, Октябрина ВОЛКОВА, Владимир ВИГИЛЯНСКИЙ, Александр ГАЛИЧ, Юрий ГАСТЕВ, Сергей ГЕНКИН, Александр ГИНЗБУРГ, Людмила ГИНЗБУРГ, Галина ГЛАДКОВА, Владимир ГЛОЦЕР, Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ, Александр ГРИБАНОВ, Ирина ЖОЛКОВСКАЯ, Ольга ИОФЕ, Людмила КАРДАСЕВИЧ, Сергей КОВАЛЕВ, Вадим КОЗОВОЙ, Наталья КОМАРОВА, Илья КОРНЕЕВ, Александр ЛАВУТ, Борис ЛАНДА, Владимир ЛАПИН, Вера ЛАШКОВА, Юрий ЛЕВИН, Павел ЛИТВИНОВ, Борис МИХАЙЛОВ, Галина НАРИНСКАЯ, Григорий ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ, Ольга РОЖАНСКАЯ, Иван РУДАКОВ, Мария СЛОНИМ, Андрей ТВЕРДОХЛЕБОВ, Виктор ТИМАЧЕВ, Татьяна ХОДОРОВИЧ, Наталья ЧЕРВИНСКАЯ, Лидия ЧУКОВСКАЯ, Надежда ШАТУНОВСКАЯ, Сергей ХОДОРОВИЧ, Александр ШУСТЕР, Борис ШРАГИН.

* * *

А. САХАРОВ. Открытое письмо академику В. А. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

Академик В. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ, известный биохимик, во время посещения им Европы и США вел частные беседы с западными учеными, убеждая их не выступать в защиту САХАРОВА и его позиции. Один из существенных мотивов, приводимых ЭНГЕЛЬГАРДТОМ, — тревога за безопасность САХАРОВА. (Неизвестно, чтобы ЭНГЕЛЬГАРДТ советовал кому-либо на Западе выступить против САХАРОВА. Уместно напомнить, однако, что сам он осенью 1973 г. очень резко осудил САХАРОВА, опубликовав вместе с другими академиками общеизвестное письмо, послужившее сигналом для других подобных выступлений в СССР. — Хр.).

САХАРОВ в письме ЭНГЕЛЬРАДТУ говорит: «Я сам сознательно выбрал линию жизни, линию поведения, и не Вам их корректиро-

вать. Я убежден, что моя позиция, мои права, безопасность членов моей семьи... могут быть эффективно защищены только открытиями, решительными выступлениями». САХАРОВ снова подчеркивает необходимость гласности по всем вопросам, имеющим общественное значение.

Письмо датировано 29 марта 1974 г.

* * *

4 апреля 1974 г. А. Д. САХАРОВ, ссылаясь на информацию Эмнисти Интернейшнл о положении политических заключенных в Индонезии, обратился к Президенту Республики Индонезии генералу СУХАРТО.

А. Д. САХАРОВ пишет, в частности: «...я призываю Вас... объявить всеобщую политическую амнистию. Я считаю себя вправе обращаться к Вам с этой просьбой также и потому, что в своей стране вместе со своими единомышленниками я неизменно выступаю за амнистию всех политических заключенных и политических узников психиатрических больниц.

Гуманный и широкий акт амнистии никогда не угрожает политической стабильности объявившей его страны. Напротив, этот акт непременно должен способствовать смягчению социальных и межнациональных конфликтов как в объявившей его стране, так и далеко за ее пределами.

Я убежден в громадном нравственном и политическом значении, которое имело бы решение об амнистии не только для Индонезии, но и для всего человечества».

* * *

Т. ХОДОРОВИЧ. «Я больше не выдержу».

М. ЛАНДА. Справедливости и милосердия Валентину МОРОЗУ.

«Я больше не выдержу», — сказал В. МОРОЗ жене на последнем свидании.

В двух аннотируемых обращениях рассказывается о крайне тяжелом положении, в котором находится украинский историк и публицист Валентин МОРОЗ. Уже четыре года он содержится во Владимирской тюрьме, около двух последних лет — в одиночке. «Он близок к гибели», — говорит Т. ХОДОРОВИЧ.

Авторы обращений призывают всех честных людей выступить в защиту жизни Валентина МОРОЗА.

Обращение написано в начале апреля 1974 г.

* * *

В Международную Лигу прав человека

В Международный Комитет защиты прав человека

В Международную Амнистию

Суд в Орле приговорил Габриэля СУПЕРФИНА, литературоведа и переводчика, к 5 годам заключения и 2 годам ссылки. Обвине-

ния, приведшие к такому суровому приговору, — участие в передаче на Запад тюремного дневника Эдуарда КУЗНЕЦОВА и распространение «Хроники текущих событий». Оба эти обвинения — плод предрассудка, отождествляющего с преступной клеветой распространение нежелательной власти информации. Неужели факты и личные оценки, сообщаемые в тюремном дневнике осужденного на 15 лет заключения Эдуарда КУЗНЕЦОВА, столь секретны, что за предполагаемое участие в их опубликовании следует осуждать людей на заключение в тюрьмы и лагеря — сначала Виктора ХАУСТОВА (март 74 г.), потом СУПЕРФИНА (май 74 г.). В демократическом обществе пороки не скрывают, их пытаются исправлять и, во всяком случае, не преследуют за их обнаружение. Сказанное относится также к «Хронике текущих событий». Истинная причина сурового осуждения СУПЕРФИНА — как мы предполагаем — его отказ от данных им в первой половине следствия показаний. Мы не знаем, что пришлось ему пережить — человеку очень слабого здоровья, попавшему в руки, способные ради бюрократического успеха на очень многое. Но СУПЕРФИН нашел в себе силы противостоять этому давлению, и именно это ему не прощается. Мы призываем Международные Организации, прогрессивных и честных людей во всем мире требовать освобождения Габриэля СУПЕРФИНА — во имя справедливости и гуманности.

27 мая 1974 г.

А. САХАРОВ

А. ТВЕРДОХЛЕБОВ

* * *

А. МАРЧЕНКО. Заявление для прессы

Автор сообщает о безосновательном установлении над ним гласного надзора милиции. Истинная цель этой акции, как и ряда предшествующих (обыск, допрос, предостережение — все по надуманным формальным поводам), состоит в том, выражает предположение МАРЧЕНКО, чтобы вынудить его либо замолчать, либо эмигрировать. МАРЧЕНКО подчеркивает, что его заявление — не просьба о помощи: «Пусть мое сообщение будет еще одной частицей информации о стране, которая сегодня претендует на управление судьбами не одного человека, но всего мира».

Заявление датировано 15 мая 1974 г.

* * *

Ю. ОРЛОВ Заявление по поводу Международного научного семинара

Член АН Армянской ССР физик Ю. ОРЛОВ отвергает обвинение в разжигании национальной розни, предъявленное властями А. ВОРОНЕЛЮ — одному из организаторов Международного научного семинара. Он заявляет, что семинар этот — строго научный, но преследуется властями по политическим мотивам: в нем участвуют «те ученые, которые в результате произвола властей лишены работы».

ОРЛОВ благодарит организаторов семинара за то, что они спасают людей от дисквалификации.

Заявление датировано 18 июня 1974 г.

* * *

Заявление

В связи с 35-летием Ю. Т. ГАЛАНСКОВА

19 июня 1974 г. Юрию Тимофеевичу ГАЛАНСКОВУ, мученику борьбы за права человека в СССР, исполнилось бы 35 лет. Юрий ГАЛАНСКОВ погиб в лагерной больнице полтора года назад. Его смерть — жестокий итог бесчеловечного режима в тюрьмах и политлагерях СССР.

Мы, бывшие узники и друзья Юрия ГАЛАНСКОВА, напоминаем всем, в ком живо сострадание, что сегодняшний режим для политзаключенных в СССР есть продуманная система разрушения здоровья и глумления над человеческим достоинством. Циничное истязание генерала ГРИГОРЕНКО, домучивание БУКОВСКОГО, ОГУРЦОВА и сотен других «неисправимых» — вот «практический вклад» Советского Союза в дело международной разрядки. Совсем недавно политзаключенный Александр РОМАНОВ, до ареста студент-историк, доведенный произволом администрации до отчаянного протеста, бросился в запретную зону. Только случайность спасла его от неминуемой гибели.

В день 35-летия Юрия ГАЛАНСКОВА, человека и гражданина, мученика и гуманиста, мы вновь протестуем против варварского режима в политлагерях и тюрьмах СССР.

Мы призываем мировую общественность, Международный Красный Крест и организацию «Эмнести интернейшнл» приложить максимум усилий для скорейшего расследования условий содержания политических заключенных в Советском Союзе.

Леонид БОРОДИН, Николай ИВАНОВ, Владислав ИЛЬЯКОВ, Валентина МАШКОВА, Владимир ОСИПОВ, Вячеслав РОДИОНОВ, Станислав СЕРЫЙ.

Москва, 19 июня 1974 г.

* * *

Михаил АГУРСКИЙ, Виталий РУБИН, Инесса АКСЕЛЬРОД

Обращение к американским конгрессменам.

Новая волна незаконных арестов еврейских активистов знаменует приход в СССР президента НИКСОНА. Эти аресты не имеют ничего общего с мерами безопасности, учитывая, что они проводятся во многих городах и по отношению к людям, никогда не принимавшим участия в демонстрациях.

Аресты еврейских активистов представляют бесстыдный шантаж американского общественного мнения. За этот шантаж в равной мере несут ответственность как советское, так и американское правительство.

Мы призываем американских конгрессменов не поддаваться ни-

какому шантажу. Еврейские активисты знают, на что идут, выступая за свои права и за права еврейского населения СССР.

22 июня 1974 г.

* * *

Генеральному Секретарю ЦК КПСС
Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ

Арестованный повторно 4 года назад политзаключенный Валентин МОРОЗ после двух лет пребывания в одиночной камере Владимирской тюрьмы требует перевода в лагерь и объявляет голодовку.

Валентин МОРОЗ, ранее отбывший четырехлетний срок заключения, осужден на 6 лет тюрьмы, 3 года лагеря и 5 лет ссылки за составление репортажа об ужасах его первого заключения — только стремление властей скрывать позорную правду может объяснить их повторную жестокость. В тюрьме МОРОЗ страдал от нападений подсаженных к нему уголовников и был по его просьбе переведен в одиночку. Единственное нарушение режима, которое ему ставится в вину, — разговор на свидании с женой на украинском языке.

Я прошу Вас вмешаться и спасти честного и мужественного человека.

С глубоким уважением
Андрей САХАРОВ, академик.

25 июня 1974 г.

* * *

Физик Юрий ОРЛОВ, член-корр. АН Армянской ССР, 11 июля 1974 г. сделал заявление для прессы, в котором рассказывает о преследованиях по политическим мотивам, которым он был подвергнут.

В 1956 г., после выступления на собрании, где читался доклад ХРУЩЕВА XX съезду, он был вынужден уехать из Москвы; в 1973 г. за выступление в защиту САХАРОВА уволен из института Земного Магнетизма АН СССР; тогда же Академия наук Армении не приняла его на работу. Оставшись без работы, он принял участие в семинаре А. ВОРОНЕЛЯ, а затем представил доклад на международный научный семинар, который должен был открыться 1 июля. Начиная с 27 июня в течение 10 дней ОРЛОВ был подвергнут домашнему аресту, а его жена стала объектом открытой слежки. Был отключен телефон.

Ю. ОРЛОВ пишет: «...Я категорически протестую против преследований, которым я подвергаюсь за свои убеждения. Я требую немедленного восстановления на работе в соответствии с моей квалификацией. Я обращаюсь к международной научной общественности с просьбой выступить в защиту советских ученых, подвергающихся преследованиям по политическим мотивам».

* * *

7 мая 1974 г. Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, Т. ХОДОРОВИЧ передали 28, 29 и 30 выпуски «Хроники текущих событий» группе

западных корреспондентов. Тогда же опубликовали следующее заявление:

«Не считая, вопреки неоднократным утверждениям органов КГБ и судебных инстанций СССР, «Хронику текущих событий» нелегальным или клеветническим изданием, мы сочли своим долгом способствовать как можно более широкому ее распространению.

Мы убеждены в необходимости того, чтобы правдивая информация о нарушениях основных прав человека в Советском Союзе была доступна всем, кто ею интересуется».

В июне это заявление поддержала М. Н. ЛАНДА. Она пишет: «...Считаю своим человеческим долгом способствовать размножению и распространению «Хроники текущих событий», а также другой ценной внецензурной, официально не издающейся в Сов. Союзе литературы...».

ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Из сообщения «Хроники» № 15 о деле Революта ПИМЕНОВА можно было усмотреть, что к психиатрической экспертизе, признавшей его в свое время «шизофреником», была причастна его лечащий врач ГОЛАНД. Это впечатление не соответствует действительности: по словам самого Р. ПИМЕНОВА, д-р ГОЛАНД все время была на высоте своего врачебного долга.

* * *

В декабре 1973 г. в Самаркандском аэропорту был задержан перед вылетом в Москву делегат крымских татар Шевки МУХТЕРЕМОВ, а не МЕМЕТОВ, как ошибочно сообщалось в «Хронике» № 31.

* * *

Вадим Николаевич СОКОЛОВ (дело ПИРОГОВА) в 30-м выпуске ошибочно назван Владимиром.

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

- Амлинский 66
 Абанькин, В. 44, 87
 Аблязов, З. 9. 29
 Абухьявичус, Р. 71
 Агурский, М. 4, 6, 86, 95
 Азадовский 70
 Азбель, М. 60
 Азерников, Б. 43, 87
 Акимов 87
 Аксельрод, И. 95
 Алексеев, М. 63
 Алексеева, Л. 57-59
 Алимонаки, Л. 80-81
 Альтман 87
 Амалрик, А. А. 22, 47, 87
 Аметов, 9. 34
 Амиреджиби, Ч. 80
 Андропова, Е. С. 6
 Андропов, Ю. В. 12
 Анфисов 60
 Апраксин 11
 Аптекарь, Л. 6
 Астауров, Б. Л. 84
 Атчочунайте (Штаркене), Л. 40
 Афанасов 45
 Афанасьев 13, 14
 Ахматова, А. А. 17, 70

 Бабаян 51
 Бабель 70
 Бабицкий, К. 82
 Бабич, С. 50, 87
 Баева, Т. 57, 58
 Бакрадзе, Д. 41, 42
 Бакучионис 35, 36
 Барабанов, Е. 4, 6, 11, 92
 Бараташвили, О. 73
 Барвайнис, 35
 Барто, А. 45, 63
 Бауер, Л. 26
 Бахмин, В. 6
 Бачурина, А. А. 20
 Белгородская, И. 7, 10
 Белохов, В. 50
 Беляев, Н. Н. 17
 Бергман, П. 26
 Бердичевская, В. 92
 Бердяев, Н. 86
 Березин 49
 Березко 66
 Берестовский 76
 Берже 54
 Бериашвили, О. 41
 Бернштейн, Р. 12
 Берс, Л. 12
 Бёльль, Г. 4, 47
 Бичиашвили, Н. 73
 Боборыкин, А. Д. 68, 69
 Богданов, В. М. 19
 Богданович 25
 Богораз, Л. 6, 61, 78, 82
 Боков, Н. 77
 Болдин 33
 Болонкин, А. 43, 71, 87
 Боннёр, Е. Г. 6-8, 11, 56, 90
 Борисов, В. 92
 Борисов, Вл. 4, 56
 Борисов, И. Н. 19
 Борисова, Т. 92
 Боровиков, В. А. 78
 Бородин, Л. 95
 Бохан 24
 Бочеваров, Г. Н. 62, 81
 Брайловские, В. и И. 60
 Браун 49
 Брежнев, Л. И. 15, 18, 71, 87-88, 96
 Бресенден, Е. 23-25
 Бровман 65, 66
 Бродский, И. 21, 22, 67-69
 Бугай, О. 71
 Будулак-Шарыгин, Н. 42, 49
 Буковская, Н. И. 45
 Буковский, В. 7, 8, 45, 46, 49, 53, 56, 82, 87-89, 95
 Булгаков, М. 70
 Бурахин, И. 22
 Бурсов, В. 86
 Буткус, Д. 87
 Бутман, Г. 46, 87
 Бутова 47, 49
 Вабищев, Г. 44
 Вайль, А. 54
 Вайль, Б. 80, 87
 Вайцекускас 35
 Вайчунас, В. 38
 Вальдхайм, К. 26, 27, 31, 91
 Варгафтик, Е. 22
 Варламова, И. 64
 Василян, О. 51
 Ваשאкидзе 80
 Ващенко, Г. Л. 24, 25
 Великанова, К. М. 12, 14
 Великанова, Т. М. 6, 13, 27, 45, 51, 56, 57-59, 90-92, 96-97
 Вересов, В. 86
 Вигилянский, В. 92
 Вилкуте, М. 38
 Виньковецкий, Я. 22
 Вишневская, Г. 83
 Воинов 66
 Войнович, В. 3, 6-67
 Волков 70
 Волкова, В. 92
 Вольскене, О. 39
 Воронель, А. 57-61, 82, 94, 96
 Воронов, И. 74, 75
 Воронянская, Е. Д. 3, 67
 Воропаев 14
 Воскобойников, В. 22
 Вудка, Ю. 49
 Вылегжанин 76
 Выходцев, П. С. 68

 Габай, Г. 82
 Габай, И. 82
 Гавенайте, М. 39
 Гаврилов, А. 86
 Гаврилов, Г. 51, 87
 Гавронскис 35
 Галансков, Ю. Т. 10, 42-43, 65, 95
 Галич, А. А. 3, 17, 82, 92
 Гамсахурдия, З. 82
 Ганичев 42

- Гастев, Ю. 62, 81, 82, 92
 Гафаров, Ш. 12
 Гей, П. 12
 Гекстер, Дж. Х. 12
 Генкин, С. 92
 Гершуни, В. Л. 56
 Герасимова, С. М. 17
 Гинзбург, А. И. 10, 11, 65, 71, 72, 84, 92
 Гинзбург, Л. И. 92
 Гиоргобиани 80
 Гитлер, А. 36
 Глаголева, Р. 21, 23
 Гладкова, Г. 92
 Глоцер, В. 92
 Глузман, С. 87
 Голанд 97
 Голдырев 45
 Голубев 70
 Гольдфельд, А. 43, 51
 Горбаневская, Н. 82, 84, 92
 Горький, М. 10
 Горячев, П. М. 62, 81
 Гофман, В. А. 18, 19
 Грабарь, М. И. 71
 Гражис, И. 38
 Грачев 57
 Гребенщиков 11
 Грибанов, А. 92
 Грибачев, Н. 63
 Григас, В. 26
 Григоренко, А. П. 52
 Григоренко, З. М. 52, 53
 Григоренко, П. Г. 7, 14, 51-53, 87, 95
 Гудас, К. 38
 Гуделис, И. 38
 Гудукене 40
 Гуковский 70
 Гумилев, Н. С. 86
 Гуревич 9
 Гуро, И. 66
 Гурфель, В. 60
 Гусак, Г. 15
 Гусьяк, Д. 87
 Гусьякова 4

 Дагджи, Н. 33
 Дандарон, Б. Д. 87
 Данилов 23, 24
 Данилюк, И. Ф. 80
 Данини, М. 22
 Даниэль, Ю. 66, 84

 Дар, Д. 64
 Двинин, В. 54, 55
 Дворцин 13, 14, 16
 Делоне, В. 82
 Демьяненко, В. С. 28
 Джапаридзе, О. 40, 41
 Джемалетдинова, З. 33
 Джелалов, Р. 29
 Джемилев, М. 26-27
 Джемилев, Р. 31, 87
 Джемилева, Р. 31
 Дин-Оглы, М. 32
 Дмитриевский, Е. Н. 12, 14
 Долгий, В. 4
 Долженко, Н. А. 28
 Домашнев, А. И. 69
 Драчук 48
 Дремлюга, В. 73-76, 82, 87
 Дубинин, Н. П. 84
 Дудко, Д. 79
 Дымшиц, М. 87

 Евсеев, П. Ф. 81
 Егерев, В. П. 21
 Ежов 48
 Еремеев, И. 60
 Ершов, М. В. 80

 Жарецкий 37
 Желудков, С. 6, 45
 Жернов 60
 Жипре, А. 44
 Жирмунский 70
 Житникова, Т. 76-77
 Жолковская, И. 11, 92
 Жукаускас, Ш. 35-37
 Жуков, Ю. 63
 Жуковский, И. 42
 Журавков 45

 Забулис 40
 Завьялкин 47
 Загреба, В. 21-22
 Займан, Дж. 60
 Зайцев, В. 4
 Залмансон, В. и И. 87
 Залмансон, С. 43, 87
 Зардалишвили 82
 Зарицкий 76
 Зверев 4, 5
 Здебскис, И. 39
 Зейнетдиновы 32
 Зорин, А. 15
 Зумер 40

 Ибрагимов, Р. 32
 Ибрагимова, Д. 33
 Иванов, А. М. 62
 Иванов, Н. 95
 Иванов, П. Л. 69
 Игнатас 35
 Иконников 25
 Ильинов, В. М. 73
 Ильяков, В. 95
 Ионова 33
 Иофе, Н. Я. (Шатуновская) 6, 92
 Иофе, О. Ю. 6, 92
 Ишматов, Р. 32

 Йыгесма, Х. 57

 Кабаков, Ф. А. 78
 Кавалюскайте 35
 Кадагидзе, Б. 73
 Кадыровы 32
 Каланта, Р. 38, 71
 Калениченко, В. 44
 Калынец, И. 87
 Канарский, В. 70
 Капитанчук, В. 86
 Каплун, И. 6
 Капустина, И. И. 28
 Караванский, С. 87
 Каратаев, Б. Б. 81
 Кардасевич, Л. 92
 Картан, А. 54, 55
 Катаев, В. 63
 Катаев, Ш. А. 29
 Кац, М. 60
 Кальштейн 60
 Киквидзе 42
 Ким, Ю. 76
 Кисляк, В. 77
 Князев 60
 Ковалев, С. 6, 13, 27, 45, 51, 56, 90-92, 96-97
 Кожан 71
 Кожемякина 51
 Козырев 52
 Колаковский, Л. 10, 21, 78
 Коломин, В. 44
 Комаров 87
 Комарова, Н. М. 14, 92
 Конкин, В. Е. 62, 81
 Коновальцев 71
 Копейко, Н. 57
 Копелев, Л. З. 64
 Коркач 77

- Борнеев, И. 92
 Борнилов, В. 64-65
 Коровин, Ф. Я. 78
 Боролюков 66
 Короторев, Б. И. 17
 Коршия, Ц. 73
 Костава, М. И. 81-82
 Костерин, А. И. 7
 Косточка, В. К. 16, 19
 Котов 45
 Кошельная, В. Д. 28
 Кравцова, Н. Л. 28
 Красильщиков 65
 Красин, В. 7, 10, 18, 20, 58, 74, 75
 Кречкова, Л. А. 19
 Кристи, И. 57-59
 Кровец, Н. Л. 33
 Кублановский, Ю. М. 20
 Кудабя 35
 Куделайте, Б. 39
 Кудирка, С. 35, 83, 87
 Кузин 7
 Кузнецов, Э. 7, 9-11, 87, 91, 94
 Кузьмин, И. 57
 Булагин, А. 28, 29
 Кулешов, Л. Ф. 19
 Кульба 69
 Кунт, Т. 60
 Куркис 45
 Куртсеитов, Э. 33
 Куртумеров, Э. 28-31, 33
 Кухалейшвили 41
 Куцак 48

 Лавров, Ю. 87
 Лавут, А. 6, 92
 Ладыженский, Л. А. 10, 78, 87
 Лазаревичус 38
 Ланда, Б. 92
 Ланда, М. Н. 6, 14, 46, 91, 93, 97
 Ланская 16, 19
 Лапин, В. 92
 Лашкова, В. И. 92
 Лебедев, Ю. 18
 Левин, Ю. 92
 Левитин, К. 22
 Левитин-Краснов, А. Э. 6, 13, 27, 45, 46, 51, 57, 91
 Левич, В. 60
 Лекишвили, Н. 72-73

 Ленин, В. И. 16, 41
 Ленкин, А. 71
 Лернер, А. 60
 Лесневский 66
 Лесько, О. В. 19
 Лесючевский 63
 Лехтгольц, Ю. 77
 Лимаускас 38
 Лисовская, Н. 57-59, 76
 Литвинов, П. 6, 45, 78, 82, 83, 84, 92
 Лифшиц 76
 Лишак 32
 Ломейко, В. 31
 Лось, Е. 46
 Лумбене, Я. 38
 Лунц, А. 60
 Лупынос 87
 Любарский, К. А. 42, 58, 87

 Макаревский 71
 Макаренко, М. Я. 44, 45, 87
 Макаров 87
 Максимов, В. 3, 6, 64, 82-83
 Мальчевский, С. 49
 Маляров 5, 6
 Мандельброт, С. 60
 Мандельштам, О. 70, 77
 Марамзин, В. Р. 21, 22, 67
 Маргулис 78
 Маркман 87
 Марченко, А. 6, 21, 57-59, 71, 72, 89, 94
 Матиошайтене 35
 Матисов, В. 55
 Матулионис 39
 Матусевичене, А. 39
 Мацкевичус, А. 35-37
 Машкова, В. 95
 Медаускайте, М. 39
 Медведев, Ж. А. 36, 63
 Медведев, Р. А. 4, 36
 Медников, А. 63
 Мельникова, С. 62
 Мельничук 87
 Меметов, С. 34
 Менделевич 87
 Мешкенайте, А. 39-40
 Микитко 50
 Миков 45
 Микоян, А. И. 11

 Микшите, С. 39
 Михайлов, Б. 4, 92
 Мицкевич 37
 Мишенер 49, 87
 Мишкинис, В. 39
 Миштаугас, З. 40
 Мовчан 48
 Могилевер, В. 51, 87
 Монахов 14
 Мороз, В. 46-47, 87, 89, 93, 96
 Морозенко 33
 Морозкин 23
 Морозов, Г. В. 17
 Мудрый 33
 Музинова, С. 32
 Мурженко, А. 87
 Мустафаев, Э. 33
 Мустафаева, Г. Р. 29
 Мустафаевы, А. и М. 27
 Мухтеремов, Ш. 97
 Мышакин, Л. И. 20
 Мюге, С. Г. 12-13
 Мякишев 45

 Найденович, А. 45
 Наринская, Г. 92
 Наровчатов, С. 63
 Нейфах, А. А. 84
 Некипелов, В. А. 12-16, 87
 Некрасов, В. 76-77, 85-86
 Никсон, Р. 79, 87-88, 95
 Нимиринская, Н. Я. 7, 8, 13, 15
 Новиков 7, 9, 11

 Образцов 13
 Овсиенко, В. 50
 Овчинников, И. В. 4, 61, 62, 86
 Оганесян, А. 57
 Огурцов, И. 49-50, 87, 89, 95
 Ойзерман, Т. И. 28, 29
 Ольденбургер, Л. 26
 Орешкин, П. 79
 Орлов 52
 Орлов, Ю. 6, 60, 94-96
 Осипов 79
 Осипов, В. Н. 4, 61, 62, 81, 95
 Охаккин, О. 86

- Павилонис В. 35-37, 87
 Павленков, В. К. 45
 Падерин 65, 66
 Паз, О. 12
 Пайлодзе, В. 40-42, 82
 Панкин 65
 Панов, В. 82
 Пантелеев, Л. 64
 Пападюк, З. 50, 87
 Пастернак 78
 Патрубавичус 37
 Паулайтис, В. 50
 Пацюков, В. В. 20
 Пашилис, А. 42
 Пенсон, Б. 43, 87
 Пестовы, В. и В. 51
 Петров-Агатов, А. А. 49
 Петронис, П. 38
 Пикар, К. 54
 Пилялис 38
 Пименов, Р. 57, 80, 97
 Пиотровский, Р. Г. 69
 Пирогов, С. К. 16-21, 87
 Пирогова, Н. Г. 17
 Платонов, В. 51, 80
 Плахотнюк, Н. 56
 Плешков, П. И. 62, 81
 Плющ, Л. 53-56, 76, 87, 89-91
 Подгорный, Н. В. 12, 17, 26, 27
 Подъяпольский, Г. 6, 13, 27, 46, 51, 91, 92
 Полищук 48
 Пономарев 7
 Пономарев 87
 Пономарев, С. 51
 Попов, П. П. 34
 Прокопий, В. 37
 Пронюк, Е. 46
 Прус 54

 Радов, Г. 65-67
 Радугина, Н. 79
 Райгородский 77
 Рам, Д. 60
 Рамазанов, Р. 28-31, 33
 Раскольников, Ф. 14
 Редавей, П. 10
 Рекемчук 63
 Репников, В. А. 4, 62
 Рислинг, В. П. 19

 Рогачев, М. П. 62
 Рогов 49
 Рогозина, Г. 82
 Родионов, В. 4, 95
 Рожанская, О. 92
 Розенштейн, Г. 60
 Рокитянский, В. 57, 58
 Романов, А. И. 43, 49, 87, 95
 Романов, И. С. 60
 Ромашенко, Г. Г. 17
 Ростропович, М. 83
 Роум, Х. 55
 Рубин, В. 57, 58, 60, 61, 95
 Рудайтис, И. 35-37, 87
 Рудаков, И. 92
 Руппель, Ф. 26
 Русаковская, М. 82
 Рушкенас 87
 Рязанов, В. И. 81
 Рябчук, В. Н. 21, 22

 Садо, М. 87
 Садомская, Н. 82
 Сакалаускас, А. 35-37, 87
 Сарнов, Б. 61
 Сафронов, А. 44
 Сахаров, А. Д. 3, 6, 19, 21, 27, 45, 56, 64, 76, 80, 84, 86-94, 96
 Сверстюк, Е. 87
 Светличная, Н. 87
 Светличный, В. 28
 Светличный, И. 45, 87
 Светлова, Н. 4
 Святкин 50
 Сеит-Османов, С. И. 32
 Сейдалиев, К. 32
 Сейтумеров, В. А. 29
 Селиванов, Н. П. 28
 Семашка, В. 39
 Семёнов, И. И. 19
 Сеник, И. 87
 Сент-Дьерди 60
 Сергиенко, А. 49, 87
 Серебровская, Е. 68
 Серков 14
 Серый, С. 95
 Сеферова, Э. 33
 Сидур, В. 64
 Симонов, К. 45, 70
 Симутис, Л. 50, 87
 Сиявский, А. 66, 84

 Скаммел, М. 64
 Скворцов, В. 17
 Скуратов, А. 86
 Слоним, М. 12, 92
 Смирнов, А. М. 81
 Смирнов, Н. 21
 Соколов, Вл. 50
 Соколов, В. Н. 16, 18, 20, 97
 Солженицын, А. И. 3-7, 9, 11, 12, 21, 64, 66-70, 72, 78-80, 83, 84, 86
 Соловьев 4
 Сталин, И. В. 14, 62
 Стариков, А. 66
 Старосельский, Л. 50
 Старчик, П. П. 87
 Стасив-Калынец, И. 44, 87
 Стрехнин 63
 Строкатова, Н. И. 43, 78, 87
 Стругацкий, В. 22
 Суперфин, Г. Г. 7-12, 58, 78, 87, 91-94
 Сусленский, Я. 49, 87
 Сухарто 93

 Тальце, М. Ф. 17
 Тамкявичус, С. 39
 Тамулионис 35
 Твардовский, А. Т. 70
 Твердохлебов, А. 12, 45, 56, 76, 90, 92-94
 Тельников, В. 7, 18
 Терновский, Л. 57-59
 Тимачев, В. 92
 Третьякова, Т. П. 48
 Триш, В. 57
 Трояк 76
 Тымчук, Л. 6, 57, 78-79

 Убожко, Л. 87
 Уланов 14
 Уолд, Дж. 60
 Уоррен, Р. П. 12
 Устиашвили 80
 Учитель, А. 83
 Учрехелидзе 80

 Фадеев, А. 70
 Файн, В. 60
 Файнберг, В. 46, 56, 82

- Фангер, Д. 12
 Фаст, Г. 26
 Фельдман, А. 48, 77-78, 87, 89
 Фёдоров 45
 Фёдоров, Ю. 49, 87
- Фиголий, В. 39
 Филатов, В. 86
 Филев 64
 Финн, Э. 60
 Фодо, Ш. 10-11
 Фоменко, Л. 66
 Фридман 55
 Фролов, О. 87
 Фуеде, Р. 55
 Фурман, С. А. 20
- Халиков, Э. 28-31, 33
 Ханцис, Я. 47-48, 87
 Харбедиа, Г. 41
 Хатунский, С. Д. 29
 Хаустов, В. А. 7-10, 11, 87, 91
 Хейфец, М. Р. 21-23, 67-69, 87
 Хнох, А.-Л. 46, 87
 Ходорович, С. 6, 92
 Ходорович, Т. 6, 13, 27, 45, 51, 56, 88-94, 96-97
 Хрущев, Н. С. 96
- Цизман, А. А. 19
 Циндадзе, И. В. 81
 Цкаровели, О. 82
- Чалидзе, В. Н. 11
 Чарухов, Р. 33
 Часовских, Л. А. 53
 Чекуров, А. Н. 68
 Чекалис, Р. 51
 Чепайтис, Т. 71
 Червинская, Н. 92
 Черновол, В. 86, 87
 Черноглаз, Д. 49
 Чигер, Н. 60
 Чобанов, У. 33
 Чуковская, Л. К. 4, 5, 63-65, 92
 Чуковский, Н. 63
- Шабатура, С. 44, 87
 Шакиров, Б. 42, 49
 Шанидзе, Л. В. 81
 Шапиро, И. М. 83-84
 Шапиро, М. 12
 Шатуновская — см. Иофе, Н. Я.
 Шафаревич, И. Р. 3, 84-86
 Шахвердян 87
 Шварц, Л. 54, 60
 Шевалле, К. 54
 Шенгелия, А. 72
 Шестнов 11
 Шилькрот, Б. 51
 Шиханович, Ю. 54, 55, 57
 Школьник, И. 87
 Шландаков 24
 Шмелев 33
 Шнарр, Ф. 26, 87
- Шолохов, М. 10, 4, 63
 Шрагин, Б. 4, 6, 82, 92
 Штейман 9, 11
 Шуб 7
 Шукуров, Э. 29
 Шульскене, М. И. 83
 Шульц, В. 26
 Шумук, Д. 87
 Шустер, А. 92
 Шухевич, Ю. 87
- Эвентов, И. С. 69
 Эйхенбаум 70
 Эллинсон 11
 Эмерсалиева 33
 Эминова, А. А. 29
 Энгельгардт, В. А. 92
 Эреджелов, М. 33
 Эрлих, В. 12
 Эткинд, Е. 3, 21, 22, 65, 67-70
- Юдович, Л. А. 9, 11
 Юзенайте, В. 39-40
 Юрченко, Ю. 64
- Якир, П. И. 7, 8, 18, 20, 74, 75, 76
 Яковлев 21
 Яковлев, Ю. 63
 Ярун, В. А. 28
 Ясиновская, Ф. 61
 Ястраускас, А. 51
 Ясько 32
 Яугалис, В. 37-38
 Яшкин 19

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ «ХРОНИКА-ПРЕСС»:

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСКИ 28—31 В ОДНОЙ КНИГЕ

Цена \$5.00. авиапочтой \$6.00

А. САХАРОВ

О ПИСЬМЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

«ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Цена \$0.50, авиапочтой \$1.00

В. ЧАЛИДЗЕ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Цена \$ 8.00, авиапочтой \$10.00

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

Условия годовой подписки (6 выпусков)

Для организаций и библиотек	\$20
Льготная для студентов и эмигрантов в Израиле	\$10
Обычная	\$15
За пересылку авиапочтой оплата дополнительно	\$ 5

(Просьба указать, на какое издание, русское или английское, делается подписка)

Можно заказать выпуски 1973 г.

**KHRONIKA PRESS
505 EIGHTH AVENUE
NEW YORK, N. Y. 10018**

ФАМИЛИЯ

АДРЕС

.....

Прилагаю при сем сумму \$.....

\$4.00